

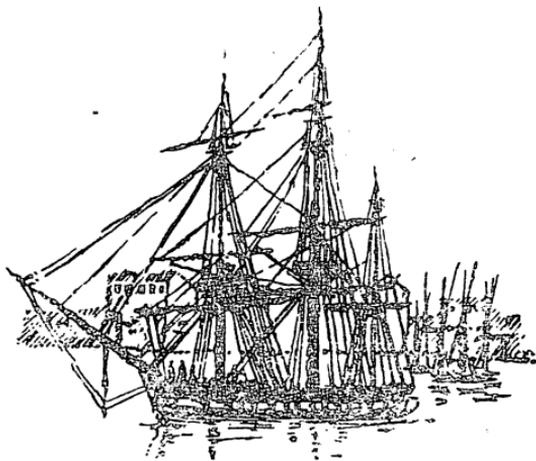
H.E.L.
Mellersh

FitzRoy
of the
Beagle

Rupert Hart-Davis·LONDON·1968

Г.Е. Меллерш

Фицрой-
капитан
„Бигля“

Гидрометеосиздат • ЛЕНИНГРАД • 1975

Перевод с англ. Г. А. Островской
Под редакцией и с послесловием С. П. Хромова

ПРЕДИСЛОВИЕ

К тому, чтобы именно мной было написано предисловие к жизнеописанию Роберта Фицроя, есть некоторые основания. В 1934 году, работая над рукописями дневника, который вел на борту «Бигля» мой дед Чарльз Дарвин, я посетила дочь адмирала мисс Лору Фицрой в ее лондонском доме. Я помню большой белый мраморный бюст Фицроя, стоящий в гостиной, обставленной по моде викторианских времен: удивительное лицо, чуткое, суровое, фанатичное, в котором целеустремленность странно сочеталась с нерешительностью, еще сильнее заметной, мне кажется, на его более раннем портрете. Чтобы прощупать почву, я спросила мисс Фицрой, фотографировали ли когда-нибудь этот бюст. Ее ответ прозвучал ясно и категорично: «Нет, я бы этого никогда не допустила».

На стенах висело много картин, написанных Конрадом Мартенсом, художником экспедиции на «Бигле», а в княжних шкафах, дразня воображение, поблескивали корешки книг, должно быть, принадлежавших ее отцу. Но я сдержала свое любопытство — как мисс Фицрой было известно, что я родственница Чарльза Дарвина и потому в первую очередь интересуюсь плаванием «Бигля», я была в какой-то степени подозрительна для нее.

Однако о Дарвине она отзывалась с обезоруживающей прямо-той; она сказала: «Он был великий человек... гений... но, к сожалению, интересы его были слишком широки». И, немного помолчав, добавила: «У него была особая миссия, но он переступил черту... Да, — со вздохом продолжала она, — он пошел дальше той цели, ради которой был рожден на свет». Как только я вернулась домой, я записала эти слова и все, что происходило при нашей встрече; эта запись у меня сохранилась. С тех пор прошло тридцать три года, и я бы не отважилась приводить ее слова на память.

В беседе она упомянула о случае, имевшем отношение к деятельности ее отца в последние годы жизни. Однажды воскресным утром, когда она была еще совсем маленькой девочкой и жила с отцом и матерью возле Кенсингтонского парка — году так в 1860-м, — она услышала звон колокольчика и, думая, что родители вернулись из церкви, сбегала вниз открыть им дверь. Каково же было ее смущение, когда она увидела на крыльце дома посыльного от королевы, явившегося к адмиралу, чтобы узнать, не ожидается ли шторм, — на следующий день ее величество собиралась ехать в Осборн на острове Уайт. Адмирал Фицрой незадолго до того стал выпускать в возглавляемом им Метеорологическом департаменте бюллетени погоды...

У меня в сердце навсегда запечатлелся образ мисс Фицрой, ее неповторимое очарование. После этого визита мне стало гораздо легче понять, как непреклонность и даже упрямство сочетались в адмирале Фицрое с каким-то прямо болезненным чувством справедливости, как праведное негодование и желание наказать виновных умерялись его великодушием, почему, всегда готовый посочувствовать и помочь другим, он не щадил самого себя.

Мистер Меллерш проследовал за капитаном Фицроем по малоизвестным отрезкам его жизненного пути после возвращения «Бигля» из второго плавания в 1836 году, показал горький новозеландский период и недолгую службу в адмиралтействе в то время, когда изобретение паровых двигателей революционизировало морской флот.

Однако имя Фицроя осталось в истории главным образом из-за его деятельности в Метеорологическом департаменте. Его недаром называют отцом прогнозирования погоды; кто мог лучше оценить важность штормовых предупреждений, чем капитан парусного судна, многие месяцы подряд боровшийся с ветром и волнами у мыса Горн! На «Бигле» были барометры — новшество в те времена, — и благодаря тому, что они предупреждали о приближении бури, а Фицрой немедленно принимал нужные меры, он, вероятно, не раз спасал от гибели и сам корабль и всех, кто был на его борту. Но лишь тогда, когда стали сопоставлять показания барометров, полученные одновременно на многих метеорологических станциях и сразу же переданные по телеграфу, предсказания сделались более достоверными. К сожалению, капитан Фицрой не дожил до того времени, когда возникла централизованная служба погоды.

Мистер Меллерш подчеркивает, что Фицрой, преисполненного сострадания и любви к ближним, прогнозирование погоды привлекало прежде всего как средство уберечь жизнь людей.

Много книг посвящено научным результатам плавания «Бигля», тем возможностям, которые это плавание предоставило Дарвину, и тому, как он их использовал. Немало также написано, причем часто с весьма предвзятых позиций, о печальном опыте Фицроя, пытавшегося «приручить» огнеземельцев, которых он увез в Англию, возвращаясь из первого плавания на «Бигле», и вернул на родину через два года во время второго. Мистер Меллерш рассказывает всю эту историю с похвальной объективностью.

Меллерш впервые дает портрет Роберта Фицроя в натуральную величину, рассказывает о его родословной, о роли, которую он сыграл в жизни своей страны, о его выдающихся достижениях, неудачах и трагическом конце. Мы увидим, какой трудный и опасный путь вел его к успехам, увидим, что неудачи его — это неудачи благородного человека, вызванные ревностным стремлением облегчить и улучшить судьбу людей.

Мистер Меллерш на протяжении всей книги приводит комментарии современников Фицроя, знакомит нас с общественным мнением тех дней и тем самым показывает Фицроя в еще одном аспекте. Благодаря использованию обильной документации, раскрывающей поступки и суждения отдельных лиц и деятельность организаций, существовавших более ста лет назад, портрет Фицроя, нарисованный мистером Меллершем, становится портретом целой эпохи.

Нора Барлоу. Ноябрь 1967

ОТ АВТОРА

То, что Дарвин, сверх всякого чаяния, оказался на борту корабля флота ее величества «Бигль» («Гончая») в качестве натуралиста, произошло в силу стечения целого ряда обстоятельств. Капитан Фицрой хотел иметь в составе экспедиции натуралиста, но сильно колебался, прежде чем взять Дарвина на эту должность; сам Дарвин лишь в последний момент встретился с капитаном. Да и вообще какое-то время вероятность того, что «Бигль» вновь отправится в плавание, была весьма невелика.

Однако так или иначе выбор судьбы пал на него, вернее выбор этот был предрешен не столько судьбой, сколько самими молодыми людьми. Будущее Дарвина было бы иным, не отправься он в плавание на «Бигле». То же можно сказать и о будущем Фицроя.

Мало того, оба они — каждый яркая индивидуальность — взаимно влияли друг на друга. Дарвин нашел в Фицрое, этом «идеальном капитане», очаровавшем его с первого взгляда, хотя с ним бывало подчас и трудно, сильную и незаурядную личность. Не приходится сомневаться, что Фицрой оставил бы след в истории, даже если бы на борту «Бигля» не оказался человек, которому было предначертано прославиться на весь мир.

По правде говоря, то, что Фицрой известен потомкам лишь как капитан корабля, на котором плавал Дарвин, по меньшей мере несправедливо. Книга эта и является попыткой восстановить справедливость.

КАК ДЕЛАЮТСЯ КАПИТАНАМИ

Семья и традиция

Роберт Фипрой родился пятого июля 1805 года в родовом поместье Графтонов Эмптон Холле, неподалеку от Юстона, графство Суффолк. Он был вторым сыном второго сына третьего герцога Графтона, а отцом первого герцога Графтона был король Англии Карл II.

Предков приходится принимать в расчет биологически, хотя для биографа и небезопасно подчеркивать наследственные черты. Еще более приходится с ними считаться, когда в качестве духовного наследия они оставляют потомкам нерушимую традицию. И, естественно, если род идет от Карла II и Барбары Вильерс, среди детей и внуков которых, кстати, насчитывалось немало выдающихся личностей, традиция эта сильна даже в пятом колене. Судя по всему, Роберт Фипрой был не такой человек, чтобы кричать на всех перекрестках о своей родословной (единственный раз, когда он об этом заговорил, речь шла о семье его матери); однако он никогда не забывал, что в его жилах течет королевская кровь.

Первый герцог Графтон, по прозвищу Забияка, погиб двадцати семи лет. К тому времени он убил двух человек на дуэли, однако славу ему принесло иное. В 1690 году, будучи адмиралом английского флота, он сражался против французов и при штурме Корка был убит на борту своего корабля «Графтон».

Второй герцог Графтон (упомянутый в свое время Свифтом) пошел по иному пути. Он служил первым камергером при дворах Георга I и Георга II и, хотя был образцовым придворным, отличался вспыльчивым нравом

и здоровым чувством собственной важности. Рассказывают, что однажды он нечаянно толкнул принца Уэльского (впоследствии Георга II) и тот проворчал, что и шагу нельзя спокойно ступить из-за всяких улюлюканий. На что герцог Графтон ответил с большим достоинством: «Сэр, мой отец, как и ваш, был король, что до матерей, то чем меньше о них будет сказано, тем лучше». То, что герцог имел в виду деда, а не отца, ничуть не умаляет находчивости ответа.

Следующим, кто передал дальше титул и закрепил в семье славную традицию, был лорд Август Фицрой. Как и его дед, он стал моряком и тоже умер в молодости. К двадцати двум годам у него, так же как у деда, был свой корабль. Рассказывают такой анекдот. В 1737 году во время плаванья в Карибском море лорд Август, под командованием которого находилось четыре корабля, получил распоряжение не упускать из виду пять французских кораблей. «И когда капитан-француз отказался спустить паруса, его светлость, не задумываясь, велел дать по французам залп из всех бортовых орудий, на что те в свою очередь ответили залпом, и завязался бой». Но так как между Англией и Францией еще не была объявлена война, через некоторое время обе враждующие стороны прекратили перестрелку и обменялись извинениями; баталия закончилась без вреда для тех и для других, если не считать такой мелочи, как пролитая кровь.

Сын этого храброго, хотя и чересчур горячего морского капитана более прочно запечатлел свое имя в истории: когда в 1760 году Питт Старший, заболев, удалился от государственных дел, третий лорд Графтон занял пост премьер-министра. Судя по всему, это был человек беспечный, совершенно лишенный честолюбия; поэтому, как только представилась возможность, он вышел в отставку и вернулся к любовнице и лошадям. Единственное, чем ознаменовалось его пребывание на этом посту, — слабые попытки борьбы с работорговлей. Однако даже самый скромный премьер-министр оставляет по себе хоть какую-то память, и до Фицроя, которому было всего шесть лет, когда умер его дед (вряд ли он его помнил), должно быть, дошли ее отголоски. К тому же мальчик, по-видимому, твердо усвоил существовавший тогда в аристократических семьях непреложный закон: если отечество призывает тебя, надо служить. А тому обстоятельству, что дед его, как погово-

ривали, не слишком себя утруждал при отправлении обязанностей, без сомнения, были найдены в семье смягчающие обстоятельства.

После уставшего держать в руках бразды правления премьер-министра никто из Графтонов не стремился к славе, да и слава не преследовала Графтонов. Дядя Роберта, четвертый герцог Графтон, довольно эксцентричный джентльмен, прожил всю жизнь в своем поместье, и если был хоть как-то известен среди сограждан, так только тем, что его лошадь выиграла приз на скачках. Однако младшие братья герцога, верные фамильной традиции, пошли на военную службу. Лорд Вильям был записан во флот, участвовал в славной битве первого июня и стал адмиралом. Лорд Чарльз, отец Роберта, после окончания Кембриджского университета вступил в армию, был в период кампании во Фландрии адъютантом Георга III и дослужился до генерала. Кроме того, в течение двадцати пяти лет он был безупречным членом парламента от Бери Сент-Эдмундз, хотя ни разу за время пребывания в палате не раскрыл рта. Впоследствии сын напишет о нем: «Типичный английский сквайр, любивший садоводство и лисью охоту» (и, кстати, научивший сына, без сомнения наряду со многим другим, пользоваться барометром).

В 1799 году лорд Чарльз вторично женился — первая жена умерла, подарив ему сына. Второй женой лорда Чарльза была леди Френсис Энн Стюарт, старшая дочь первого маркиза Лондондерри, сестра лорда Каслри. Стюарты были крупными землевладельцами и имели обширные угодья на севере Ирландии. Если судить о сестре по брату, она, видимо, была обидчива, замкнута и крайне раздражительна, а Роберт Фицрой, если он пошел в дядю, к тому же должен был стать неутомимым тружеником, крайне требовательным к себе.

Леди Френсис родила сына Джорджа, затем дочь Френсис, а в 1805 году, году Трафальгарской битвы, второго сына — Роберта. Когда Роберту было четыре года, семья переехала из Бакингемшира в Вэкфильд-Лодж — «охотничий домик» Графтонов, неподалеку от деревушки Потсбери в Нортгемптоншире.

Вэкфильд-Лодж был таким местом, где приятно провести детство, особенно если оно пришлось на первые годы девятнадцатого столетия, когда слово «сквайр» еще вызывало уважение. Сложенное из светлого камня, здание

в греческом стиле, внушительное, однако не слишком большое и роскошное, было выстроено лет за тридцать до того, как туда переехал Чарльз Фицрой. Дом стоял в большом парке, где мальчик мог бродить часами; рядом было озеро, где он мог плавать на парусной лодке.

Лишь один год Роберт прожил в Вэкфильд-Лодже вместе с матерью. В 1810 году она умерла. Роберт рос в обществе овдовевшего отца, сестры и двух братьев, родного и сводного, который был старше его на восемь лет. В феврале 1818 года, ровно через восемь лет после смерти матери (мальчику еще не минуло тринадцати), Роберт поступил в Королевское военно-морское училище в Портсмуте. Вслед за дядей, дедом и еще более далеким предком — основателем их рода, вдохновляемый и поддерживаемый мыслью об их успехах, Роберт Фицрой сделал первый шаг по новой стезе.

Подготовка капитанов

Главное — старание, мистер Иззи.

Капитан Маризт. «Мичман Иззи»

Юному Роберту Фицрою предстояла десятилетняя выучка, прежде чем он получит в сентябре 1828 года под командование «Бигль». За эти годы он проделал длинный путь: гардемарин, мичман, лейтенант и наконец лейтенант флагманского корабля. В своих записках он почти не упоминает об этом периоде жизни. В официальных документах адмиралтейства о нем говорится, естественно, очень кратко. Однако благодаря удачному стечению обстоятельств адмирал Б. Д. Саливан, бывший на пять лет моложе Фицроя, оказался тесно связан с ним по службе как в начале карьеры, так и в ее конце; говоря в автобиографии о первых годах во флоте, он бросает достаточно яркий свет и на юные годы своего старшего товарища, Фицроя. До нас дошли также свидетельства людей, не знавших Фицроя, которые рассказали нам о жизни других мальчиков, решивших (вернее, подчинившихся воле родителей) стать офицерами британского флота в ту пору, когда там уже не было Нельсона, и поцавших, вероятно, в те же условия, что и Фицрой.

Поступив в морское училище в Портсмуте, оба мальчика, и Фицрой и Саливан, нарушили общепринятый порядок.¹ Большинство из тех, кто хотел стать моряком, шли в услужение к морским офицерам и, начав с самой низшей ступени, приобретали знания практическим и более тяжелым путем. По правде сказать, многие консервативные по своим взглядам офицеры отдавали предпочтение такому обучению и подозрительно косились на выпускников училища, так называемых гардемарин. Однако в училище можно было получить куда более солидные теоретические знания, которые серьезный юноша мог употребить с большой пользой.

Судя по всему, программа в портсмутском училище была весьма насыщенной. Во времена Фицроя и Саливана во главе училища стоял, как это ни странно, священник, некий Джемс Инмен, который был не только знатоком античной словесности, но и автором книг по артиллерийскому делу, а также создателем навигационных таблиц. И эти таблицы служили подспорьем многим поколениям морских офицеров. Составленный Инменом курс обучения выглядел, во всяком случае на бумаге, устрашающе для юношей, учившихся в двадцатых годах XIX столетия. Полный курс был рассчитан на три года и, согласно программе, за два последних полугодия должны были быть пройдены следующие дисциплины.

Пятое полугодие: фортификация; теория баллистики и ее применение в артиллерийском деле; законы изгиба поверхностей и их применение при измерении поверхностей жидкостей и твердых тел; образование различного рода искривлений и сопротивление движущихся тел; механика; гидростатика; история мореплавания и морские открытия.

Шестое полугодие: основные проблемы астрономии; движение небесных тел; приливы; лунные аномалии; для особо успевающих слушателей — «Начала» и другие работы Ньютона.

---

¹ Чиновником адмиралтейства Пеписом для осуществления желания короля Карла II «поощрить тех из наших подданных, принадлежащих к высшему сословию, которые хотели бы обучить своих отпрысков искусству кораблевождения», был организован институт гардемарин. Так было положено начало длительной войне между адмиралтейством и морскими капитанами; первое хотело искоренить, а вторые — сохранить право капитанов подбирать офицеров на свой корабль.

Однако в действительности все выглядело иначе: от мальчиков ожидали, что они пройдут всю программу за два года, а если смогут, и того быстрее; и каждый год лучшему выпускнику училища выдавалась медаль. Фиррой пробыл в училище год и неполных восемь месяцев. Видимо, то, чему преподобный Инмен хотел обучить своих питомцев, и то, чему удавалось их обучить, имело мало общего между собой. Однако, если верить Саливану, учиться было достаточно трудно, хотя благодаря разнообразию предметов мальчики как-то умудрялись их переварить. На семьдесят слушателей в училище было три учителя математики, мистер Инмен и еще один святой отец преподавали античную словесность, историю, географию и английский язык. Французскому (по словам Саливана) обучал некий Крузе, француз-эмигрант. Кроме того, их учили фехтованию и танцам. Утренние часы предназначались для математики, послеполуденные — для французского и черчения, которое вел превосходный знаток своего дела мистер Д. С. Четки. В училище также были занятия по кораблестроению под руководством мистера Финчема, главного инженера судостроительной верфи. Они начали проходить геометрию с мистером Лайвси, но, чтобы в ней успевать, необходимо было дополнительно заниматься и у себя в каюте, и — вечерами — в общей столовой. Кое-кто из старших мальчиков старался этому помешать. Учащихся часто водили на верфь, показывали, как строят корабли в доках, и те, кто хотел, помогали при оснастке кораблей и учились множеству полезных вещей. Училищу принадлежало несколько баркасов; слушатели часто посещали военные корабли, а по субботам отправлялись в Хэслер-Крик играть в крикет.

Саливан был способным и прилежным учеником, и поскольку Фиррой ставили ему в пример, можно предположить, что тот был еще способней и прилежней. Несмотря на препятствия, чинимые, как упомянул об этом Саливан, менее развитыми, но старшими по возрасту учениками, мальчики, которым последующие поколения прилепили ярлык «зубрила», вовсе не были исключением в те времена. Десятью годами позднее некий Этли Купер Ки, впоследствии, подобно Фиррою и Саливану, ставший адмиралом, писал домой: «В этом месяце я занял второе место по прилежанию, а не первое, как в прошлом. Я обогнал свой класс на пять месяцев. В конце полугодия постараюсь по-

лучить награду — у нас награждают за лучшие успехи по английскому, французскому, черчению, географии и математике... По черчению мне вряд ли удастся добиться первого места, вы знаете, что я в нем не силен, но думаю, у меня есть шансы завоевать награду за английский, математику и географию. Придется как следует трудиться, но я сделаю все, что в моих силах».

Фицрой, в частности, поставили в пример Саливану, когда ему подошел срок кончать училище. В те времена для производства в чин лейтенанта нужно было сдать специальный экзамен и делалось это также в портсмутском военно-морском училище. Как-то раз Инмен сказал Саливану:

«Вчера на экзамене один наш бывший выпускник завоевал золотую медаль. Его зовут Фицрой. Он добился того, чего никто еще не добивался,— получил за все ответы самый высокий балл. Надеюсь, когда вы будете сдавать экзамен на чин лейтенанта, результат будет такой же».

Вскоре после того Саливан окончил училище и отправился на свой первый корабль «Фетис» («Фетида»), а через несколько недель на этот же корабль пришел в звании младшего лейтенанта тот самый человек, который в годы учения был ему образцом.

Это произошло осенью 1824 года. Роберт Фицрой уже прослужил на море почти пять лет. Одну половину из них гардемарином на «Оуэне Глендоуэре», вторую — мичманом на «Хайнде» («Лань»). Мы не знаем, косился ли на него его первый капитан за то, что он пришел из училища, а не начал свой путь по тогдашнему обыкновению прямо на корабле, но такая возможность не исключена.

Жизнь мичмана, как известно, нелегка, а в первые десятилетия XIX века она была особенно тяжелой. При всем том праведный ужас, который мы испытываем, читая о тех суровых временах, может завести нас слишком далеко и исказить наши представления. Те годы описаны капитаном Маризетом в «Мичмане Изи», и если читатель, знакомясь с приключениями этого болтливого юного щеголя, ожидает нагромождения жестокостей, он будет сильно удивлен. Спору нет, старший мичман был грубым забиякой, который искал, к чему придраться, но большинство офицеров, как младших, так и старших, с которыми мы встречаемся в этой книге, были людьми гуманными в лучшем смысле этого слова, добрыми, отзывчивыми, с чув-

ством юмора, хотя и строгими ревнителями дисциплины. Жизнь на корабле вовсе не обязательно ожесточала сердце мичмана.

Однако она, мягко выражаясь, закаляла его тело. Как для тренировки, так и в наказание мальчиков отправляли на ванты — среди парусного вооружения мичман должен был чувствовать себя как дома, на любой высоте, в штиль и в шторм. (Существует несколько вполне достоверных историй о трагических результатах такой практики. Однако мне известна и не менее достоверная история о мальчике, который сам любил забираться на ванты. К сожалению, это пристрастие привело к печальному концу: он уснул в свернутом парусе и, когда парус был поднят, упал на палубу и разбился.) Каюта, где жили мичманы, была низкая, темная и тесная, пища — грубая и скудная. Они почти все время страдали от голода, смягчаемого изредка обедами за капитанским столом и несколько чаще ночными походами, называемыми «фуражировка», которые, хотя и не поощрялись, допускались, по-видимому, для развития «инициативы».

Годы мичманской службы Фипроя прошли в Средиземноморье и у берегов Южной Америки. Судя по его воспоминаниям, ему тогда жилось вовсе не плохо. Описывая посещение Рио-де-Жанейро во время второго плавания «Бигля», он отклоняется от темы и с восторгом рассказывает о том, как впервые на борту «Оуэн Глендоуэр» попал в эту великолепную гавань. «Только что село солнце, на западе показались высокие синие горы, и мы, подгоняемые попутным ветром, быстро приближались к земле. Море было совершенно спокойным, и, так как ветер дул в корму, мы делали тринадцать узлов в час. Наступила ночь и, как всегда в тропиках, когда небо покрыто облаками и ни луна, ни звезды не рассеивают густой мрак, все поглотила тьма; за кормой тянулась длинная и абсолютно ровная сверкающая дорожка — след быстрого движения корабля, а вокруг поса до самого конца бушприта взлетала искрящаяся пена, при свете которой можно было читать». Затем Фипрой говорит о том, как им, мичманам, трудно было снимать показания квадранта, когда солнце стояло почти отвесно над головой, описывает плавание по прекрасной гавани и остров, на который они высадились, «похожий на гигантскую оранжерею, так великолепны и душисты были там кусты, такие экзотические росли там цветы и

деревья». Судя по этим выдержкам, юный Фицрой обладал чувством прекрасного, был добросовестным мичманом и не жаловался на жизнь.

Когда в 1824 году Фицроя следом за Саливаном назначили на «Фетиду», где обоим молодым офицерам предстояло провести вместе около четырех лет, ему было девятнадцать, Саливану — четырнадцать. Между ними сразу завязалась дружба, видимо, потому что оба они принадлежали к избранной, но не всегда желанной группе моряков, которые приходили во флот более современным путем, имели техническую и теоретическую подготовку. «Он был очень добр ко мне, предложил пользоваться его каютой и книгами, — писал впоследствии Саливан в автобиографии. — ...Он руководил моим чтением и поощрял занятия наблюдениями, необходимыми в навигации, ибо только так знания, полученные мной в училище, могли принести мне пользу». Затем Саливан учтиво добавляет, что своими успехами он в большой степени обязан совместному плаванию с Фицроем, которого Саливан называет «одним из лучших морских офицеров-практиков во флоте ее величества», и особо указывает на его любовь «к приборам и приспособлениям, необходимым при управлении кораблем». Судя по всему, Роберт Фицрой серьезно готовился к своей будущей деятельности, хотя и не мог тогда знать, что станет командиром гидрографического судна.

Основной обязанностью «Фетиды», когда на ней не переправляли войска на морские базы и дипломатов к месту их назначения, было ходить дозором у корнуэльского побережья и охранять его от контрабандистов. Вряд ли это отвечало мечтам молодых офицеров, хотя плавание вдоль скалистых берегов по вечно неспокойному морю был очень хорошей школой. К счастью, вскоре последовал рейс в Средиземное море, закончившийся небольшим инцидентом в Гибралтарском проливе. Сильный шторм загнал многие торговые суда в испанские территориальные воды, и испанцы стали захватывать их и забирать находившиеся на них грузы, видимо, чтобы возместить пошлинные сборы, которые, как они полагали, причитались им по праву. «Фетиде» было приказано восстановить порядок. Введенных курков оказалось достаточно, чтобы «убедить» испанцев, но сам инцидент этот внес разнообразие в жизнь моряков.

Вслед за тем они должны были доставить в Рио-де-Жанейро назначенного туда послом лорда Понсеби. Диплома-

ту и его свите были созданы все удобства, без сомнения, в ущерб младшим офицерам. Саливан, так же как Фицрой, был покорен экзотическим пейзажем Рио... По пути домой один из мичманов сильно ранил руку и ему грозила ампутация. Капитан судна Джон Филлимор отдал ему каюту, которую занимала раньше леди Понсонби, а сам устраивался на ночь за дверью, строго наказывая разбудить его, если юноше будет хуже. «Я видел (пишет Саливан), как он часами просиживал у постели мичмана, держа его за руку и стараясь облегчить его страдания». Поведение капитана произвело сильное впечатление на всех офицеров. Кстати, это был тот самый капитан Филлимор, который отважился на смелый шаг и сократил, одновременно увеличив паек, дневной рацион рома, полагавшегося матросам, с полпинты до четверти пинты. Эта перемена, хотя и вызвала вначале горячий протест, затем принесла ему широкую популярность. Саливан и Фицрой не преминули воспользоваться его примером на «Бигле».

Когда «Фетида» была недалеко от дома, ее настиг жестокий шторм. Мы узнаем о нем из записок Саливана, который пишет также о поразившем его поступке Фицроя во время этого шторма. Получив приказ подняться на марс, Саливан с изумлением заметил, что, когда корабль скатывался с гребня волны, горизонт исчезал из виду. Это означало, что высота волн была не менее шестидесяти четырех футов. Спустившись, он рассказал об этом лейтенанту Фицрою, и тот немедленно поднялся на марс, чтобы убедиться в этом собственными глазами.

«Фетида» пришла в Спитхед, и команду распустили, но тут же набрали новый личный состав. Саливану предоставлялась возможность перевестись на корабль, уходящий в Средиземное море, однако он предпочел остаться на «Фетиде» с Фицроем.

Саливан счел нужным упомянуть только о двух событиях, произошедших в последний год, который им предстояло провести вместе, и то вкратце — по молодости лет он не мог проникнуть в душу своего покровителя и друга и нарисовать его психологический портрет, как это сделал впоследствии Чарльз Дарвин.

«Фетида» получила приказ идти в Южную Америку, в Монтевидео, в распоряжение адмирала сэра Роберта Отуэя. Когда она отправлялась в путь, ходили слухи о возможной войне с Францией. Однажды ночью в Атлантическом океа-

не шедший навстречу корабль не ответил на их оклик. «Орудия к бою, мистер Фицрой!» — скомандовал капитан. Однако Фицрой не в пример лорду Августу, своему прославленному предку, не стал очертя голову кидаться в бой. И к счастью для обеих сторон. Услышав английскую речь, капитан встречного судна, принадлежавшего, как оказалось, Ост-Индской компании, сообщил название корабля к порт назначения. Они не отвечали, так как в свою очередь решили, что «Фетида» — французский корабль.

В Монтевидео произошел еще более волнующий эпизод. В то время между Бразилией и Аргентиной шла война за Уругвай и обе стороны были крайне заинтересованы в услугах опытных английских моряков. Дошло до того, что моряков стали вербовать обманным путем, а то и просто похищать. Таким неблаговидным делом занимался в пользу Бразилии некий капитан Приц, датчанин по национальности, не питавший никакой любви к Англии. Как-то под вечер, проплывая на баркасе мимо судна Прица, капитан «Фетиды» услышал, что его зовет оттуда один из его матросов. Он тут же поднялся на корабль и потребовал отпустить похищенных людей. Поскольку ему ответили категорическим отказом, он послал баркас за немедленной вооруженной помощью.

Что он делал на борту чужого корабля, пока не подошло подкрепление, нам неизвестно. Но прошло совсем немного времени, и он спокойно сказал: «Я слышу шум весел, это мой баркас, лучше верните людей!» Над бортом судна показались головы Фицроя и матросов, и у капитана Прица хватило ума вспомнить, что «главное достоинство храбрости — благоразумие»¹. Саливан, которому, кстати, вовсе не полагалось принимать участие в этой «спасательной экспедиции», поскольку он числился среди больных, слышал, как Фицрой просил у старшего лейтенанта разрешения его обогнать, так как у него, Фицроя, более быстрый баркас.

Это произошло в апреле 1828 года. Через четыре месяца после того Фицрой был переведен на флагманский корабль «Ганг» под начало адмирала Огуэя.

Мы не знаем, как ему удалось произвести благоприятное впечатление на адмирала. Однако будет справедливо

---

¹ Шекспир, Король Генрих IV. Перефразированная реплика Фальстафа, ставшая нарицательной.— *Прим. пер.*

отметить, что задача эта была не из легких. Сэр Роберт Отуэй сражался вместе с Нельсоном под Копенгагеном; он был тогда капитаном флагманского корабля и сделал все возможное, чтобы не услышать приказа о прекращении битвы, на что Нельсон... закрыл свой зрячий глаз.

Мало того что Фицрой сумел понравиться адмиралу, ему понадобился для этого совсем небольшой срок — менее чем через три месяца произошел крутой поворот в его судьбе.

В южноамериканских водах плавал в то время другой офицер, также имевший очень хорошую репутацию. Это был капитан Филипп Паркер Кинг, сын первого губернатора Нового Южного Уэльса (Австралия). К тридцати пяти годам Кинг стал членом Лондонского королевского общества содействия успехам естествознания и приобрел известность своими гидрографическими исследованиями у берегов Австралии. Последние два года до описываемых событий под его командой было два корабля — «Адвенчер» («Приключение») и «Бигль». Он занимался гидрографической съемкой южной оконечности Южной Америки. В октябре 1828 года капитан Кинг прибыл в Рио-де-Жанейро и доложил о положении дел адмиралу Отуэю. Он потерял при трагических обстоятельствах капитана «Бигля» и просил разрешения назначить на его место лейтенанта, к которому фактически перешло командование кораблем после смерти капитана.

Адмирал Отуэй отдал иной приказ. Он назначил капитаном «Бигля» лейтенанта Фицроя.

Первые дни на «Бигле»

Хотя Роберт Фицрой вполне заслужил это, все же в двадцать три года стать капитаном гидрографического корабля — несомненно большая удача. Фицрой имел все основания быть довольным. Однако назначение было сопряжено со многими трудностями, и мысль об этом действовала на него отрезвляюще. Ему предстояло участвовать в сложных гидрографических съемках под руководством человека, завоевавшего себе в этой области прочное имя, командовать кораблем, бывший капитан которого нашел эту задачу настолько для себя непосильной, что кончил жизнь самоубийством.

Кингу было предписано произвести «тщательную гидрографическую съемку» южной оконечности Южной Америки от Ла-Платы до острова Чилоэ. Ла-Плата находится на восточном побережье Америки на 35° ю. ш., остров Чилоэ — на западном побережье, около 43° ю. ш., а мыс Горн — около 56° ю. ш. Из этого видно, что береговая линия, которую следовало нанести на карту, была достаточно протяженной — 2500 миль по прямой, если вести прямую через Магелланов пролив, и на пятьсот миль больше, если вести ее через мыс Горн; если же заходить в каждый залив на сильно изрезанном побережье, расстояние это неизмеримо возрастет. Не следует забывать, что корабли, которые участвовали в этих работах, принадлежали к классу бригов с прямым парусным вооружением, были неспособны, в отличие от судов с косым вооружением, идти круто к ветру и уж тем более не обладали маневренностью современных кораблей. Как во время первого плавания на «Адвенчере» и «Бигле», так и во время второго — на одном «Бигле», съемку берега чаще всего производили с баркасов, спускавшихся с борта кораблей. Бывало и так, что в штиль корабли отводили к якорной стоянке на буксире за гребным баркасом, то есть буквально вручную. Плавание в таких водах было сопряжено не только с изнурительным трудом, но и с опасностью и риском. Нередко приходилось жертвовать частью пройденного пути и возвращаться на стоянку в более спокойное место, нередко у подветренного берега, среди неизвестных и неожиданных течений, корабли оказывались то на слишком большой глубине, чтобы бросить якорь, то на слишком малой, чтобы якорная стоянка была безопасной и морякам не грозила гибель.

Как ни странно, эта часть побережья была практически почти не известна, хотя Магеллан открыл свой пролив за триста лет до того, а Ван-Горн обогнул мыс, названный его именем¹ спустя сто лет, и с тех пор там побывало много мореплавателей. Сама по себе оконечность Южной Америки (как и Африки) до последнего времени не представляла интереса, на нее смотрели скорее как на место, которое желательно быстрее миновать по пути на восток.

---

¹ Мыс Горн впервые в 1616 году обогнули Лемер и Схаутен и назвали его по имени родины Схаутена — города Горн (Хорн). — *Прим. ред.*

Однако за несколько лет до экспедиции положение изменилось. Суэцкий канал был достроен в 1869 году, Панамский канал открылся лишь в 1914 году. А спрос на тюлений и китовый жир стал меньше далеко не сразу после того, как в 1859 году появились первые нефтяные скважины. В те воды все чаще стали заходить китобой и охотники на тюленей, и иногда их суда шли ко дну. Для поддержания престижа великой морской державы Великобритания должна была организовать надлежащую картографическую съемку берегов и познакомить с полученными данными все нации мира.

Съемка восточного побережья от Ла-Платы до Магелланова пролива не обещала ни особых трудностей, ни особого интереса, хотя и попадались реки, еще не нанесенные на карту. Другое дело — самая крайняя оконечность материка архипелаг Огненная Земля, состоящий из большого острова того же названия и скопления маленьких островков, разделенных лабиринтом протоков, и негостеприимное, обдуваемое ветрами и заливаемое дождями западное побережье вплоть до острова Чилоэ с не менее изрезанной береговой линией.

На долю капитана Стокса, командовавшего раньше «Биглем», выпало исследование западного побережья. Вскоре он увидел, что это весьма трудная работа, а тамошние места угнетающе действуют на настроение людей и исподволь разрушают их здоровье. Все, кто попадал в те края, неприятно поражались тому, насколько там холоднее, дождливее и ветренее, чем в Лондоне, лежащем примерно на такой же параллели в северном полушарии, и буквально в одних и тех же словах передавали свое впечатление о них: одиноко, уныло, голо, мрачно.

Шел второй год плавания, когда Кинг отправил «Бигль» на западное побережье с заданием, которое привело к самоубийству его капитана. Кинг столкнулся с трудностями, которые встретил и Фицрой, но, как мы увидим, Фицрой реагировал на них по-иному.

Во-первых, на кораблях уже было несколько случаев цинги. Во-вторых, туземцы — патагонцы и огнеземельцы (первые жили к северу от Магелланова пролива, вторые — к югу) продемонстрировали свое высокое воровское искусство, стащив один из их двух вельботов — эту «прислугу за все», — которые были просто незаменимы при картографической съемке берегов. Третьей заботой Кинга была

последует его примеру) и почти совсем отстранился от командования кораблем; его последний приказ: «Не спешить» чуть не привел к голоду.

Наконец, гораздо позднее намеченного срока, «Бигль» достиг порта Фэмин в Магеллановом проливе. На «Адвенчере» ему устроили радушную встречу. Капитану Кингу не удавалось остановить цингу среди своей команды, но на втором корабле, как он понял, дела обстояли еще хуже. Стокс был угнетен мыслью, что «Биглю» придется вновь отправляться в плавание, но, словно околдованный злыми чарами, только об этом и говорил. На следующий день капитан Стокс застрелился.

Смерть наступила не сразу, конец Стокса был мучительным и долгим. Похоронив его с воинскими почестями, капитан Кинг направился с обоими кораблями к Ла-Плате. Он оставил «Бигль» в Монтевидео и пошел дальше на север, в Рио-де-Жанейро, чтобы доложить о случившемся адмиралу Отуэю. К чему это привело, мы уже писали.

Вот при таких-то обстоятельствах Фицрой получил назначение на «Бигль».

Правда, к тому времени, как «Бигль» пришел вслед за «Адвенчером» в Рио-де-Жанейро и Фицрой принял командование, положение значительно изменилось к лучшему. Несколько солнечных дней в Ла-Плате, немного испанских апельсинов и относительный комфорт сделали чудеса: цинга, боли в суставах и кашель исчезли, настроение команды поднялось.

Фицрою разрешили взять с «Ганга» мичмана Саливана, изъявившего желание служить под его началом, а также штурмана Марри. Перед Фицроем стояла задача наладить хорошие отношения с капитаном Кингом, планы которого (насчет капитана для «Бигля») он невольно нарушил, и с лейтенантом Скайрингом, которого вновь понизили до прежней должности помощника капитана. То, что это ему удалось, видно со слов самого Кинга: «Капитана Фицроя сочли достаточно компетентным, чтобы поручить ему командование «Биглем». Хотя я не мог не сочувствовать лейтенанту Скайрингу, жестоко обманутому в своих надеждах, у меня не было никаких причин быть недовольным Фицроем». С самим Скайрингом взаимоотношения у Фицроя сложились еще лучше, чем с Кингом; это

непредвиденная задержка в Монтевидео — ему пришлось ждать, пока адмиралтейство разрешит приобрести еще одну шхуну, без которой он не мог достаточно хорошо выполнить свою миссию. Когда корабли Кинга и Стокса расстались в Магеллановом проливе, наступила зима.

«Бигль» должен был преодолеть около четырехсот миль в два конца — более 5° широты — и почти все время по узкой полоске воды между островами и прибрежными скалами, далеко не всегда отмеченными на старых испанских картах, служивших капитану Стоксу единственным подспорьем. Необходимость постоянно быть настороже, несомненно, изматывала капитана: свою роль сыграл и мрачный пустынный ландшафт, не говоря об ужасной погоде — непрерывных дождях и шквалах. Палубу непрерывно заливало водой, у матросов болели суставы от ревматизма, начались легочные заболевания, все больше людей оказывалось в списке больных.

В конце маршрута они обнаружили удобную гавань, названную ими порт Отуэй в честь адмирала Отуэя. Плохая погода продержала их здесь десять дней, но если матросам это позволило отдохнуть от непрерывной вахты, то капитан был в слишком тяжелом физическом и психическом состоянии, чтобы вынужденная стоянка пошла ему на пользу. Наконец экспедиция возобновила работу, но погода ухудшилась, и пришлось покинуть палатку, поставленную на берегу. Умер сержант морской пехоты. Глядя на скалистый островок, захлестываемый бурунами, Стокс безнадежно писал: «Даже птицы избегают этого мрачного пустынного места», и далее следовала горькая строка из стихотворения Джемса Томсона: «Человек жив, но душа его умерла». (Капитан Кинг любил цитировать стихи, однако это чаще всего были ритмичные строфы Вергилия.)

Вскоре из-за потери одного баркаса и поломки другого «Бигль» был вынужден вернуться в порт Отуэй. Здесь, по совету корабельного врача, капитан Стокс объявил двухнедельный отдых для всей команды. Правда, как он писал, «ни одна бухта на этом берегу не приспособлена для зимней стоянки, и лишь особые обстоятельства вынудили меня решиться на короткую задержку в пути».

Это последняя запись капитана Стокса в судовом журнале. Хотя погода вскоре исправилась и «Бигль» продвинулся далеко на юго-запад, капитан все чаще стал запирается в своей каюте (наступят времена, когда Фиррой

явствует как из замечания Кинга, что Скайринг принял назначение Фицроя «спокойно и доброжелательно», так и из того факта, что почти с самого начала Фицрой и Скайринг работали в полном согласии.

Что касается команды, то первым делом Фицрою надо было избавить ее от суеверного страха перед призраком капитана Стокса, якобы бродившим по кораблю.

В этом Фицрою, сам того не ведая, помог его юный друг Саливан, став главным действующим лицом комической сцены, которая исцелила все страхи матросов. В числе немногих Саливан находился на борту корабля, который был отбуксирован к берегу для очистки днища. Во время ночной вахты он увидел, что дверь капитанской каюты качается взад-вперед. Когда он пошел ее затворить, у него вдруг потух фонарь. Затем его напарнику почудилось, что он слышит чье-то дыхание и шаги над головой. «Привидение! Оно спускается к нам!» «Я выскользнул из гамака, — рассказывает Саливан, — и тут на перекладине трапа показалась голая ступня, затем другая. Я вскинул руки и обхватил обе лодыжки. И тут сверху раздался крик: «Привидение! Меня поймало привидение!» Это был один из матросов, не попавший в последний баркас, ушедший на берег».

В начале следующего, 1829 года, примерно через два месяца после того как Фицрой стал капитаном, он подвергся первому настоящему испытанию. Несколько дней спустя после выхода «Адвенчера» и вспомогательной шхуны «Аделаида» он вывел «Бигль» из гавани и двинулся вслед за ними на юг. И тут сразу же им не повезло.

Корабли попали в шторм, вызванный памперо¹, самый жестокий, как выяснилось позже, за последние двадцать лет. «Бигль», десятипушечный бриг, оснащенный как барк, принадлежал к разряду судов, которые пользовались во флоте довольно печальной славой — их называли «гробы», так как они имели обыкновение переворачиваться, — и требовал, по словам Саливана, осторожного и искусного обращения.

Давление атмосферы по барометру упало до 28,5 дюйма. Фицрой, еще не умевший тогда безошибочно предсказывать погоду, не принял необходимых мер предосторож-

---

¹ Холодный южный ветер в Аргентине и Уругвае, дующий из пампасов. Связан с прохождением холодного фронта, вызывающего резкое понижение температуры воздуха. — *Прим. ред.*

ности — оплошность, которую он запомнил на всю жизнь и о которой много лет спустя написал в своей «Книге о погоде». «Бигль» едва не перевернулся, как следует черпнул воды, чуть было не разбился о прибрежные рифы и, что хуже всего, потерял двух матросов — ураганным ветром их сорвало с вант в море. Когда «Бигль» в конце концов присоединился к «Адвенчеру», у него был жалкий вид — обе стенки и часть рей сломаны и снесены за борт. Однако у капитана Кинга дела были немногим лучше: оба вельбота оказались разбитыми в щепы, и в его отчете нет и слова осуждения по адресу Фицроя. После необходимого ремонта корабли дошли вместе до Магелланова пролива; Фицрой и Скайринг получили приказ войти в пролив и продолжать гидрографическую съемку в не исследованной дотоле западной части.

Наконец-то Фицрой стал полновластным хозяином корабля. Ему предстояло еще завоевать доверие команды и восстановить ее моральное состояние. По-видимому, это ему удалось. Прежде всего, потому что он показал себя не просто искусным, но смелым и энергичным капитаном, а во-вторых, потому что он всегда делил с матросами риск и тяжелые испытания.

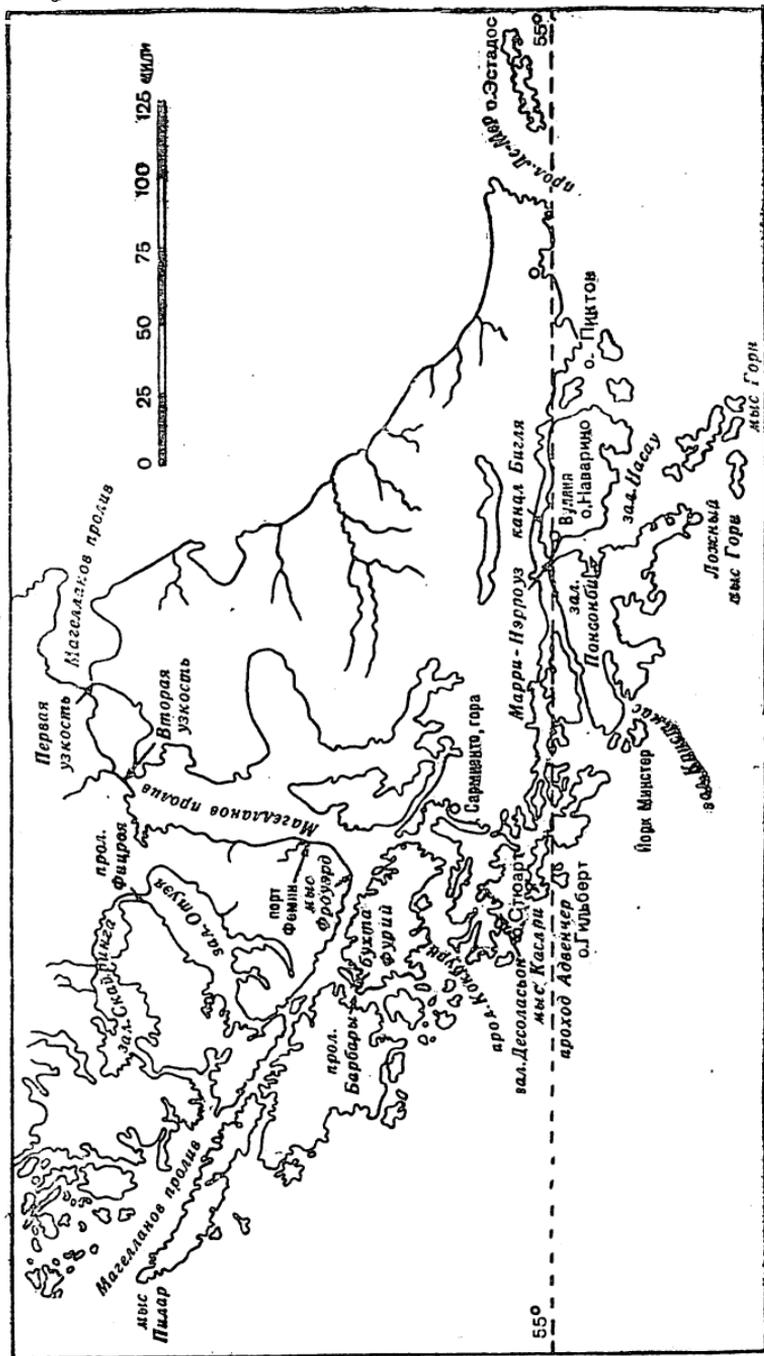
Возможность проявить себя в качестве капитана представилась ему, как только корабль достиг первой узкости Магелланова пролива. В этих узкостях сложные течения, переменчивые ветры и заросли ламинарий причиняли много неприятностей мореплавателям, начиная с самого Магеллана. Именно здесь, в первый раз проходя через пролив, капитан Кинг задержался на три дня. Фицрой решил рискнуть и прошел узкость за несколько часов, причем ночью (правда, у него не было иного выхода, так как лопнула якорная цепь). Позднее, говоря о гибели «Фетиды», Фицрой оправдывает старший командный состав, который был предан военному суду: «Те, кто никогда не рискует, кто поднимает паруса лишь при попутном ветре, кто ложится в дрейф, подходя к земле, хотя до нее осталось не более суток, кто откладывает срочное дело, если не может выполнить его без труда и опасности для себя, несомненно, благоразумные люди, но им далеко до офицеров, имена которых не будут забыты, пока существует английский флот».

Фицрою недолго пришлось ждать случая, чтобы испробовать и второй путь к завоеванию сердец команды. Ма-

гелланов пролив меньше всего похож на прямой канал; это скорее один из множества каналов, прорезанных природой через южную оконечность Американского континента и образующих лабиринт между островами и полуостровами. В задачу Фицроя и Скайринга и входило исследование западной части этого лабиринта от того места, где пролив поворачивает к Тихому океану. Скайрингу было поручено спуститься по уже нанесенному на карту проливу Барбары и произвести детальные съемки, Фицрой же должен был исследовать новые места. Он двинулся на северо-запад, где открыл две крупные лагуны, переходящие одна в другую, известные сейчас под названием залива Отуэя и залива Скайринга (соединенные проливом Фицроя). Именно тут он разделил со своими людьми действительно тяжелые испытания, трудности и риск. Вернее будет сказать, что он сам же все это и навлек на них.

Они отправились в путь седьмого мая. Предполагалось, что экспедиция продлится месяц, и Фицрой решил оставить «Бигль» и идти на двух шлюпках: вельботе, которым собирался командовать сам, и яле, отданном под команду мичмана Стокса (однофамильца, а не родственника погибшего капитана). «Мы запаслись провиантом и всем прочим, — писал он впоследствии, — достаточным для месячного плавания. Воды взяли мало, рассчитывая, что в тамошних сырых местах будет нетрудно пополнить ее запасы. Поверх одежды у всех нас были комбинезоны из промасленного брезента или парусины, на головах вместо шляп — зюйд-вестки (вроде шапок возчиков угля)».

Но никто из людей в широкополых шапках и негнувшихся костюмах не представлял, сколь сырыми были эти места. Изредка выдавались дни такие ясные и теплые, что Фицрой собирал ягоды на кустах барбариса (чтобы предотвратить цингу) и купался, подавая пример матросам. Однако гораздо чаще сутки напролет шел дождь, брезентовые костюмы промокали писквозь и бывало даже, что путешественники не могли разжечь костер. Затем дожди прекратились, но сильно похолодало. Фицрой писал, что за ночь плащ на нем замерзал и торчал колом. «При всем том никогда еще я не спал так крепко и не чувствовал себя так превосходно». Двум заболевшим матросам тут же была оказана эффективная помощь (им давали кору дерева Виттера и портвейн). Нет никакого сомнения, что экспедиция доставляла Фицрою огромное удовольствие.

Оленная Земля.

Войдя во вторую лагуну, они повернули назад, чтобы проверить, не ведет ли юго-восточное ответвление залива Отуэя в Магелланов пролив (оно в действительности только чуть-чуть до него не доходит). Именно тут произошел случай, показавший Фицрой, к его великой радости, что он завоевал уважение, любовь и преданность матросов.

Вельбот и ял спокойно шли, подгоняемые легким западным ветром, как вдруг с пугающей внезапностью, обычной в подобных случаях, налетел шквал, грозящий разбить обе шлюпки о кипящий бурунами берег. Фицрой приказал Стоксу, командовавшему ялом, взять все рифы и попытаться проскочить опасный участок под парусами. Но для тяжелого вельбота это было слишком рискованно: оставалось лишь повернуть назад и на веслах уходить от опасности.

Волны становились все круче, а вельбот очень низко сидел в воде. Чтобы его облегчить, выбросили за борт мешок с топливом; тюки с запасной одеждой, уже успевшие намочнуть, лежали наготове. Зашло солнце, и с наступлением темноты ветер стал еще сильнее.

Пять часов подряд Фицрой и его матросы сражались со штормом, без передышки вычерпывая воду. Они из последних сил держали вельбот против ветра, так как понимали, что стоит им повернуть к ветру кормой и все пойдут на дно. Наконец, так же внезапно и необъяснимо ветер утих и успокоились волны. Моряки были счастливы, что смогли добраться до вчерашней стоянки, где к ним присоединился Стокс со своими людьми.

Вот что писал Фицрой по этому поводу: «Команда вельбота держалась превосходно: ни одного слова жалобы, ни одного опущенного весла, а ведь, когда мы высадились на сушу, они признались мне, что не надеялись увидеть берег». Тот факт, что почти весь личный состав вернулся на «Бигль» перед вторым плаванием, пожалуй, оправдывает этот дифирамб в честь самого себя.

Через месяц и один день экспедиция вернулась на «Бигль». Фицрой испытал огромное облегчение, увидев корабль в целости и сохранности, и был рад на следующий же день поздравить с благополучным возвращением Скайринга, ходившего на «Аделаиде».

Приближалось время встречи с капитаном Кингом. Однако, приняв у Скайринга отчет об успешном плавании

к морю по проливу Барбары, Фицрой надумал отправить «Аделаиду» туда, откуда вернулся сам, чтобы произвести более детальную съемку, чем было возможно сделать с вельбота, и выяснить, нет ли там выхода к Тихому океану. Скайринг охотно соглашался выполнить это задание; Фицрой чувствовал, что и Кинг одобрил бы его план. Тревожило одно: Кинг не дал конкретных указаний относительно дальнейшего использования «Аделаиды» и, без сомнения, ожидал шхуну вместе с «Биглем» у острова Чилоэ. Поэтому Фицрой не мог «без волнения» (как он писал) решить, что предпринять. Если бы в ту пору он лучше знал себя самого, он не стал бы волноваться. В конце концов он все же отправил Скайринга в залив, впоследствии названный его именем. Скайринг прекрасно справился с работой и лишь ненамного опоздал на Чилоэ. Капитан Кинг был доволен...

Что же касается самого Фицроя, то он вывел «Бигль» из Магелланова пролива в Тихий океан и устремился вдоль западного побережья к северу на встречу с Кингом. Никаких вынужденных остановок и разглядывания голых берегов, никаких мыслей об «умершей душе» — он, в отличие от капитана Стокса, был из другого теста. Корабль, переставший в умелых руках быть «гробом», летел с зарифленными парусами, подгоняемый штормовым юго-восточным ветром. «Судно шло под ветром исключительно хорошо», — писал Фицрой.

Произошла лишь одна неприятность: «из-за минутной небрежности рулевого волна, накрывшая корабль, унесла с собой вельбот».

Потеря к лучшему

В течение всего первого плавания на «Бигле» Фицрой преследовали две мысли: как сохранить вельботы и как наладить отношения с огнеземельцами. Это привело Фицроя к такому поступку, который впоследствии стал основной причиной второй экспедиции «Бигля».

Прежде всего о вельботах. Во время долгой, по приятной стоянке всех трех кораблей во вполне цивилизованном городке Сан-Карлос на острове Чилоэ, пока офицеры обрабатывали результаты изысканий и производили съемку ближайших берегов, корабельный плотник мистер

Мей строил новый вельбот вместо унесенного морем. Очевидно, оба капитана решили, что взамен потерянных вельботов необходимы новые, а в дальнейшем надо постараться их не терять.

Еще больше, чем вельботы, мысли Фицроя занимали жители Огненной Земли. Как правило, основным чувством европейцев при виде огнеземельцев — самых бедных и примитивных по уровню развития аборигенов, с копной спутанных волос на голове и татуировкой вместо одежды на смазанном салом теле — было отвращение, хотя, естественно, они вызывали, кроме того, и интерес, и жалость. У Фицроя жалость стояла на первом месте, а отвращения он не испытывал вовсе. Он подробно их описал, он первый начал составлять словарь их языка. В первые месяцы своего пребывания в этих местах, еще до прихода на Чилоэ, Фицрой пользовался малейшей возможностью встретить хоть нескольких из них. Он рисовал их¹, он убедил одного из них смыть с лица краску, чтобы посмотреть, какое оно в действительности, он давал им слушать свои ручные часы (разглядывая при этом их лица, на которых были и страх и благоговение, он пришел к выводу, что огнеземельцы видят в часах некое верховное существо), он купил у них щенка-дворняжку и отдал его обратно, заметив, что хозяевам жалко расстаться со щенком. А вскоре, на второй год работ, он совершил еще одну, куда более ответственную «покупку», чем какой-то щенок.

Восемнадцатого ноября 1829 года Фицрой — «Бигль» все еще стоял у острова Чилоэ — получил предписание вновь (во второй и последний раз) отправиться на гидрографические работы.

---

¹ Фицрой был талантливым художником; один из его рисунков воспроизведен в этой книге, и все они очень выпукло показывают характерные черты жителей Огненной Земли. Фицрой писал в своем Отчете («Отчет о путешествиях кораблей его величества «Адвенчер» и «Бигль», содержащий описание производившегося им в 1826—1836 годах обследования южных берегов Южной Америки и плавания «Бигля» вокруг света») о том, как рисовал однажды старуху-туземку: «Она взяла красную краску и намазала щеки на рисунке, после чего вполне довольная вновь села на место и сидела тихо, как мышь, пока я делал другой набросок. В благодарность за внимание, проявленное к ее физиономии, она вымазала той же красной смесью не только мое лицо, но и лицо моего рулевого».

Теперь шхуна «Аделаида» имела самостоятельное задание тщательно исследовать западное побережье к северу от Магелланова пролива. «Бигль» должен был работать в более сложном районе — в архипелаге Огненная Земля, этом почти равнобедренном треугольнике с сильно изрезанными сторонами, отделенном от материка Южной Америки Магеллановым проливом. Может быть, через этот треугольник проходят водные пути из Атлантического в Тихий океан, которыми могли бы пользоваться небольшие суда, чтобы избежать встречи с мысом Горн. Фицрой должен был вернуться в Рио-де-Жанейро двадцатого июня следующего (1830) года и оттуда плыть в Англию. Следовательно, в его распоряжении было девять месяцев.

Прибыв на место назначения, «Бигль» попал в лабиринт узких заливчиков и проливов между множеством островков. Фицрой, конечно, знал об этом и раньше, но все же не представлял, насколько сложно и даже опасно плавание в этих местах. С несвойственной ему брюзгливостью он жалуется, что карта одного участка пути, «испещренная звездочками, отмечающими подводные скалы, скорее похожа на карту ночного неба». Здесь в еще большей степени, чем где бы то ни было, требовались шлюпки для съемки берегов, и Фицрой, как и раньше, находил для «Бигля» удобную стоянку, а затем отправлял шлюпки в обе стороны от нее. Один вельбот он вел сам, командование другим поручал штурману.

Тем временем отношение Фицроя к огнеземельцам стало медленно, но верно ухудшаться. Этому способствовало одно обстоятельство. Он и раньше знал об их назойливости и склонности к воровству, но обитатели западного побережья казались куда более угрюмыми и подозрительными, чем огнеземельцы, жившие вдоль пролива, куда более опасными и менее заслуживающими доверия. На святках помощник капитана и штурман, ушедшие с несколькими матросами на вельботе, не возвратились в лагерь к назначенному сроку, что вызвало у всех беспокойство. Двадцать седьмого декабря помощник капитана и штурман вернулись берегом и сообщили, что плохая погода не позволила идти на вельботе, да и запасы пищи у них кончились. Мало того, когда они, еле держась на ногах от слабости и истощения, пробирались пешком к своим, на них напала группа вооруженных туземцев и у штурмана силой отобрали часть одежды. К счастью, погода исправилась и спа-

сательная экспедиция, посланная Фицроем, встретила вельбот на полпути. Огнеземельцы благоразумно снялись с места и как в воду канули — матросы не нашли ни одного из них. На этом инцидент закончился.

Месяцем позже «Бигль» достиг 55° ю. ш. и стал на якорь в укрытой гавани к югу от пролива Кокбурн, неподалеку от мыса, названного Куком мысом Десоласьон (Отчаяния). Штурман мистер Марри был послан с группой матросов в вельботе нанести на карту берега этого мыса.

Вельбот вновь не вернулся к сроку. Что с ним произошло, выяснилось лишь через неделю; и на этот раз все обстояло куда серьезнее. Вот тут-то и начался ряд событий, о которых мы вскользь упоминали в начале настоящей главы. Иногда они были смешными, чаще драматическими и привели к результатам, которых не ожидали даже сами участники событий.

Записи Фицроя по этому поводу начинаются пятого февраля 1830 года: «Сегодня в три часа утра меня подняли с койки и сообщили, что вельбот украден туземцами».

Это произошло в бухточке возле мыса Десоласьон, «который теперь вдвойне заслуживает своего названия», в сутках пути от лагеря; матросы вместе со штурманом, лишённые возможности выбраться оттуда по суше или по морю, остались без продовольствия, под угрозой вторичного нападения. У матросов хватило смекалки смастерить на скорую руку лодку из парусины и ивовых прутьев, на которой трое из них добрались до «Бигля» и сообщили о том, что произошло.

На помощь тут же отправили второй вельбот. Возглавлял спасательную группу из десяти человек сам капитан Фицрой. Он взял продуктов на две недели, так как намеревался не только спасти своих людей, но и поймать воров и вернуть вельбот, без которого просто невозможно было продолжать работу.

К одиннадцати часам утра, несмотря на шквалистый ветер и дождь, спасатели достигли бухты, где их с нетерпением ожидали штурман и матросы, и осмотрели место происшествия.

Фицрой был рад узнать, что в случившемся не повинен никто из команды, и великодушно признал, что такое же могло произойти и с ним самим. Оставалось найти вельбот.

Поиски длились восемнадцать дней, затем, после вынужденного перерыва и возвращения на «Бигль», Фицрой вновь их возобновил. В Отчете Фицрой не жалеет слов, чтобы оправдать свое упорство: гидрографические исследования продолжались де и без него, а он ближе познакомился с огнеземельцами, что принесло в дальнейшем большую пользу.

В первый же день на островке, в двух милях от бухточки, возле педавно покинутого вигвама они нашли мачту вельбота, срубленную у основания и брошенную здесь за ненадобностью. «Нужно было выяснить, что делать дальше, так как я твердо решил найти воров.»

Фицрой задумал обыскать все подходящие бухты, даже те, что были на значительном расстоянии; он считал, что туземцы, укравшие вельбот, чтобы использовать его для рыбной ловли, постараются на первых порах спрятать его, и, вероятнее всего, подальше от места преступления.

«Вечером мы встретили каноэ, в котором сидели двое огнеземельцев, мужчина и женщина, указавшие нам жестами, что мимо них к северу проплыли несколько каноэ. Это воскресило наши надежды; и мы поспешили вперед.»

Через двое суток, причем всю вторую ночь бушевал шторм, Фицрой повстречался с целой семьей. Обыскав их каноэ, он нашел в одном лотлинь. «Это было настоящей наградой: мы тут же постарались растолковать мужчине, в каноэ которого лежал наш лотлинь, что он должен показать, где находятся те, кто ему дал его.»

Огнеземелец отвел моряков в селение, в котором были одни женщины и дети. Там нашлись еще кое-какие мелкие предметы с вельбота. Взяв в проводники двух мужчин из каноэ, моряки двинулись дальше. В первую же ночь оба туземца сбежали, прихватив парусиновые куртки, которые им любезно одолжил штурман.

Фицрой вернулся, чтобы раздобыть других проводников, но туземцы попрятались от него. Три дня подряд под проливным дождем с ветром моряки вели поиски без помощи проводников. Затем Фицрой вновь направился к селению. Он решил окружить его и захватить нескольких человек — на этот раз в качестве заложников, чтобы гарантировать возврат вельбота.

Осторожно пробравшись сквозь кустарник, матросы окружили вигвамы, но тут вдруг залаяла собака. «Скрывать-ся дальше было бесполезно, поэтому мы кинулись вперед

со всей возможной быстротой. Сперва индейцы пустились в бегство, но, поняв, что мы взяли их в кольцо, попытались укрыться под нависшими берегами ручейка. Перепрыгивая через ручей, матрос по имени Элсмор поскользнулся и упал прямо на то место, где притаились трое туземцев: женщина и двое мужчин. Они тут же напали на него, свалили с ног и стали бить по голове камнями. Туземцы успели нанести ему несколько жестоких ударов — от одного, в висок, он чуть не лишился зрения, — прежде чем мистер Марри, видя, в какой опасности Элсмор, выстрелил в одного из мужчин. Тот отпрянул назад и выпустил Элсмора, но тут же опомнился и, схватив со дна ручья горсть камней, стал кидать их обеими руками с редкостной силой и меткостью. Один камень попал в штурмана, разбил рог с порохом, висевший у него на шее, и чуть не сшиб его с ног; другие летели в головы стоявших рядом с ним, и если бы матросы не бросились на землю, им пришлось бы заплатить жизнью. Все произошло за считанные секунды, так стремительны были движения туземца, но, увы, это оказалась его последняя битва; бедняга, смертельно раненный, кинув еще один камень, упал на берег и испустил дух. Началась общая схватка, во время которой было нанесено немало жестоких ударов. В результате прятавшихся на берегу ручья взяли в плен, а те немногие, кто побежал вдоль берега моря, скрылись. Женщины-туземки очень сильны и крепки. Я, например, не подозревал, что существо, которому мы с рулевым пытались скрутить руки, — женщина, пока кто-то не сказал мне об этом.»

Опечаленный смертью огнеземельца, Фиррой собрал пленников — среди них было двое мужчин, три женщины и шестеро детей — и вернулся с ними на «Бигль». Там пленникам выдали вместо платья одеяла и накормили моллюсками и солонинной, чем они остались очень довольны.

А Фиррой вновь отправился искать вельбот. Рассудив, что воры уже, возможно, стали выходить на нем в море на ловлю рыбы, он изменил место стоянки «Бигля». Теперь лагерь находился на западной оконечности острова Стюарт, расположенного в устье пока еще не открытого пролива, названного впоследствии проливом Бигля. Оттуда он и направился вместе со штурманом и двумя пленницами, взятыми в качестве проводников. Поскольку это были матери детей, оставшихся на борту корабля, Фиррой полагал, что они не сбегут. Но он ошибся. Обе туземки, спав-

шие, скрючившись, у костра, под горой одеял, буквально на его глазах превратились просто в две горы одеял.

Поиски вельбота, во время которых они встречались лишь с дождем и ветром, снова не привели ни к чему. Вельбот не был найден. По истечении недели Фицрой решил возвращаться на «Бигль». «Мы добрались до «Бигля» под вечер и узнали, что все пленники, кроме троих детей, прошлой ночью уплыли с корабля на берег. Все труды и волнения были напрасны, мы лишь зря потеряли драгоценное время, а на возвращение прекрасного вельбота нет никаких надежд. Вместо вельбота у меня на руках оказались трое маленьких огнеземельцев.»

Несмотря на неудачу, Фицрой не пал духом. Он решил отвести «Бигль» в закрытую от ветров бухту, чтобы тут же на месте построить новый вельбот.

Однако мысль о краже вельбота и об огнеземельцах не выходила у него из головы. «Я пришел к убеждению, что пока мы не выучим языка местных жителей, а они не познакомятся с нами, мы ничего не узнаем ни о них самих, ни о внутренних районах страны; а у них не будет ни малейшей возможности хоть как-то подняться в нашем мнении.»

Вскоре удалось найти подходящую бухту, Кристмас, «ту самую бухту, в которой некогда стоял «Адвенчер» Кука». Пока корабельный плотник строил вельбот, продолжались гидрографические изыскания. Марри был послан на съемки в те места, откуда пришел «Бигль», и Фицрой приказал ему взять с собой детей и вернута их племени. Однако когда наступило время расставания, один ребенок, девочка, не выразил желанья покинуть «Бигль». Девочку окрестили именем Фуэгия Баскет (Огненная корзинка — в память о самодельной лодке, сделанной из ивовых прутьев во время первого столкновения с огнеземельцами). Своей постоянной веселостью она успела завоевать общую любовь. «Она выглядела такой здоровенькой и счастливой, — писал Фицрой, — что я решил держать ее в качестве залога за украденный вельбот и попробовать учить английскому языку.» Он и не подозревал, сколь серьезным окажется предпринятый им шаг.

Мало-помалу основное место в этой истории приобретают огнеземельцы, а вельботы отходят на задний план, хотя Фицрой все еще надеялся найти украденный вельбот и даже получил для этого некоторые основания. Тем вре-

менем число туземцев на борту «Бигля» продолжало расти.

Второе приобретение было сделано, когда к ним «с визитом» явилась флотилия местных каноэ. Фицрой, боясь, как бы огнеземельцы не помешали мистеру Мею, начавшему на берегу постройку вельбота, послал одного из офицеров их отогнать. «Я подумал: а что, если я возьму кого-нибудь из этих огнеземельцев и научу его английскому, хотя бы настолько, чтобы он, став нашим переводчиком, помог найти похищенный вельбот? Я решил забрать самого младшего из сидевших в каноэ, рассудив, что он, вероятнее всего, не связан с соплеменниками крепкими узами, как люди старше его по возрасту, возможно уже имеющие семью. С этими мыслями я поплыл за каноэ и, подойдя вплотную к его борту, знаками предложил сидевшему там юноше перейти к нам. Он с готовностью повиновался и уселся на банку; судя по всему, он чувствовал себя вполне спокойно и был доволен происходящим. Остальные, ничего не сказав ни ему, ни мне, изо всех сил налегли на весла и вскоре скрылись из виду.»

Этого второго огнеземельца назвали Йорк Минстер, в честь самого большого мыса в тамошних водах, напомнившего некогда капитану Куку об Йоркминстерском соборе. Этот угрюмый юноша оказался наименее удачным приобретением Фицроя; лишь еда и заразительная веселость Фуэгни Баскет могли его немного развеселить.

Спустя пять дней местные мародеры вновь помешали мистеру Мею. Отправившись на разведку, Фицрой оказался вовлеченным в более серьезный инцидент, чем ожидал, и вновь воспылал несбыточными надеждами. Он последовал за огнеземельцами, высадившимися на берег, увидел, что ему угрожает опасность, и вызвал подкрепление. Затем под градом камней он обыскал их каноэ и нашел несколько бутылок с пивом, бывших у Марри в вельботе, вернее сказать — бутылок из-под пива (на следующий день он нашел в покинутом вигваме кусок каната).

Увидев, что два каноэ отходят от берега, Фицрой пустился в погоню, но догнать их не смог, зато вытащил из воды юношу-туземца, прыгнувшего за борт. Юноша, названный затем Боут Мемори (Память о лодке), казался испуганным, но, попав на «Бигль», где его накормили и дали отоспаться, вполне успокоился. «При встрече ни Боут Мемори, ни Йорк Минстер не проявили друг к другу никакого интереса, — сообщает Фицрой, — даже не загово-

рили, словно они не знакомы. Боут был самым благообразным из всех огнеземельцев, которых я знал, молодой, хорошо сложенный. Йорк был коренастый и крепкий, а маленькая кубышка Фуэгия казалась одинаковой в ширину и в высоту; она была такой веселой и счастливой, что вряд ли захотела бы покинуть нас по своей воле. На всем архипелаге не сыскать было трех человек, более подходящих для обучения.»

Итак, эпизод с вельботом подошел к завершению. Однако этого нельзя было сказать относительно эпизода с огнеземельцами, так как трое из них все еще находились на борту «Бигля», даже когда к концу месяца новый вельбот был достроен и «Бигль» перешел на новую стоянку в заливе Насау, более чем в сотне миль к юго-востоку. Фидрой хотел продолжать здесь изыскания и не собирался возвращаться к острову Стюарта или отвезти туда своих трех подопечных; видимо, у него возникли какие-то планы.

Его заинтересовало одно открытие: туземцы, встречавшиеся теперь, отличались от прежних как по виду, так и по языку. Это было племя япов, к которым Йорк, Фуэгия и Боут относились с подчеркнутым презрением. Встретив в море каноэ с несколькими из них, Фидрой, «не имевший минутой раньше такого намерения, велел одному мальчику из каноэ пересесть к нам и дал мужчине, с которым тот был, большую сверкающую перламутровую пуговицу. Мальчик тут же перебрался из каноэ в баркас». Вскоре он был на борту «Бигля», где трое огнеземельцев принялись над ним потешаться; ему дали одежду и в соответствии с заплаченной за него ценой назвали Джемми Баттон (Пуговица). Фидрою не потребовалось много времени, чтобы принять решение, а возможно, оно было принято раньше. Видя, что все четыре огнеземельца веселы и здоровы, «я стал думать о том, какую пользу им самим и их землякам, а также нам мог бы принести их приезд в Англию».

Подходило время встречи с капитаном Кингом, и Фидрой стал спешить. За последние несколько месяцев он проделал колоссальную работу. Именно в этот период его штурман, вышедший из залива Насау к северу через узкость Марри-Нэрроуз, открыл странный, похожий на искусственный, канал, который прорезал по прямой самую оконечность Огненной Земли. Сам Фидрой высадился на

острове, где находится мыс Горн. По обе стороны от них были два океана — Тихий и Атлантический. Отметив их на карте, путешественники увековечили свой успех сооружением пирамиды из камней и подняли тост за короля Англии.

Приближалась зима, для съемок оставалось всего несколько недель, однако Фицрой успел, несмотря на лед и снег, подвергаясь многим опасностям и преодолевая их, нанести на карту пролив Ле-Мер.

Фицрой всего на несколько дней опоздал к месту условленной встречи, и шестого августа 1830 года «Бигль» вместе с «Адвенчером» вышел из гавани Рио-де-Жанейро, направляясь домой.

Без сомнения, Фицрой показал себя блестящим и смелым капитаном и превосходным руководителем гидрографических изысканий. Притом он совершил весьма необычный поступок. И до него моряки привозили из плаваний туземцев, чтобы показать их своим соотечественникам. Но никто еще не привозил людей, стоящих на таком низком уровне развития, как жители Огненной Земли, с намерением дать им образование, а затем вернуть их домой.

ВЕЛИКОЕ ПЛАВАНИЕ

Необычная причина второй экспедиции

«С борта «Бигля» 12 сент. 1830 г. Сэр, имею честь сообщить Вам, что на борту вверенного мне корабля находятся сейчас четыре жителя архипелага Огненная Земля.

Их имена и приблизительный возраст:

Йорк Минстер 26 лет.

Боут Мемори 20 лет.

Джемс Баттон 14 лет.

Фуэгия Баскет (девочка) 9 лет.

Все расходы на их содержание я беру на себя и считаю себя ответственным за их удобства все то время, в течение которого они будут находиться вдали от родины, а также за их благополучное возвращение домой. Обращаюсь к Вам как начальнику экспедиции с почтительной просьбой решить, какую пользу обществу могло бы принести их пребывание в Англии, и уместно ли будет предложить их с этой целью английскому правительству...»

Вышеприведенные слова взяты из письма Фицроя Кингу. Трудно представить себе более странное письмо одного капитана другому и более странное предложение правительству Англии. Далее в письме говорится о том, при каких обстоятельствах четыре огнеземельца появились на борту «Бигля». Заканчивается оно следующими двумя абзацами, где ясно и недвусмысленно выражены намерения их «похитителя» и будущего опекуна.

«Когда пришло время покидать Огненную Землю, я решил задержать этих четырех туземцев на борту корабля, так как, насколько я мог судить, они были веселы и довольны своим положением. Я подумал, что даже недол-

гое пребывание огнеземельцев в Англии может принести большую пользу. Они едят и одеваются так же, как матросы, и сейчас, как и во все время пребывания на корабле, здоровы и бодры. Они знают, почему их увезли, и ожидают прибытия в Англию с не меньшим нетерпением, чем в дальнейшем возвращения к себе на родину.

Если относительно этих людей не будет особых распоряжений, я послежу за тем, чтобы они получили соответствующее образование, а по прошествии двух или трех лет пошлю или сам отвезу их на Огненную Землю, дав им как можно больший запас вещей, которые окажутся там полезны и хоть немного улучшат положение их соотечественников, которые недалеко ушли от бессловесных тварей.»

Несколько недель спустя, когда экспедиция высадилась в Англии, капитан Кинг переслал это письмо в адмиралтейство и получил официальный ответ. Из него было ясно видно, что правительство не хочет брать на себя заботу об огнеземельцах, но заканчивалось оно вполне определенным обещанием.

«Канцелярия адмиралтейства 19 окт. 1830 г. Сэр, я передал лордам адмиралтейства Ваше письмо, а также приложенное к нему письмо капитана 3 ранга Фиц-Роя относительно четырех индейцев, привезенных им с Огненной Земли при изложенных Вами обстоятельствах. Мне поручено Вам сообщить, что лорды адмиралтейства не возражают против намерения капитана 3 ранга Фиц-Роя взять под свое покровительство и надзор этих четырех людей и со своей стороны предоставят ему все необходимое для их содержания и обучения в Англии, а также для их отправки домой.»

Окрыленный поддержкой, Фицрой с жаром приступил к осуществлению своих планов. Однако первые же шаги привели к печальным и даже трагическим результатам и несколько охладили его пыл. Сперва огнеземельцев поместили в меблированных комнатах в Плимуте, где пришвартовался по прибытии «Бигль». Как только представилась возможность, их перевезли в более подходящее для здоровья место — на ферму неподалеку от Плимстока в окрестностях Плимута. Священник Плимстокского прихода преподобный Д. Л. Харрис написал в миссионерское общество, прося прислать «дикарям» духовного пастыря, и приложил объяснительную записку Фицроя. Однако в то

время общество больше интересовалось Африкой и Востоком, к тому же не имело свободных средств. Поэтому просьба преподобного Харриса была отвергнута.

Дальше дела пошли еще хуже. Хотя огнеземельцев постарались побыстрее увезти из порта и сделали им две прививки (первая, в Монтевидео, не принялась), самый крепкий из них, Боут Мемори, заболел оспой. Фицрой удалось, заручившись помощью военных врачей и милостивым разрешением адмиралтейства, поместить всех четверых в Плимутский морской госпиталь, где был весьма квалифицированный медицинский персонал. Огнеземельцев сопровождал их верный друг, рулевой «Бигля» Джемс Беннет. Однако не успел Фицрой прибыть в Лондон, куда его призывали безотлагательные дела, как пришло известие о смерти Боута Мемори.

Остальные огнеземельцы некоторое время находились в госпитале и пребывали в полном здравии. Однако с ними что-то надо было предпринять, и вот тут помогло миссионерское общество. Фицроя познакомили с секретарем Национального общества обучения бедняков основам англиканской веры, преподобным Джозефом Вигремом, а тот обратился за помощью к священнику прихода в Волтемстоу, некоему Вильяму Вилсону, который охотно пошел ему навстречу.

Вилсон договорился с учителем приходской школы для детей, что Йорка, Джемми и Фуэгнию примут «на полный пансион», а оба преподобных джентльмена мистер Вилсон и мистер Вигрем станут следить за их успехами и здоровьем. Обрадованный Фицрой тут же принял меры, чтобы переправить в Волтемстоу своих подопечных.

Вот что пишет Фицрой в Отчете:

«Их усадили в омнибус и под присмотром мистера Марри (бывшего штурмана «Бигля») и Джемса Беннета повезли в Лондон. На почтовой станции в Пиккадилли они пересели в другую карету и, не привлекая к себе внимания, отправились дальше в Волтемстоу. Мистер Марри мне говорил, что они наслаждались поездкой и были поражены тем, что часто меняли лошадей».

Фицрой встретил их на почтовой станции в Лондоне и проехал с ними остаток пути. По возвращении «Бигля» в Англию он, по его словам, довольно много времени проводил в обществе огнеземельцев, сильно привязался к мальчику и девочке и был высокого мнения об их природных

способностях. Однако Йорка Фицрой характеризует как «малоприятный образчик дикарской природы». Фицрой заметил, что когда их что-нибудь особенно поражало, они впадали в своего рода транс и лишь глупо таращили глаза; правда, встреча с парохомом при входе в Фалмут вызвала у них бурный восторг. И вот теперь один из них вновь проявил еще более неожиданные эмоции.

«Они были рады меня видеть, — пишет Фицрой, — но выглядели растерянными из-за множества новых впечатлений. Когда мы проезжали Чаринг-Кросс, Йорк вдруг вскочил с места и закричал: «Гляди!» Глаза его были прикованы к льву на Нортамберленд-хаус, очевидно он решил, что лев живой. Я еще ни разу не замечал, чтобы он выказывал такое сильное волнение. Они остались довольны комнатами, приготовленными в Волтемстоу, а учитель и его жена были в равной степени довольны тем, что их будущие питомцы оказались не грязными и кровожадными дикарями, а людьми покладистыми, спокойными и чистоплотными.»

Учитель и его жена, по-видимому, все принимали как должное, особенно если это исходило от вышестоящих лиц. Надо полагать, что ученики приходской школы не без удивления смотрели на необычных соседей по парте, да и кто угодно пришел бы в замешательство, окажись рядом с ним взрослый огнеземелец, который тоже должен учить алфавит. К сожалению, за исключением одного эпизода, нам ничего не известно о десятимесячном пребывании огнеземельцев в Волтемстоу.

Фицрой по-прежнему интересовался ими. Он договорился, чтобы их учили «в первую очередь английскому языку и основам христианского вероучения, а во вторую — пользованию простыми орудиями труда, в небольшой степени хлебопашеству и садоводству, а также познакомили с инструментами». Фуэгия и Джемми Баттон учились охотно, но Йорк оказался очень неспособным учеником и терпеть не мог читать. У огнеземельцев часто бывали посетители, которых приводило одно любопытство, однако это имело и хорошую сторону: они привозили индейцам подарки или вносили свой вклад в тот запас полезных вещей, которые Фицрой уже начал собирать к их отъезду. То же делали и друзья Фицроя, когда он брал с собой в гости своих подопечных. Больше всего они любили ездить к Фэнни Райс-Тревора, сестре Фицроя.

Летом 1831 года Фицроя вместе с огнеземельцами вызвали в королевский дворец. Аудиенция прошла вполне успешно. Король очень заинтересовался огнеземельцами и задавал много вопросов «относительно их самих, их страны и гидрографической съемки берегов». Королева подарила Фуэгии свою шляпку, кольцо и кошелек с деньгами на платье.

Однако Фицроя все сильнее съедает беспокойство. Споры нет, в письме капитану Кингу, пересланном в адмиралтейство, он говорил о двух- и даже трехлетнем пребывании огнеземельцев в Англии. Но Фицрой писал это до возвращения на родину, действительность же стала вносить коррективы в жизнь, и его планы мало-помалу переменялись. Мы не знаем, с какими трудностями он сталкивался. Однако в конце мая 1831 года он опять обращается в адмиралтейство. Письмо его звучит встревоженно, хотя сквозь традиционную вежливую форму кое-где проглядывает высокомерие.

Представляя в адмиралтейство карты и планы, составленные Фицроем, капитан Кинг, не скупясь на похвалы, присоединил к ним блестящий отзыв о работе своего подчиненного. Он писал, что ему повезло, когда он получил такого помощника вместо капитана Стокса, упоминал о трудностях и лишениях, с которыми сопряжены гидрографические работы, производимые с вельботов и баркасов, писал о том, каким великолепным примером для всех был командир «Бигля». Кончал он фразой о том, что Фицрой «заслуживает благоволения и покровительства» лордов адмиралтейства и «самым решительным образом» рекомендовал его их «благосклонному вниманию».

Мало того. В частной беседе с Фицроем Кинг намекнул, что гидрографические изыскания в Южной Америке будут продолжаться и, так как сам он уходит в отставку, Фицрой, естественно, возглавит будущую экспедицию. К марту Фицрой завершил все дела, связанные с закончившимся плаванием. Подошел май, а все оставалось на мертвой точке. И тут Фицрой узнал, что «намерения адмиралтейства кардинально переменялись и съемки на Американском континенте решено прекратить»:

Это и вызвало его письмо в адмиралтейство. В нем предлагался вполне конкретный план.

Фицрой вложил в конверт обещание адмиралтейства препроводить огнеземельцев обратно на родину, хотя так-

тично умолчал об этом в самом письме. Он лишь заметил, что они прожили в Англии в общей сложности четырнадцать месяцев, и если их отправить на Огненную Землю даже в этом сезоне, они и то доберутся до дома не раньше, чем через пять месяцев. Если же начать сборы через год (приезд на Огненную Землю середине зимы, естественно, считался нежелательным), то огнеземельцы будут обмануты в своих надеждах «и я боюсь, как бы следствием этого не явились их недовольство и болезнь».

Он пишет, с какими намерениями вез огнеземельцев в Англию, и подробно объясняет, что именно он имел в виду, говоря о пользе, которую мог принести их приезд. «Поскольку мне дали понять,— начинает он в виде вступления,— что в Южную Америку будет послан корабль для продолжения гидрографических съемок, я надеялся, что мои подопечные окажутся полезными в качестве переводчиков и помогут расположить к нам своих соплеменников, а быть может, и установить постоянный контакт. Я думал, что если мы снабдим их домашними животными, семенами, орудиями труда и тому подобным и поселим их с несколькими из их соплеменников на плодородных землях в восточной части острова, куда подход со стороны моря легок и безопасен, то через несколько лет наши корабли, идущие из Атлантического в Тихий океан, смогут получать свежие продукты, а также топливо и пресную воду».

Затем следует особая просьба. Если лорды адмиралтейства считают, что его предложение не заслуживает внимания и поддержки, не будут ли они любезны предоставить ему годичный отпуск для того, чтобы он мог «сдержать слово», данное огнеземельцам.

Просьба Фицроя об отпуске была удовлетворена.

Фицрой тут же зафрахтовал судно, чтобы отвезти подопечных на Огненную Землю. Он решил сам плыть с огнеземельцами. По его словам, никто другой не стал бы себя утруждать и искать те места, где прежде жили их соплеменники. С владельцем шхуны было подписано официальное соглашение, по которому Фицрой обязался уплатить тысячу фунтов из собственного кармана.

И тут на помощь Фицрою пришел «добрый дядюшка». Мы точно не знаем кто — четвертый герцог Графтон, сквайр-охотник, завоевавший однажды приз на дерби, или сводный брат Каслри, лорд Лондондерри. Поскольку впоследствии лорд Лондондерри укрыв племянника под своим

политическим «крылышком», скорее всего решительный шаг был сделан именно им. Шаг этот заключался в том, что он убедил лордов адмиралтейства отправить Фицроя в Южную Америку для продолжения гидрографических съемок. Однако это произошло уже после того, как Фицрой подписал соглашение о фрахте шхуны, и ему пришлось выплатить «больше половины» из оговоренной в соглашении тысячи фунтов. У него также осталось несколько коз, купленных Джеймсом Беннетом по его просьбе «для разведения на островах архипелага».

Чтобы добиться посылки второй экспедиции, вероятно, пришлось пустить в ход связи, но в данном случае это, бесспорно, вполне оправдало себя.

Двадцать седьмого июня 1831 года Фицрой был вновь назначен капитаном на свой испытанный корабль «Бигль». Естественно, сразу появилась масса хлопот; однако он не забывал об огнеземельцах.

В августе долготерпеливое адмиралтейство получило еще одно письмо. На этот раз инициатива исходила не от Фицроя, а от священника прихода в Волтемстоу. Преподобный Вилсон подумал, что было бы неплохо, если бы огнеземельцев сопровождали на родину два миссионера. Не согласится ли Фицрой, с разрешения начальства, взять их? Возможно, правительство не будет против этого возражать, особенно если расходы на их проезд и питание на корабле оплатит приход? «Несколько джентльменов, жаждущих воспользоваться редкой возможностью распространить до таких далеких пределов блага цивилизации, пачали сбор пожертвований с этой целью, и по их единодушной просьбе я и задаю все вышеперечисленные вопросы».

На это письмо был получен крайне любезный положительный ответ. Однако вместо двух миссионеров, как было задумано, удалось найти лишь одного — молодого священника по имени Ричард Метьюз, старший брат которого был миссионером в Новой Зеландии.

«Бигль» стоял на капитальном ремонте в Плимуте. «В октябре, — пишет Фицрой, — в Плимут прибыл на паровой катере груз, посланный из Волтемстоу; понадобилась не одна шлюпка, чтобы перевезти на корабль всю эту одежду, посуду, книги, орудия для обработки земли и прочие вещи, которые подарили прихожане Волтемстоу и дру-

гие доброхотные жертвователи. Нелегко было найти место в трюме «Бигля» для всего этого дополнительного груза. Разбирая содержимое огромных сундуков, чтобы уложить все по-иному, матросы весело шутили над теми, кто прислал, например, вряд ли необходимые на Огненной Земле чайные и столовые сервизы. Когда спустя несколько месяцев Чарльз Дарвин наблюдал, как все это беспорядочное множество предметов распаковывалось на южной оконечности Америки, он писал в своем дневнике:

«Выбор вещей говорит о самом преступном легкомыслии и небрежности. Бокалы для вина, масленки, чайные подносы, суповые миски, несессер, тонкое белое полотно, касторовые шляпы и еще бесконечное число таких же предметов показывают, насколько люди не представляли себе страны, куда все это шло. Деньги, выброшенные на ветер! На эти средства можно было бы приобрести огромный запас действительно нужных вещей».

В данном случае Дарвин оказался менее терпимым, чем его капитан. А как произошло, что Дарвин стал свидетелем этой разгрузки, будет рассказано в следующей главе.

На сцене появляется Дарвин

«Дорогой Хенслоу. Капитан Фипрой отправляется для гидрографических съемок на южный берег Огненной Земли, после чего он посетит многие острова Тихого океана и вернется в Англию через Индийский архипелаг. Корабль снаряжен специально с научными целями, что открывает редкие возможности для натуралиста, и было бы очень жаль их потерять.

Меня попросили рекомендовать ученого, который поехал бы с этой экспедицией. Ему будет оказано должное внимание. Капитан корабля (племянник герцога Графтона) — весьма воспитанный молодой человек, с большим рвением и усердием относящийся к своему делу; все отзываются о нем с похвалой. Если бы с ним отправился такой опытный натуралист как Леонард Дженинс, каких бы только сокровищ он ни привез! Ведь корабль был бы в его распоряжении, как только это ему потребовалось бы. Поскольку его сейчас нет, не знаете ли Вы кого-нибудь, кого мы могли бы смело рекомендовать и кто с честью оправдает нашу рекомендацию?..»

Так в августе 1831 года писал один кембриджский профессор, член совета колледжа, другому. Отправителем письма был Джордж Пикок, профессор астрономии, а получателем — профессор ботаники Хенслоу, друг Чарльза Дарвина, незадолго до того окончившего университет. С вышеупомянутой просьбой к Пикоку обратился главный гидрограф адмиралтейства, капитан Бофорт. Но инициатива исходила от Фицроя. «Боясь упустить случай собрать ценные материалы и сведения во время экспедиции, я попросил главного гидрографа найти ученого, который захотел бы разделить все удобства и неудобства нашего плавания ради возможности посетить отдаленные и почти не изученные страны.» Профессор Хенслоу, рассказывает далее Фицрой в своем Отчете, рекомендовал мне «мистера Чарльза Дарвина, внука доктора Эразма Дарвина, известного физиолога и поэта, говоря, что это весьма способный и многообещающий юноша, который очень увлекается геологией, как, впрочем, и всеми прочими отраслями естественной истории».

В желании Фицроя не было ничего необыкновенного. Спустя пятнадцать лет Томас Гексли¹ также отправился в плавание на корабле военно-морского флота; на самом «Бигле», во время первой экспедиции, возглавляемой Кипгом, нашлось местечко для «ботаника-коллекционера». Конечно, Фицрой был и лично заинтересован в том, чтобы близкий по духу человек скрасил вошедшее уже в поговорку одиночество капитана: натуралист должен был стать его сотрапезником. Но главное, Фицрой стремился подчеркнуть важность предстоящего плавания и обеспечить ему успех. Он мог избрать в собеседники корабельного художника, однако не сделал этого. Он выбрал ученого, считая, что тот лучше будет соответствовать как первому, так и второму назначению. Впоследствии Фицрой стал членом Королевского общества — сам он всегда считал, что у него «научный», или, как тогда говорили, «философический», склад ума.

Если оставить пока в стороне подспудные соображения Фицроя при выборе натуралиста, ему, конечно, повезло, что он нашел такого уравновешенного, доброжелательного и глубоко порядочного молодого человека, каким был

---

¹ Томас Гексли (1825—1895) — известный английский биолог, один из первых сторонников Дарвина.— *Прим. пер.*

Чарльз Дарвин. Однако вступление Дарвина на новую должность не обошлось без тревог и колебаний с той и другой стороны. Капитана и главного гидрографа можно, пожалуй, обвинить в том, что они представили все в слишком розовом свете. Ведь они знали, что плавание займет не менее чем два года. Правда, ни один из них не ожидал, что оно затянется на пять лет. Да и слова Пиккока о том, что корабль будет «в распоряжении» натуралиста, звучат довольно странно. Все же такое слабое отклонение от истины вряд ли имело целью поймать его на удочку, хотя намек Фицроя на другого кандидата, оспаривающего у Дарвина честь разделять с капитаном его трапезы, и наводит на эту мысль.

Трудности, вставшие на пути Чарльза Дарвина, оказались и вправду немалыми. То, что все они, независимо от их характера, были преодолены, вызывает невольное чувство, что в дело вмешалась судьба. Хотя каждому, кто знаком с биографией Дарвина, обстоятельства, о которых пойдет речь, известны, расскажем о них подробнее. Они заслуживают того.

Во-первых, упомянутый в письме Пиккока Леонард Дженинс (зять Хенслоу) и даже сам Хенслоу могли принять приглашение Фицроя, как чуть было не произошло (Хенслоу отказался от участия в экспедиции лишь по настоянию жены). Во-вторых, в связи с отлучкой из дому, Дарвин узнал о переписке Пиккока с Хенслоу только через пять дней после того, как Хенслоу послал Пиккоку ответ. Третье препятствие было еще более серьезным и едва все не погубило. Речь идет об отношении почтенного и отнюдь не глупого человека, типичного представителя своей эпохи — отца Чарльза Дарвина к такому предприятию, как экспедиция в дальние страны. На этом стоит остановиться.

Этот дородный и энергичный джептльмен решительно советовал Чарльзу отказаться от предложения, однако песторожно оставил сыну лазейку, сказав, что если Чарльз встретит «здравомыслящего человека», который порекомендует ему ехать, он не откажется выслушать его резоны и, быть может, изменит свое мнение.

По ряду причин Чарльз вряд ли отправился бы в плавание без разрешения отца. Рано оставшись без матери, он был покорным сыном и относился к отцу с уважением и некоторым страхом. Кроме того, назначение на должность, где он не станет получать жаловацьа, вовлекло бы

отца в значительные издержки, а Чарльз и без того ввел отца в расходы, поскольку сначала учился в Эдинбургском университете на медицинском отделении, а затем перешел в Кембридж на богословский факультет. Отец и так уже смотрел на него, как на пустого человека, бездельника, который никак не может угодиться и найти свое место в жизни. Поэтому юноша написал Хепслоу, что, как это ни печально, он вынужден отвергнуть его заманчивое предложение. После этого отправился на несколько дней в Мэрк к своему дяде Джошуа Вэджвуду, еще раньше звавшему его поохотиться. Там Чарльз показал полученное от Хепслоу письмо, к которому все дядюшкино семейство, включая его самого, отнеслось куда менее отрицательно, чем доктор Дарвин.

Непосредственным результатом этого было письмо Чарльза, тут же посланное отцу в Шрусбери. В нем Чарльз просил отца еще раз обо всем подумать и снять свое вето; к письму был приложен перечень возражений отца против экспедиции в том виде, как они запомнились Чарльзу, и комментарии дяди к ним — весьма показательный документ. Мистер Дарвин утверждал, что:

1) в будущем, когда Чарльз станет священнослужителем, участие в плавании может повредить его репутации,

2) это дикий план,

3) должность натуралиста, возможно, уже предлагали многим другим,

4) они не приняли эту должность, значит у них были серьезные возражения против экспедиции или корабля,

5) Чарльза потом всегда будет тянуть в море,

6) условия плавания очень суровые,

7) отец будет считать, что сын в третий раз мепяет профессию,

8) это бессмысленное предприятие.

Как не вспомнить поговорку о том, что нет пророка в своем отечестве? Доктор Дарвин даже не подозревал, что его сын, весьма посредственно закончив богословский факультет, приобрел к тому времени в Кембридже славу прирожденного и очень талантливого натуралиста. В остальном — это типичные возражения благоразумного и осторожного буржуа против такого рискованного дела, как мореплавание. Комментарии дяди Джоза на возражения доктора Дарвина были тактичны, умны, но притом достаточно откровенны. На пятый пункт в списке он заме-

тил, что, конечно, доктор знает своего сына лучше, чем он, и это, без сомнения, веское возражение, но «разве морякам не свойственно стремиться к спокойной семейной жизни?» А что касается всего прочего, то «священнику не возбраняется заниматься естественной историей, а работа натуралиста может научить Чарльза прилежанию; вряд ли адмиралтейство стало бы посылать в длительную экспедицию плохой корабль; плавание это предоставляет любознательному человеку редкую возможность повидать мир и людей».

Добрый дядюшка не ограничился письмом, но поехал вместе с Чарльзом в Шрусбери и лично поговорил с мистером Дарвином. В результате родительское разрешение было получено. Чарльз постарался смягчить финансовый удар, сказав, что он должен быть «чертовски способным», чтобы, находясь на борту «Бигля», истратить больше того содержания, которое будет получать от отца. На это отец с улыбкой ответил: «Но мне и говорят, что ты очень способный». Чарльз поспешил написать Хенслоу, что принимает его предложение, «если не опоздал», и отправился вслед за письмом в Кембридж.

Он не опоздал. Однако до получения желанного места было еще далеко. В Кембридже он встретил одного из своих друзей по имени Вуд, племянника лорда Лондондерри, а следовательно, родственника или свойственника Фицроя. Этот мистер Вуд расхвалил ему капитана Фицроя и предстоящее плавание. Говорят, сказал он, что в адмиралтействе карты Фицроя считаются «совершенными», а сам капитан заявлял, что у него «прекрасный состав» офицеров. Обрадованный Дарвин упросил друга дать ему рекомендательное письмо к Фицрою.

Это оказалось ложным шагом. Будучи Лондондерри и, следовательно, заядлым торп, мистер Вуд счел нужным предостеречь капитана, что при всех превосходных качествах Чарльза Дарвина в его лице на борту корабля появится виг. В результате Фицрой пошел на попятный. Он тут же написал Вуду ответ. В своем письме, которое приунывший Дарвин не мог, положа руку на сердце, не назвать «честным и благородным», он не советовал другу мистера Вуда притязать на должность натуралиста на «Бигле» и сообщил, что один из его старых знакомых, некий мистер Честер, возможно, займет вакантное место за его столом.

Дарвин сказал Хенслоу, что снимает свою кандидатуру, и тот его поддержал, добавив, что со стороны Пикока было очень дурно ввести их в заблуждение. Возможно, эта позиция Хенслоу и подтолкнула Дарвина на еще одну, последнюю попытку. На следующее утро он отправился в Лондон, чтобы переговорить с главным гидрографом и Фицроем.

Если бы мы могли присутствовать при встрече этих двух молодых людей, мы бы, несомненно, стали свидетелями процесса, больше всего напоминающего бурное и неожиданное таяние глыбы льда. Как рассказывал впоследствии Фицрой, первой его мыслью было, что у человека с таким носом вряд ли хватит энергии и упорства, чтобы добиться успеха в экспедиции (полная несостоятельность этого прогноза должна была бы излечить Фицроя от веры в френологию). Вначале он было упомянул о Честере, но тут же признался, что за пять минут до того получил от него письмо с отказом от участия в плавании. Вскоре Фицрой уже предлагал Дарвину разделить с ним все, что есть у него в каюте, и легкомысленно утверждал, будто пятисот фунтов вполне хватит на все предварительные расходы. Через несколько часов Чарльз писал сестре взволнованное письмо.

«Капитан Фицрой в городе, и я виделся с ним; никакие слова не смогут выразить мой величайший восторг и восхищение. В одном я уверен — на свете нет более открытого и доброго человека. Он говорит, что ему будет крайне неприятно, если я стану чувствовать себя неудобно, поскольку на таком суденышке, как «Бигль», мы невольно будем много времени проводить вместе; поэтому его долг изобразить все в самом мрачном свете. В понедельник я, вероятно, поеду в Плимут, чтобы своими глазами увидеть корабль. Мне очень нравится его манера держаться и говорить без обиняков. Он предупредил меня, что если я стану столоваться вместе с ним, стол наш будет очень скромным — никакого вина, самые простые блюда... Мне по душе его откровенность. Он, например, спросил: «Вы не станете возражать, если я попрошу вас оставить меня, когда мне захочется побыть одному? Если мы оба не будем обижаться друг на друга, мы сойдемся, если нет,— возможно станем мысленно посылать друг друга к черту...» Я спешу сообщить тебе мои новости, надеюсь, ты ими интересуешься и не будешь ворчать на меня за то, что я послал письмо по срочному тарифу. Думаю, что трезво оценил капитана

Фицроя. Если так, уверен — мы станем с ним друзьями. Сегодня я у него обедаю. Я написал бы больше, только боюсь тебе надоест, да и некогда. Недаром говорится, что в жизни бывают полосы удач и неудач, я испытал это на себе — ведь я уже было поставил крест на своем участии в экспедиции.»

В назначенное время Чарльз пришел к Фицрою и на следующий день торопливо писал сестре второе восторженное письмо. Вначале он дает Сюзен многочисленные поручения, затем вновь возвращается к Фицрою:

«Я пишу так, словно все уладилось, но пока ничего не изменилось, кроме того, что капитан Фицрой хочет, чтобы я принял участие в экспедиции. Его доброта поддерживает мой дух, я чувствую, что мне предопределено с ним плыть. Вчера я провел у него очень приятный вечер. Ему, должно быть, года двадцать четыре (Фицрою было тогда двадцать шесть), он строен, сухощав, похож на мистера Кинастона, только темнее и красивее его; превосходно воспитан.

Вчера был первый радостный день с того времени, как я получил письмо, и все благодаря тому безоговорочному доверию, которое вселяет в меня мой Идеальный капитан...»

Конечно, все уладилось. Жребий был брошен, и, хотя еще предстояло обсудить кое-какие подробности и повидаться с главным гидрографом, ничто не заставило бы Дарвина отказаться от плавания, а Фицроя от Дарвина. Бофорт, главный гидрограф, был для Дарвина «орешком не по зубам», но Фицрой всячески поддерживал Дарвина и подстрекал его «взять Бофорта в оборот и добиться выгодных условий».

Как и надеялся Дарвин, Фицрой захватил его с собой в Девенпорт. Они отправились туда на пакетботе. Фицрой вез также с собой молоденького мичмана по имени Мастерс и еще больше вырос во мнении Дарвина, ласково обращаясь с мальчиком.

Нужно не забывать, что Дарвин попал в совершенно чуждый для него мир. Он происходил из состоятельной семьи среднего сословия, вырос в отдаленном от моря графстве, и его знакомство с морем ограничивалось случайными поездками на приморский курорт. Фицрой же был молодым, недавно повышенным в звании капитаном военно-морского флота, где еще жили традиции Нельсона:

командир корабля стоял на недостижимой высоте и пользовался неограниченной властью. Далеко не всякий оценил бы, как это сделал Фицрой, душевную тонкость и дружелюбный характер Дарвина, и то, что трудные недели подготовки к плаванию не внесли никакой трещины в их отношения, много говорит об их человеческих качествах.

Да, недели эти были очень и очень нелегки. Прежде всего — и как могло быть иначе — Дарвина напугала теснота судовых помещёний. Во-вторых, он был, если не напуган, то, во всяком случае, немного смущен, познакомившись с остальными офицерами «Бигля». Нетрудно догадаться, что их разговоры показались ему несколько примитивными.

«Они похожи на новичков-первокурсников», — писал он сестре. Правда, позднее, во время экспедиции, когда он узнал их поближе, он переменил свое мнение. Сам корабль поразил Дарвина, и хотя это не относится непосредственно к его взаимоотношениям с Фицроем, о «Бигле» стоит сказать, чтобы пролить дополнительный свет на капитана, показать его силу воли, его способность — в то время — благодаря заинтересованности в деле, настойчивости и уверенности в себе, добиться от адмиралтейства всего, чего он хотел. «Бигль» был полностью переоборудован, вернее, перестроен. Прошло совсем немного времени после приезда Дарвина в Девенпорт, а он уже описывает его (в письме Хенслоу) с прямо-таки хозяйской гордостью: «Он необыкновенно красив, даже сухопутные крысы, вроде меня, приходят при виде его в восторг. Мы все считаем его лучшим кораблем, когда-либо покидавшим доки.

Ни на один корабль не было потрачено столько внимания и средств, это бесспорно. Все, что можно, сделано из красного дерева; вряд ли хоть одно судно сравнится по красоте и тщательности отделки с нашим плавучим домом». И дальше: «Во всем чувствуется размах... Короче, здесь есть все, что можно приобрести за деньги».

Чтобы дать более конкретное представление, о чем идет речь, приведем отрывок из письма самого Фицроя:

«Я решил не жалеть ни труда, ни денег на подготовку нашей маленькой экспедиции и снаряжение корабля и довести «Бигль» до такого совершенства, какого позволят, не считая поддержки адмиралтейства, мои личные средства и энергия...

«Бигль» был отдан в мое распоряжение четвертого июля 1831 года и немедленно отведен в доки для тщательного осмотра и подготовки к длительному плаванию в чужих морях. Так как нужно было полностью переделать палубу и палубные надстройки, я испросил разрешения значительно поднять верхнюю палубу, это сильно пошло на пользу мореходным качествам судна, не говоря об удобстве для тех, кто собирался на нем плавать. Днище обшили двухдюймовыми еловыми досками, поверх которых была положена прокладка из войлока, а затем новая листовая медь.

Эта тройная обшивка увеличила водоизмещение «Бигля» и оно стало вместо двухсот тридцати пяти двести сорок две тонны. Руль был переделан по проекту капитана Лихау, ручная лебедка заменена брашпилем последней модели, вместо обычной печки на камбуз была взята печь Фразера с духовкой, и на все мачты, бугшприт и даже на утлегарь были поставлены громоотводы системы мистера Харриса.

Все оснащение, вся внутренняя и внешняя отделка корабля не оставляли желать лучшего. Паруса, рангоут, канаты были наивысшего качества. В довершение всего специально для нас по особым проектам было построено шесть превосходных баркасов (два — за счет частных лиц), которые так искусно были размещены и укреплены на палубе, что им не грозил самый сильный шторм. Учитывая ограниченные размеры нашего суденышка, просто удивительно, сколько книг и приборов мы ухитрились разместить в сухих и надежных местах; в углу моей каюты сложены двадцать два хронометра.

Я должен упомянуть, что мы запаслись различными противочинготными продуктами — солеными огурцами, сушеными яблоками, лимонным соком — все самого высшего качества и в таком количестве, какое могли поместить в трюм; кроме того, мы взяли много консервированных овощей, мяса и супа, а от медицинского ведомства получили большой запас антисептических средств и средств для консервации образцов флоры и фауны».

И действительно, «Бигль» был оборудован всеми техническими и научными новинками своего времени.

Такие основательные приготовления, естественно, потребовали времени; Фидрой получил из адмиралтейства приказ тронуться в путь лишь пятнадцатого ноября. Дар-

вин, ожидавший, что они не задержатся в Англии дольше октября, сильно приуныл и не находил себе места. Находясь в совершенно чуждых условиях, терзаясь от мысли, что он не в состоянии принести хоть какую-то пользу, и от сомнений, правильно ли он поступил, уговорив отца отпустить его в плавание, Чарльз стал страдать от сильных сердечных болей. Он решил, что у него плохо с сердцем, но ни за что не хотел идти к врачу, боясь, как бы тот не запретил плыть на «Бигле».

Но и это было не все: день за днем дул встречный ветер — в этом отношении со времен Агамемнона и Меллая почти ничего не изменилось — и две попытки «Бигля» сняться с якоря окончились неудачей. Поскольку дни жертвоприношений ради попутного ветра давно миновали, команде пришлось довольствоваться мирными воздействиями в честь бога Бахуса в канун рождества. Наконец двадцать седьмого декабря 1831 года «Бигль» поднял паруса... и многие члены команды были подвергнуты телесному наказанию за то, что не удержались в дозволенных границах, когда были на берегу.

Длина «Бигля» от носа до кормы была около ста футов, палуба равнялась девяносто футов на двадцать пять (в самой широкой части). На этом суденышке находилось ни мало ни много семьдесят пять человек: тридцать четыре матроса, шесть юнг и восемь солдат морской пехоты, корабельный плотник мистер Мей — создатель новых вельботов взамен украденных индейцами, три огнеземельца — косвенный результат этой кражи — со своим новым наставником мистером Метьюзом, молодым миссионером, и офицеры.

Их Дарвин запомнил на всю жизнь. Пройдет немного времени со дня выхода в море, и он оценит всех по достоинству. Самую большую любовь завоюет у него лейтенант Стокс, штурман корабля, Саливан «получит пальму первенства» как собеседник, Викем окажется «великолепным парнем». Один из мичманов очень его позабавит, сказав вызывающе: «Я — Артур Меллерш из Мидхерста, я читал лорда Байрона, и мне сам черт не брат!» Другого — сына капитана Кинга — он потом с удовольствием будет брать с собой для сбора гербариев.

Самый близкий ему человек на корабле, капитан, заслуживал — и получил — куда более вдумчивую и обоснованную оценку.

Искусство и удача

Самое важное событие в жизни Роберта Фицроя — второе плавание «Бигля» в 1831—1836 годах — можно рассматривать с двух разных сторон.

С одной стороны, это плавание явилось настоящим триумфом и принесло Фицрою успех, позволивший ему надеяться, что его ждет в дальнейшем блестящая карьера. С другой — оно выявило те недостатки и изъяны в его характере, которые вредили ему всю жизнь, ведь он поистине был сам себе враг. Как и следовало ожидать, у такого волевого, вспыльчивого и властного человека малопохвальные и губительные черты характера проявились в результате расстройств планов, разочарований и крушения надежд. А разочарования и крушение надежд в первую очередь были вызваны конечным итогом его филантропической затеи с огнеземельцами, во вторую — переговорами с адмиралтейством относительно вспомогательной шхуны. Третьим отрицательным фактором, должно быть, явилось постепенное осознание того, что Чарльз Дарвин обманул его ожидания. Одной из причин, признавался позднее Фицрой, почему ему хотелось иметь на борту «Бигля» натуралиста, была надежда получить при его помощи дополнительные свидетельства того, что в Библии, как он свято верил, нарисована истинная картина сотворения мира. В тридцатых годах девятнадцатого столетия это было общепринятое представление и Фицрою и в голову не могло прийти, что натуралист разойдется с ним во взглядах. То, что из всех людей на свете он выбрал в качестве натуралиста Дарвина, просто ирония судьбы.

Естественно, во время долгого плавания случались эпизоды, иллюстрирующие то одну, то другую из указанных выше сторон. И хотя обе они тесно переплетены, мы их рассмотрим отдельно для большей ясности. Эпизоды, показывающие те черты Фицроя, которые привели к успеху, будут чередоваться с эпизодами, из которых нам станут попятны причины разочарований и крушения надежд.

В настоящей главе рассказывается о первых семи месяцах плавания, и хотя началось оно с опозданием и при довольно неблагоприятных обстоятельствах, в целом здесь рисуется светлый и достойный нашего восхищения портрет капитана «Бигля».

Имеет смысл вкратце изложить основные пункты Меморандума, составленного главным гидрографом адмиралтейства капитаном Бофорт, приложенного к Инструкциям адмиралтейства. Из него видно, какие сложные задачи возлагались на Фицроя.

«Еще ни одно судно, — указывает главный гидрограф, — не покидало нашу страну с таким большим набором хронометров на борту». Даже лучшие современные хронометры портятся от удара и колебаний температуры, а будучи изобретены всего за семьдесят лет до плавания Фицроя, они были тогда куда менее совершенны, чем теперь. Хронометры предназначались для «производства цепи хронометрических измерений в последовательном ряде точек вокруг земного шара с целью определения меридианов этих точек». Используя большое количество хронометров, предполагалось получить среднее арифметическое из их показаний и обеспечить максимальную точность измерений. Другими словами, при помощи хронометров, сверенных друг с другом, и астрономических наблюдений Фицрой должен был определить долготы ряда мест вокруг всего земного шара.

Собственно картографическая работа, указывает далее Бофорт, должна начаться на восточном побережье континента, к югу от Ла-Платы. Побережье это мало изучено, а те немногие реки и бухты, которые известны, неверно нанесены на карты. Это отнюдь не гостеприимные места, но Фицрой должен помнить: «Чем унылее и непривлекательнее побережье, тем важнее найти там гавань с безопасной якорной стоянкой, обеспечивающую пополнение запасов продовольствия и пресной воды». В частности, необходимо подробно обследовать реку Рио-Негро.

Затем капитан Бофорт переходит к Магелланову проливу и Огненной Земле. Судя по всему, главный гидрограф был прекрасно знаком с тем, какую работу уже проделали там «Адвенчер» и «Бигль» в предыдущей экспедиции, и вовсе не хотел, чтобы второе плавание дублировало первое. Так, «два единственных в своем роде внутренних моря» — заливы Скайринга и Отуэя — где три года назад команда «Бигля» впервые подверглась тяжелому испытанию, не нуждаются, считал он, в более подробном описании. Зато был дан длинный список мест, где необходимо произвести гидрографические съемки. А если капитан Фицрой, «лучше знакомый с тамошними условиями, сочтет нужным

дополнительно обследовать те или иные участки берега», на которых они уже вели работы, ему милостиво разрешалось поступать по своему усмотрению. Все это — довольно необдуманно утверждал Бофорт, вновь повторяя: чем негостеприимнее берег, тем ценнее найденная там гавань, — займет около двух лет (при том что дважды придется заходить в Монтевидео пополнять запасы продовольствия).

Кроме того, Фицрой должен был исследовать Фолклендские острова, координаты которых не были в то время точны. После этого «Биглю» следовало пойти на западное побережье Южной Америки (там капитан Стокс и покончил с собой). Снова суровое и упылое побережье, но ведь необходимо, «чтобы в результате гидрографических работ, предпринятых Великобританией из самых бескорыстных побуждений и проведенных капитаном Кингом и капитаном Фицроем с таким умением и рвением, на карте берегов Южной Америки не осталось ни одного пробела». Испанские карты, которыми все еще пользовались моряки всех стран, «наполовину искажали действительность». «С этим давно пора покончить: современное состояние науки не только позволяет, но требует довести дело до конца, и нельзя допустить, чтобы берега, постоянно посещаемые английскими кораблями, представляли собой чересполосицу изученных и неизвестных участков». Поэтому на сей раз «Биглю» следовало миновать остров Чилоэ и пройти вдоль западного побережья дальше на север, если капитан сочтет это возможным.

На какой широте корабль повернет на запад и пересечет Тихий океан, определялось тем, где он окажется к концу гидрографической съемки. Однако было бы желательно, чтобы «Бигль» посетил Галапагосские острова, а также Таити и «выверил хронометры в Пойнт-Венус». Специальные инструкции кончались перечнем тех мест в районах пролива Торреса и Ост-Индии, в которые также было бы неплохо зайти.

Затем на шести страницах печатного текста следовали «общие замечания относительно проведения съемок». Там подробно говорилось о том, как составлять карты, как производить и записывать наблюдения за погодой, течениями, ветром. Фицрой имел все основания считать, что не нуждается в этих «замечаниях». Там было предостережение «не злоупотреблять именами личных друзей и известных деятелей» для обозначения вновь открытых заливов, про-

ливов, мысов, бухт и островов, хотя признавалось, что офицеры корабля имеют право увековечить свое имя таким образом. Вряд ли Фицрой пришелся по вкусу этот пункт инструкции, несомненно, направленный против него лично, но еще обиднее звучало напоминание о том, что при сношениях с туземцами необходимо соблюдать выдержку и терпение, «дабы мирная экспедиция не была запятнана ни одним проявлением враждебности». И уж один пункт, естественно, должен был показаться ему в то время совсем излишним, а именно: если из-за какого-нибудь «несчастливого случая» командование «Биглем» перейдет из его рук в чьи-нибудь другие, гидрографические работы немедленно прекратить и возвращаться домой.

Из всего сказанного ясно, что представлял собой Меморандум. Все приказания были облечены в вежливую, местами даже изысканную форму, но при всем том это был неприятный документ, написанный неприятным человеком. Капитан Бофорт по праву считался лучшим гидрографом и геодезистом своего времени (между прочим, он избрал шкалу силы ветра, дожившую до наших дней). Любой другой, менее сильный духом и менее уверенный в себе, чем капитан Фицрой, прочитав Меморандум, мог бы, и не без основания, испугаться. Однако на Фицроя он произвел обратный эффект. Он воспринял его как вызов. А как реагирует на вызов самоуверенный человек? Он падувается, как индюк, и хочет доказать, что все в его силах. Это не всегда бывает легко для подчиненных, если они случайно не разделяют его энтузиазма. Но таковых, видимо, не было на борту «Бигля».

Фицрой начал плавание с решительного обращения к офицерам и команде «Бигля» и не менее решительных письменных инструкций. И то и другое его верный поклонник лейтенант Саливан счел достойным восхищения. Фицрой хорошо относился к Саливану в первом плаваньи, когда тот был мичманом; отправил его раньше времени в Англию, чтобы он мог сдать экзамены и получить повышение в звании, а Саливан в свою очередь выразил желание вновь пойти на «Бигль» под начало Фицроя. В период подготовки к экспедиции он, не жалея сил, помогал при погрузке и снаряжении корабля и до того уставал, что од-

нажды вечером уснул и пропустил бал, на котором надеялся встретить даму своего сердца. К счастью, это не имело плохих последствий, так как девушка верно его ждала и вышла за него замуж, когда он вернулся из долгого плавания на «Бигле». Забыв о собственных тревогах и повинаясь чувству долга, Саливан одобрительно слушал предупреждение Фицроя: «Если человек упадет за борт, если мы потеряем часть рангоута или зачерпнем воду, виновным будет считаться вахтенный офицер». С таким же одобрением он читал приказ о том, что в незнакомых местах отходить от берега разрешается только втроем: если случится какое-нибудь несчастье, один может остаться с пострадавшим, другой — отправиться за помощью. Приказ этот был нарушен всего два раза, первый раз судовым писарем, и это привело к роковому исходу, второй — самим капитаном, и хотя ему повезло и обошлось без печальных последствий, он признал в Отчете легкомыслие своего поведения.

Первый заход корабль должен был сделать в порт Тенерифе. Команда и офицеры, с нетерпением ожидавшие возможности немного размять ноги, столкнулись с новым примером непреклонной воли своего капитана. На «Бигль» был наложен двухнедельный карантин. Потерпит ли капитан такую задержку? «При этом известии, — писал Дарвин сестре, — на корабле воцарилось гробовое молчание, но тут капитан закричал: «Поднять паруса!», и мы покинули порт, о котором у нас так долго мечтали.» Решение было принято немедленно... и никому даже в голову не пришло оспаривать его.

Вознаграждением за это была трехнедельная остановка на островах Зеленого Мыса. Офицеры корабля умудрились даже совершить в глубь острова несколько верховых прогулок на низкорослых местных лошадях. Однако Фицрой не имел возможности принять в них участия: помимо выполнения своих прямых обязанностей он был занят выяснением экономической ценности островов, чтобы доложить об этом адмиралтейству. Дарвин с восторженным удивлением писал домой: «Капитан по-прежнему очень любезен и делает все, чтобы мне помочь. На стоянке мы мало видим друг друга, наши интересы уводят нас в разные стороны. Я еще ни разу в жизни не встречал человека, который был бы способен так работать. Он все время чем-то занят, а в редкие минуты отдыха о чем-то размышляет.

Если он не убьет себя работой, то за это плавание просто горы свернет».

На диком и необитаемом острове Святого Павла Фицрой позволил себе немного отдохнуть. Там было великое множество птиц, которые просто просились в ягдташи. Вспоминая об этом в Отчете, Фицрой шутливо пишет: «Даже геологический молоток превратился в метательный снаряд. «Дайте мне на минуту молоток,— попросил кто-то.— Не могу, вы сломаете ручку»,— ответил его владелец; но не успел он вымолвить этих слов, как, захваченный необычностью происходящего и примером окружающих, из всех сил запустил молотком в ближайшую птицу». Так подсмеивался капитан над своим новым другом.

На следующий день у Фицроя снова был повод посмеяться: Дарвина подвергли малоприятной процедуре крещения, обязательной для всех, кто впервые пересекает экватор. Капитан не без задней мысли позволял команде грубые развлечения такого рода. В Отчете он вполне серьезно и одобрительно цитирует одного из своих предшественников: «Забавы не только поддерживают настроение людей и помогают забыть каждодневные трудности, но и благотворно влияют на здоровье: веселый человек куда лучше противостоит болезни, чем грустный».

Подкрепив силы, они продолжали путь, и двадцать восьмого февраля 1832 года достигли бразильских берегов Южной Америки и бросили якорь в порту Баия (теперь Салвадор).

Прежде чем продолжать наше повествование, необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Первое заключается в том, что из пятидесяти семи недель, которые «Бигль» провел в море, не менее сорока двух он находился в южноамериканских водах. Второе — что все это время, независимо от необычных и знаменательных событий, шла каждодневная работа: наносились на карту берега, производились наблюдения, совершались открытия. Дарвин собирал образцы морской и сухопутной фауны и флоры, использовал геологический молоток по прямому назначению, находил ископаемых — словом делал то, для чего капитан и взял его на корабль. Ни его товарищи по плаванию, ни он сам не представляли тогда, что в конечном счете это приведет к революции в естествознании. Офицеры на баркасах (купленных, нанятых, одолженных или спущенных с борта «Бигля») совершали, как и в первом плаваньи, трудные

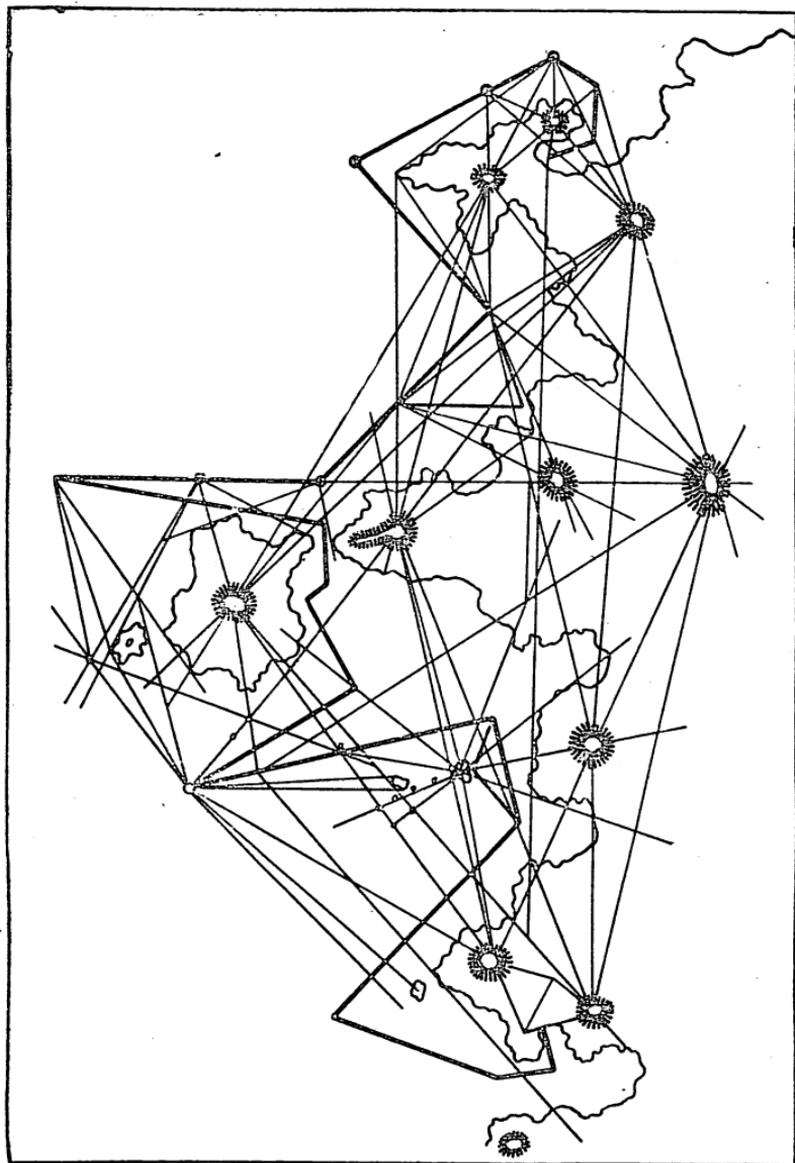
и подчас опасные походы. Капитан, не только лично участвовал в таких походах, но и обеспечивал организацию работ и контроль за их выполнением.

В пересказе подробности проведения гидрографической съемки звучат однообразно. Фицрой преодолевает эту трудность: он дает общее описание методов съемки в приложении к Отчету, а для того чтобы яснее была видна последовательность событий, в самом Отчете ставит дату на каждой странице. Мы прибегаем к несколько иному способу. Методы Фицроя, хотя и в общем виде, излагаются в самой книге, а чтобы читатель не запутался в последовательности фактов, в приложении помещено расписание основных переходов «Бигля» в южноамериканских водах.

Представление о трудностях гидрографических работ в Южной Америке и о методах их проведения может дать воспроизведенная здесь в качестве образца одна из карт, которую Фицрой включил в Отчет для иллюстрации приложения № 39 («Заметки о геодезических и гидрографических съемках на диких берегах»). Важно даже не то, сколько тут измерено углов, а то, что многие из них измерялись с возвышенных участков суши. Фицрой объясняет, что из-за сильного прибоя, плохой погоды и крутых берегов часто трудно было вести наблюдения с «Бигля». Однако якорных стоянок, пусть с трудным и опасным входом и выходом, было достаточно. Поэтому: «Первым делом мы старались найти безопасную гавань и стать на якорь. Затем определяли широту, время и брали истинный пеленг, проводили наблюдения за течениями и магнитными свойствами Земли. Мы наносили на карту береговые очертания бухты и окрестностей; делали тригонометрическую съемку местности, включая все высоты и другие черты рельефа, которые можно было разглядеть с прилежавших к гавани гор. Мы пользовались хорошими теодолитами...»

В Отчете иногда описывается какая-нибудь из якорных стоянок, но только в том случае, если там происходили особенно интересные или опасные события. Так, Фицрой рассказывает о случае, когда «Бигль» едва не перевернулся при внезапном порыве сильного ветра, налетевшего с гор, которые стеной окружали бухту. Но с течением времени к этим холодным порывистым ветрам, типичным для горных мест (так называемым вилли-во), привыкли и стали смотреть на них просто как на досадную помеху. Иногда в Отчете упоминается о высадке с баркаса на берег

(позднее будет рассказано о том, как Дарвин спас баркасы от гибели). Иногда говорится о восхождении на гору. Но это всегда оправдано описанием великолепного вида или особо трудного склона, по которому надо было карабкаться вверх с тяжелыми приборами. Так, Фицрой описы-

Гидрографическая карта, нарисованная Фицроем.

вает случай, когда единственным способом преодолеть заросли густого низкорослого бука было пробираться по-верх кустарника. В остальном тяжелая, напряженная каждодневная работа считалась чем-то само собой разумеющимся, не заслуживающим особого упоминания.

Вернемся к «Биглю» на его первой южноамериканской стоянке. Все находившиеся на борту, в том числе и Чарльз Дарвин, были в восторге от красоты Баи, от представившейся возможности отдохнуть и развлечься. В гавани стоял английский военный корабль, и Дарвин был поражен, когда в состязании на скорость уборки парусов выиграл маленький «Бигль». «Наш капитан, без сомнения, превосходный моряк», — писал он домой.

Проведя в Бае девятнадцать дней, они двинулись к югу и, пройдя четыреста миль, остановились для съемок островов Аброльос. Местоположение этих островов было показано на картах очень неточно, и «Биглю» пришлось «прощупывать» подходы к ним, что оказалось довольно опасно. «Иногда у одного борта глубина равнялась четырем-пяти морским сажням¹, а у другого пятнадцати — двадцати, — писал впоследствии Фицрой. — Эти неожиданные перепады глубины очень неприятны и сбивают с толку». Дарвин вновь поразился искусству Фицроя. А вскоре капитан вызвал у него еще больший восторг. Они вошли в гавань Рио-де-Жанейро, в которой тогда находился флагманский корабль английской флотилии, базировавшейся в южноамериканских водах, и Фицрой позволил себе похвастать своим умением и умением команды ради повышения ее морального духа. Когда «Бигль» проходил мимо флагманского корабля, он скомандовал убрать все паруса и тут же поставить вновь. «Чтобы исследовательское судно проделало подобный маневр так быстро и уверенно — беспрецедентный случай для кораблей этого класса. Весьма приятно сознавать, что команда так превосходно вышколена и дисциплинирована».

В Рио на капитана нахлынули приятные воспоминания. Ведь именно здесь три с половиной года назад он получил назначение на «Бигль»; сюда более чем за десять лет до того впервые пришел мичманом на «Глендоуэре». В Отчете он рассказывает, как поразила его тогда этот великолепный порт. Теперь, оказавшись здесь в третий раз,

¹ Морская сажень — 182 см. — *Прим. пер.*

он нарочно задержал вход в гавань до утра, чтобы все, кто был на «Бигле», могли полюбоваться ею (а адмирал — «Биглем»). Увы, очарование ушло вместе с новизной. Капитан обратился к прозаическим обязанностям: нужно было заново покрасить «Бигль», законопатить и просмолить его днище.

В Рио Дарвин находил время не только записывать гербарием и геологическими исследованиями, но и описывать свои впечатления в письмах домой. В письме сестре Кэролайн Чарльз дает пространную и хвалебную характеристику капитана, проливающую на Фицроя яркий свет:

«А теперь о капитане. Полагаю, что он тебя интересует. Насколько я могу судить, это — выдающаяся личность. Мне раньше не доводилось встречать человека, которого я мог бы вообразить Нельсоном или Наполеоном. Я бы не сказал, что он очень умен, и вместе с тем я убежден — ему по силам любое высокое и великое деяние. Его власть над людьми поразительна: если его не знать, просто невозможно представить, какое действие оказывает на всех, и матросов и офицеров, его малейшее порицание или похвала. Забавно наблюдать такую, например, картину: матросы тянут канат, не зная, что капитан на палубе; единственный произнесенный им звук подстегивает их, как удар кнута, обрушенный возницей на упряжку ломовых лошадей. Его прямота и искренность беспримерны, но почти таковы же (употреблю его собственные слова) «тщеславие и раздражительность». Эти последние качества я уже почувствовал на себе, но ему все прощаешь. Самым большим недостатком Фицроя является суровая молчаливость во время трапез, вызванная постоянными размышлениями, но многочисленные достоинства перевешивают этот недостаток. В целом он — самая сильная личность из всех, с кем мне довелось встречаться в жизни».

Некоторое время после отправки этого письма натуралист был избавлен от общества своего сурово молчаливого соседа. Произошло это вследствие непредвиденного обстоятельства. Хотя порой Фицрой присоединял свой голос к тем, кто осуждал главного гидрографа за слишком большую взыскательность, он знал, что бывают случаи, когда такая взыскательность оправдана, а раз так, ее необходимо проявлять. Фицрой обнаружил, что в показаниях хронометров вкралась ошибка, и это привело к неточному определению долгот между Рио-де-Жанейро и Баией. Поэтому

корабль был послан обратно в Баию, а Дарвину разрешили высадиться в Рио.

Вернувшись через несколько недель, Фипрой нашел еще одну возможность поддержать моральный дух команды и произвести впечатление на адмирала: он организовал парусные гонки, приведя этим в изумление местных жителей. Реалист Дарвин признается в «Путевом дневнике»: «Состязание показалось мне очень долгим, тем более что команда «Бигля» не завоевала такого успеха, на какой мы рассчитывали». Однако Фипрой, вероятно более сведущий в технике гонок, остался доволен своим детищем. День закончился веселыми состязаниями в беге на берегу, и капитан был, без сомнения, рад, что матросы получили на некоторый срок хорошую зарядку.

Когда четыре недели спустя «Бигль» покидал Рио-де-Жанейро, направляясь к месту работ, экипажи стоявших в гавани кораблей провожали его тоекратным «ура». Гордость Фипроя была удовлетворена. «Возможно, оказание таких почестей маленькому десятипушечному кораблю и нарушает строгий этикет — они подобают лишь судну, идущему на бой с врагом или возвращающемуся в порт с победой, — но наше суденышко, хотя и не ждало встречи с противником, вступало в единоборство с трудностями и опасностями, и одобрение братьев-моряков было немало важным стимулом к тому, чтобы мы ревностно выполнили свой долг», — пишет он. Нужно быть очень черствым человеком, чтобы при всей сентенциозности этих слов придаться к ним.

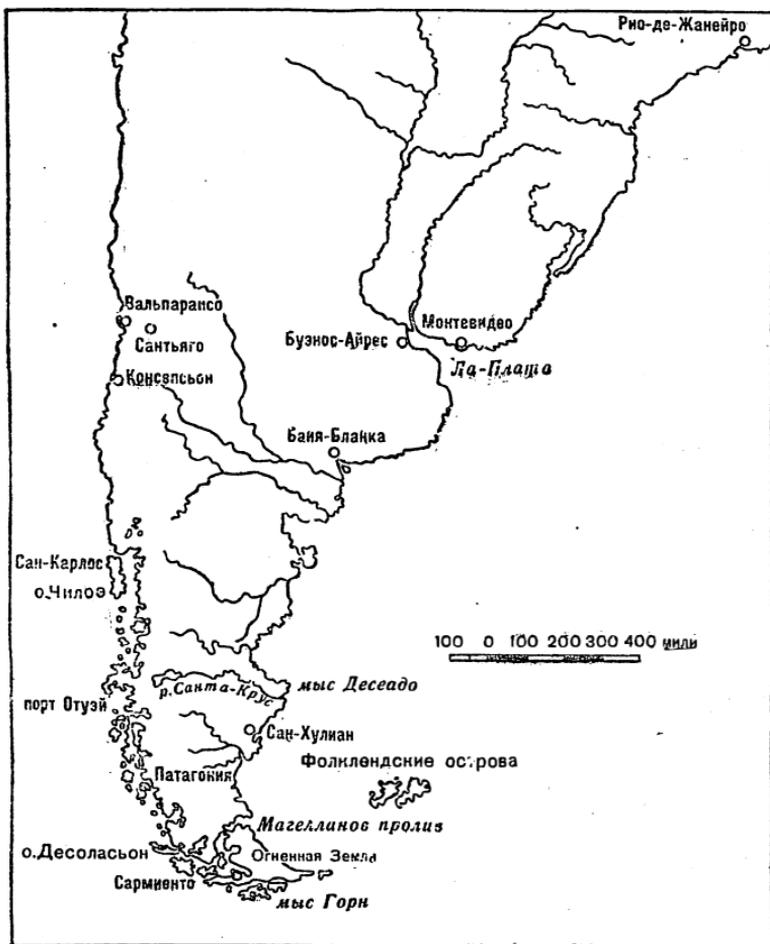
Восемнадцать дней пути на юг — и «Бигль» вошел в огромный и унылый эстуарий Ла-Плата. Здесь капитана, офицеров и матросов ждало несколько более серьезное развлечение.

Даже в наши дни Южная Америка «славится» политическими неурядицами и постоянными правительственными переворотами. В те времена политические неурядицы были еще чаще — Южная Америка незадолго до того освободилась из-под власти испанцев, и далеко не все были этим довольны. Бурный процесс политического самоопределения шел параллельно с еще более жестоким по форме процессом окончательного порабощения индейцев. Поэтому, когда «Бигль», отплыв из Монтевидео и войдя в гавань Буэнос-Айрес, был встречен огнем аргентинского сторожевого судна, никто особенно не удивился. Однако

все были возмущены тем, что вслед за холостым раздался боевой выстрел — над парусами просвистело ядро.

В Отчете капитан не придает особенно большого значения этому инциденту и тому, что за ним последовало. Но Дарвин, принимавший все касавшееся корабля близко к сердцу, смотрел на дело серьезнее. Вот что он писал в своем дневнике:

«Прежде чем они успели перезарядить орудие, мы вышли из зоны обстрела. Когда мы стали на якорь милях в трех от пристани, были спущены две шлюпки, и большая

Южная часть Южной Америки.

группа офицеров и матросов направилась к городу, намереваясь провести там несколько дней. С нами поехал Викем с тем, чтобы немедленно пойти к английскому дипломатическому представителю, мистеру Фоксу, и сообщить ему об оскорблении флага Великобритании. Недалеко от берега нас встретила шлюпка санитарной службы, и нам было приказано вернуться на корабль, пока не проверят наше карантинное свидетельство и не убедятся, что у нас нет случаев заболевания холерой. Что мы ни говорили — «Бигль» де военный корабль... Мы покинули Англию семь месяцев назад и останавливались лишь на внешнем рейде, — это не производило никакого впечатления. Нам заявили, что следовало дожидаться шлюпки со сторожевого судна и теперь мы должны вернуться на корабль — хотя наступил прилив и дул сильный встречный ветер. В наше отсутствие на «Бигль» приходила шлюпка со сторожевого корабля. Капитан велел бывшему на ней офицеру передать своему командиру следующие слова: «Капитан Фицрой не знал, что входит в нецивилизованный порт, о чем весьма сожалеет, так как в противном случае был бы готов ответить на выстрел залпом из всех бортовых орудий». Как только наши шлюпки и карантинная подошли к «Биглю», капитан отдал приказ сниматься с якоря и идти в Монтевидео. Офицеру, бывшему на карантинной шлюпке, он велел передать губернатору, что это дело будет тщательным образом расследовано в соответствующем месте. Затем мы зарядили бортовые орудия и пошли к выходу из гавани. Поравнявшись со сторожевым кораблем, мы крикнули, что когда вновь войдем в порт, будем наготове, и если они осмелятся сделать хоть один выстрел, мы угодим их прогнившее корыто из всех орудий».

«Бигль» величественно вернулся в Монтевидео. Капитан находившегося в порту английского фрегата «Друид» любезно обещал отправиться в Буэнос-Айрес, выполнить там поручение Фицроя (раздобыть старые испанские карты) и потребовать необходимых извинений. «Я надеюсь, — писал в дневнике юный Чарльз Дарвин, пылая жаждой отмщения, — что сторожевой корабль выстрелит во фрегат и тот пустит его ко дну».

Этого не произошло. Но в Монтевидео начались волнения, довольно обычные для тех мест, и «Биглю» скорее могли докучать просьбами о помощи, чем оскорбительными выстрелами.

О том, что там на самом деле произошло, мы знаем со слов капитана и Дарвина. Отчет Фицроя сух и беспристрастен:

«Не успел «Друид» скрыться за горизонтом, как на «Бигле» появились начальник городской полиции и начальник порта с просьбой оказать содействие в установлении порядка в городе и подавлении мятежа солдат-негров. Ко мне также обратился генеральный консул, прося сделать все, что в моей власти, чтобы защитить британских подданных, проживающих в Монтевидео. Понимая, что мятежники, превосходившие численно солдат, оставшихся верными правительству, угрожают не только имуществу, но и жизни горожан, я отправил на берег пятьдесят человек, хорошо их вооружив, и поставил их гарнизоном в главный форт. Тем самым мне удалось сдерживать мятежников до тех пор, пока не прибыло подкрепление из соседней страны, после чего их окружили и принудили к повиновению. Команда «Бигля» пробыла на берегу более двадцати четырех часов, и, хотя нам не пришлось воспользоваться оружием, люди, чья жизнь и имущество находились под угрозой, говорили мне потом, что наше присутствие несомненно предотвратило кровопролитие».

Поскольку рассказ Дарвина о тех же событиях не предназначался для посторонних глаз, он куда более красочен. В дневнике стоит дата: пятое июля 1832 года.

«Сегодня знаменательный день в истории «Бигля». В десять часов утра к нам явился министр находящейся сейчас у власти военной хунты и умолял о содействии в подавлении мятежа нескольких негритянских подразделений. Капитан Фицрой тут же отправился на берег, чтобы удостовериться, идет ли речь о правительственном перевороте или действительно горожанам угрожает грабеж. Начальник полиции, находившийся на этом посту уже при втором правительстве, по всеобщему признанию, выдерживал нейтралитет. Когда мы поинтересовались его мнением, он сказал, что наша помощь была бы большой услугой государству. Пока все это происходило, (южно)-американцы высадились на берег и захватили таможню. Капитан тут же пришел на дамбу и подал сигнал спустить на воду шлюпки и погрузить в них наших людей. Через несколько минут ял, тендер, вельбот и гичка были готовы двинуться к берегу с пятьюдесятью двумя людьми, вооруженными мушкетами, абордажными саблями и пистолета-

ми. Подождав немного на дамбе начальника полиции, мы двинулись с ним в главный форт, где находится резиденция правительства. Мятежники успели установить несколько орудий и держали под прицелом городские улицы, но огня не открывали. Кроме того, они взломали двери тюрьмы и вооружили узников. Главное опасение внушает то, что в их руках арсенал с боеприпасами. Ходят слухи, что это волнение спровоцировано прежним конституционным правительством. Но в здешней политике царит полный хаос: раньше говорили, что интересы армии и хунты едины, а теперь выходит как раз наоборот. Фицрой не желает ни во что это вмешиваться, и мы пробудем здесь лишь до тех пор, пока наша защита нужна мирным гражданам и их собственности... В то время как враждующие стороны пытались вести переговоры, мы на своем посту во дворе перед зданием муниципалитета развлекались тем, что жарили на костре бифштексы. На закате солнца одну из шлюпок послали на «Бигль» за теплыми вещами, чтобы люди могли расположиться на ночь. Так как у меня сильно болела голова, я отправился на корабль. На долю тех немногих, кто оставался на «Бигле» под командой мистера Чэффера (корабельного штурмана), выпало больше хлопот, чем на долю тех, кто был отправлен в город. Они подтянули и привязали абордажную сетку, зарядили и навели орудия, чтобы они были в полной боевой готовности. Сейчас уже ночь, и мы в самом разгаре подготовки к защите корабля в случае нападения, хотя единственным мотивом нападения на «Бигль» может быть желание раздобыть боеприпасы».

На следующий день события приняли относительно мирный оборот. Фицрой, видя, что англичанам, живущим в Монтевидео, ничто больше не угрожает, решил не впутываться в политику и отправиться в дальнейший путь. Дарвин, еще накануне жаривший бифштексы на костре перед зданием муниципалитета, кончает запись в дневнике в несколько ином тоне:

«Конечно, в первом подъеме, который вызывают такие дела, есть свое наслаждение, лишь этим можно объяснить безрассудный восторг, с каким моряки кидаются в атаку. Однако время летит и грех растрачивать его ради бессмысленного парада».

Дарвин был не совсем справедлив. Возможно, он хотел доказать, хотя бы самому себе, что его, ученого, штатского

человека, не увлекла романтика войны. Но «потрачены» были всего одни сутки, и вряд ли даже самый благоразумный капитан сумел бы выйти из игры быстрее. Так или иначе этот «романтический» эпизод окончился. Накануне отплытия в более дикие края Дарвин, сглаживая свою слишком резкую критику, воздает должное капитану, говоря в письме домой, что «опасаться следует лишь одного — жестокости индейцев». Он добавляет: «Я скорее сойду на берег с капитаном и десятью матросами, чем с двадцатью матросами под командой кого-нибудь другого. Он осторожен и предусмотрителен, пока это возможно, но, когда обстановка требует — решителен и смел».

Лишь одно печальное событие омрачило настроение участников экспедиции, свято веривших в ее успех. В начале мая, когда «Бигль» красил в гавани Рио-де-Жанейро, Фицрой разрешил небольшие экскурсии по стране. Одна из них, вверх по реке, была с почевкой. В результате три человека — взрослый и два юноши, в том числе мичман Мастерс, — умерли от тропической лихорадки. Это всех потрясло. Особенно тяжело Фицрой и Дарвин переживали смерть Мастерса. Дарвин писал, что всего за два дня до своего трагического конца юноша узнал о смерти матери; Фицрой — что бедный маленький друг, вверенный еще в Англии его заботам, был всеобщим любимцем. В те времена не знали, что тропическую лихорадку вызывает укус комара, и не было предпринято ни профилактических мер, ни эффективного лечения. Вряд ли Фицрой очень успокоили заверения корабельного фельдшера, что было сделано все возможное (особенно при воспоминании о капитане «Фетиды» Филлиморе, сумевшем уберечь своего мичмана).

Возвращение огнеземельцев

Джемми Баттон, Фуэгия Баскет и Йорк Минстер, а также их духовный пастырь Ричард Метьюз все еще находились на борту «Бигля». Задача, хотя и не являвшаяся главной целью экспедиции, однако послужившая ее причиной, до сих пор оставалась невыполненной. Это было для капитана источником беспокойства (хотя финал драматических событий, к которым привела его рискованная филантропическая затея, был еще впереди) и тайного не-

довольства самим собой. С трудом верится, что с момента отплытия из Англии до тех пор, пока «Бигль» не подошел к родным местам огнеземельцев, они провели на корабле (а частично с кем-нибудь из команды на суше) целый год. Дарвин лишь вскользь упоминает о них, да и Фицрой пишет об этом очень мало. Мы узнаем, что в Рио-де-Жанейро Фуэгия жила на берегу, что в том же городе Фицрой водил Джемми и Йорка Минстера в гости к своему другу, и это все. Мы можем представить себе, что о них по-прежнему заботился добросердечный и терпеливый боцман Беннет, что они свободно бродили по кораблю, иногда помогали матросам, а порой сидели и беседовали со своим наставником Метьюзом; но это всего лишь догадки. Друзья Метьюза, отправившие его в экспедицию, дали ему в помощь пространный «наставление». В нем упоминалось о том, чем обязаны огнеземельцы Фицрою и преподобному Вилсону из Волтемстоу, рекомендовалось советоваться обо всем с капитаном и сообразовываться с его желаниями. Первостепенный долг Метьюза, говорилось там, сделать все возможное для блага этих бедных созданий — огнеземельцев. Задача нелегкая, но он должен уповать на милость божью. Снизойдя до более практических указаний, советчики писали, что в первую очередь ему необходимо изучить язык его питомцев. Он должен как можно больше с ними общаться, записывать все новые слова, которые услышит от них, а на досуге классифицировать их и расположить в определенном порядке, чтобы в результате создать грамматику и словарь. Приобщая туземцев к христианскому вероучению, он должен опираться прежде всего на Библию. «Если же обстоятельства, вопреки нашему желанию, окажутся таковы, что вы сочтете пребывание на Огненной Земле неблагоприятным, — говорилось далее, — возвращайтесь с капитаном Фицроем обратно в Англию». Судя по всему, Метьюз не внушал особой симпатии ни Фицрою, ни Дарвину. Его имя лишь изредка появляется в их записях. Хотя в словах Дарвина и Фицроя и проскальзывает невольное одобрение, они все же сомневаются в том, что священник справится с возложенной на него миссией; похоже, что это был черствый и ограниченный человек, поддержкой которому служили вера и самонадеянность.

Когда подошло время идти на Огненную Землю, Дарвин наконец упоминает трех индейцев в своем дневнике и дает им полную характеристику. Он пишет, что Йорк Мин-

стер — невысокий, плотный, очень сильный мужчина, замкнутый, молчаливый и угрюмый, но понятливый от природы, способный на сплывшую дружбу и глубокие чувства. Он не выносил, когда Фуэгни Баскет оказывали внимание, так как решил жениться на ней, как только они прибудут в родные края. О Фуэгни Дарвин пишет, что она «славная, скромная, сдержанная девушка», очень способная к учению, особенно к языкам, с привлекательным личиком, которое подчас портит угрюмое выражение. Однако самую большую приязнь Дарвин испытывал, по-видимому, к Джемми Баттону — последнему приобретению, сделанному на восточном берегу. Хотя порой Джемми бывал вспыльчив, его лицо говорило о приятном и легком нраве и он был всеобщим любимцем. Когда Дарвин страдал от морской болезни, Джемми выказывал искреннее огорчение и жалостливо причитал: «Бедняга, бедняга!» «Но ему, выросшему на море, сама мысль о том, что можно укачаться, казалась невыразимо смешной и он отворачивался в сторону, чтобы скрыть улыбку или смех». В Англии Джемми стал франтом: «Никогда не снимал перчаток, всегда был аккуратно подстрижен и очень огорчался, если на его до блеска начищенных туфлях появлялось грязное пятно». И очень любил смотреться в зеркало.

Хотя намерение Фицроя сдержать данное огнеземельцам слово и доставить их домой послужило основным поводом второй гидрографической экспедиции, высадка их (вместе с Метьюзом) на берег была отнюдь не основным пунктом в рабочей программе экспедиции. Это, должно быть, понимали все, находившиеся на борту «Бигля». Однако было известно также, что Огненная Земля — дикое место в полном смысле слова, поэтому к встрече с ней готовились с некоторым волнением. Зная о холоде и тяжелых условиях тамошних мест, офицеры даже отрастили бороды.

Фицрой этим не ограничился. Последние три месяца он был предельно занят: ездил вместе с Дарвином в глубь страны и нанял на свой страх и риск две крошечные шхуны. Он приказал загрузить трюм «Бигля» продуктами, которых должно было хватить на восемь месяцев (по полной порме), а также «дополнительным запасом железа и угля для корабельной кузницы на случай серьезной полом-

ки». Двадцать седьмого ноября 1832 года «Бигль» вышел из Монтевидео. Впереди были два испытания. Одно из них — шторм во время мучительно долгого пути вокруг мыса Горн, чуть не кончившегося катастрофой. Другое — высадка на берег огнеземельцев. Какое оставило более сильный след в памяти Дарвина и Фицроя, трудно сказать: одно не уступало другому, но если судить по тому, какое место оба события занимают в «Путевом дневнике» и в Отчете, то высадка огнеземельцев произвела на всех более тяжкое впечатление, чем жестокий шторм у мыса Горн.

Что касается шторма, первые посвященные ему записи Дарвина были на редкость оптимистичны, чтобы не сказать легкомысленны, заканчивал же их не только измученный, как и все остальные, но и повзрослевший человек, преисполненный еще большего восхищения перед навигаторским искусством Фицроя. Фицрой намеревался сперва высадить Йорка Минстера в заливе Кристмас, лежащем на сто миль северо-западнее мыса Горн, затем обогнуть остров Хоуст и пойти к востоку по каналу Бигля до Марри-Нэрроуз, а оттуда к югу, к заливу Попсопби, где жили соплеменники Джемми Баттона. После чего он хотел продолжать съемки канала Бигля. План этот остался неосуществленным, да в том и не было необходимости по весьма существенным причинам, о которых я вскоре скажу.

Еще до того как «Бигль» попал в шторм, моряки встретили на берегу туземцев, не принадлежавших к племенам их трех протеже. Для Метьюза, как и большинства, это была первая встреча с огнеземельцами в естественных условиях. Дарвин был поражен, по правде сказать, даже напуган их видом. Метьюз же признался позднее Фицрою, что они «оказались не хуже, чем он предполагал». Судя по всему, Фицрой с некоторой тревогой ждал, какое впечатление произведут «дикие» огнеземельцы на его людей.

Странная это, должно быть, была встреча, но прошла она вполне благополучно. Огнеземельцы вели себя дружелюбно и, хотя проявляли назойливое любопытство и смешно всех копировали, не слишком явно обнаруживали врожденную склонность выпрашивать все, что попадет на глаза, и тащить то, что не удастся выпросить. Мы видим, как Дарвин прогуливается с чудовищно раскрашенным стариком-огнеземельцем и, следуя его примеру, похлопывает его в знак приязни по груди и спине. Моряки

и туземцы пели и плясали, развлекая друг друга, но когда они принялись бороться, капитан счел благоразумным прекратить дружескую встречу. Йорк и Джемми вели себя не очень красиво: они хотали и передразнивали туземцев и отказывались признать в них своих соотечественников. Наибольшее одобрение Фицрой вызвал лейтенант Хеймонд, его любимец еще со дней плавания на «Фетиде», перешедший на «Бигль» с «Друида». «Никогда не забуду,— пишет Фицрой,— с какой серьезностью он сказал: «Жаль, что эти прекрасные люди находятся в столь диком состоянии!» Его слова утвердили меня в мысли, что желание помочь невежественным (не по их вине) существам является естественным побуждением, а не причудой или проявлением излишней восторженности, что он испытывает чувства, сходные с теми, какие я испытал в прошлый приезд сюда, которые и привели к тому, что я возложил на себя бремя заботы о четырех огнеземельцах и отвез их в Англию». Фицрой был бы куда менее доволен, прочитай он запись, которую сделал в своем дневнике его друг Дарвин. С присущей ему объективностью и научным подходом к явлениям Дарвин пишет: «...мне не доводилось видеть более странного и любопытного зрелища; я не представлял, что между дикарем и цивилизованным человеком лежит такая пропасть. Она глубже, чем пропасть между дикими и домашними животными».

Расставшись с огнеземельцами, они двинулись в обход мыса Горн к родным местам Йорка Минстера. Вначале все шло хорошо, казалось, в кои-то веки их ждет спокойный и легкий переход. Но не успел «Бигль» обогнуть мыс, как на него обрушился страшный шторм. Два дня корабль боролся с волнами и ветром, почти не продвигаясь вперед. Наконец Фицрой решил укрыться в бухте. Когда они проходили мыс Спенсер у острова Хермет, на них налетел слепящий шквал с градом и капитан «вел судно наудачу». Однако счастье им не изменило, и вскоре «Бигль» бросил якорь под прикрытием черной отвесной скалы. Был канун рождества. Единственными противниками их остались холодная сырая погода и внезапные сильные порывы берегового ветра (вилли-во). «Рождество мы отпраздновали весело»,— пишет Фицрой. На следующий день Дарвин, Саливан и Хеймонд взобрались на утес и дали выход избытку энергии, скидывая вниз большие камни и крича во все горло, чтобы вызвать эхо. Фицрою было не до развле-

чений — он вел наблюдения за погодой. День за днем солнце садилось в багровую мглу, а в полночь с моря пола густой туман и приходилось бросать третий якорь. Только через неделю, накануне Нового года, Фицрой отважился сняться с якоря и снова выйти в море.

Следующие две недели были самыми неприятными для обитателей «Бигля». Корабль сражался с непогодой, стремясь продвинуться вперед, но то, чего добивался в один день, терял в другой. Приходилось постоянно то ставить, то убирать паруса, в зависимости от ветра. На третий день вблизи островов Диего Рамирец, в пятнадцати милях к западо-юго-западу от мыса Горн они сблизись с курса; на шестой день они вновь увидели те же острова. Дарвин, свято веря в искусство капитана, сказал за завтраком, что все будет хорошо, но Фицрой ответил: «Да, если мы не зачерпнем воды». Тринадцатого января опасение Фицроя сбылось. «В три часа утра, — говорится в Отчете, — пришлось спустить грот-марсель, хотя на нем и были взяты все рифы. В десять ветер подул с такой силой, что пришлось взять рифы даже на крохотных триселях. После часу дня поднялось очень сильное волнение. Я с тревогой следил за набегающими волнами и тут увидел, что на нас идут чередой три огромных вала. Я сразу понял, что суденышку предстоит тяжелое испытание. По-прежнему послушный рулю, корабль легко поднялся на гребень первого вала, но, естественно, уменьшил скорость; второй вал совсем остановил его, и судно увалилось под ветер, а третий огромный вал, ударив прямо в борт, так сильно накренил корабль, что весь подветренный фальшборт от кат-балки до кормовой шлюпбалки оказался на два или три фута под водой. Положение было критическим; но через секунду корабль выпрямился, хотя вся палуба скрылась под водой. Еще одна такая волна, и наше суденышко оказалось бы в числе многих пропавших без вести кораблей его класса».

К ночи шторм утих и худшее осталось позади. Вельбот — еще один на счету Фицроя — был разбит в щепы, многие образцы из коллекции Дарвина безвозвратно погибли, что, без сомнения, помогло ему стать более серьезным и трезвым человеком.

Продвинувшись всего на двадцать пять миль к северо-западу, Фицрой, убежденный, что они перенесли самый сильный шторм, в какой ему доводилось попадать (убеждение это еще окрепло, когда он узнал, что все суда в том

районе пошли ко дну), на полпути между последней стоянкой и ложным мысом Горн повернул обратно, на северо-восток к заливу Насау. Там, в спокойной и защищенной от ветра бухте под названием Гори-Родс, «Бигль» стал на якорь.

И тут дальнейшие планы Фицроя переменились. Произошло это по следующей причине: Йорк Минстер, мало-симпатичный и не очень любимый всеми ими огнеземец, заявил, что он и его будущая жена Фуэгия согласны жить вместе с Джемми в его племени, и не обязательно отвозить их домой. Позднее Фицрой приписывал это его злому умыслу, но даже если он был прав, Йорком, без сомнения, руководил и страх еще раз пережить такие же две недели на море, какие только что выпали на их долю. Однако в тот момент Фицрой очень обрадовался. Они могли теперь обогнуть с востока остров Наварин и идти по защищенному от ветра каналу Бигля до родных мест Джемми у залива Понсонби, что сэкономит им время. Наконец они могли вновь взяться за основное дело — гидрографическую съемку. К тому же Метьюзу будет обеспечена помощь всех трех огнеземельцев, говорящих по-английски (как бы они ни говорили). Решили оставить «Бигль» в Гори-Родсе и идти дальше на шлюпках, чтобы успешно, в чем никто не сомневался, завершить филантропическую затею капитана.

Вот тогда-то, наблюдая, как из трюма «Бигля» выгружают в ял суповые миски и прочие бесполезные вещи, Дарвин и упрекнул друзей будущей миссии в легкомысленном отношении. Эта фантастическая сцена, разыгранная на самом южном конце Американского континента, казалось, наложила явственно осязаемую печать нереальности на повествования Фицроя и Дарвина о нескольких последующих днях.

Фантасмагория началась в первый же день. Погода, словно нарочно, выдалась чудесная, и по прямому узкому каналу под низко нависшими ветвями деревьев, над которыми вздымались увенчанные снегом вершины гор, тихо скользили три вельбота с людьми и нагруженный вещами и припасами ял. Когда наступил вечер, Фицрой приказал разбить лагерь в укрытом местечке на берегу. «Здесь, — пишет Дарвин, — мы поставили палатки и разожгли костры. Романтичнее зрелище трудно себе представить: растянутые на веслах палатки, дым, поднимающийся над

лесистой долиной, — все говорило о спокойствии и уединении». Уединившаяся компания состояла, помимо четверых людей, бывших причиной того, что все прочие там оказались, из Фицроя, Дарвина, Хеймонда, Байноу, Беннета (боцман), помощника капитана, мичмана и двадцати матросов и солдат морской пехоты.

Первая дисгармоничная нота прозвучала на следующее утро, когда, проплывая по более населенным местам, маленькая флотилия привлекла к себе внимание туземцев; некоторые с криками сопровождали ее по обоим берегам реки. Неожиданной оказалась реакция «своих» огнеземельцев. Они были в ужасе. «Обезьяны... грязные... дураки, не люди!» — в один голос закричали Йорк и Джемми и принялись уверять Фицроя, что этим людям во всех отношениях далеко до их соплеменников. Что касается Фуэгии (которая не присутствовала на первой встрече с огнеземельцами), то она была так поражена и напугана, чувствовала себя так неловко, что спряталась на дно вельбота и не желала глядеть на берег. Судя по всему, одетые в европейское платье, с подстриженными волосами, они совершенно забыли за те три года, что провели на чужбине, как выглядят и ведут себя их соотечественники. Это было дурным предзнаменованием.

Вечером того дня, желая найти место для ночевки, где им не будут докучать, Фицрой был вынужден плыть дальше, чем ему хотелось бы, и в конце концов довольствоваться отнюдь не таким идиллическим местом, как накануне. Предосторожность была не напрасной: утром появилась группа туземцев и стала угрожать им камнями. Поскольку они никогда не видели, а потому и не боялись огнестрельного оружия, а Фицрой не хотел проливать кровь, избавиться от них оказалось нелегким делом.

Следующие два дня по-прежнему стояла ясная и теплая погода, так что кое-кто даже решил искупаться. Путь проходил по необитаемым местам, как понял Фицрой со слов Джемми, по нейтральной полосе между владениями «дураков и обезьян» и землей племени, к которому принадлежал сам Джемми Баттон. Затем снова стали попадаться индейцы, соплеменники Джемми, но если они и отличались от тех, которые встречались раньше, так разве тем, что имели еще более жалкий и дикий вид. Здесь Фицроя и Джемми ждали два огорчения. Во-первых, оказалось, что Джемми с трудом понимает своих соплеменни-

ков, а они с таким же трудом понимают его: он почти забыл родной язык, чего Фицрой никак не предполагал.

Во-вторых, Джемми узнал, что у него умер отец. Все с интересом наблюдали, как он припал это известие. С очень торжественным видом он сказал Беннету, что смерть отца еще раньше привиделась ему во сне, затем, сорвав несколько веток, он зажег их и внимательно смотрел, как поднимается в небо дым. После чего присоединился ко всем прочим и, философски заметив: «моя не помочь», стал болтать и смеяться как прежде. В ту ночь у большого костра, как всегда разложенного на почь, Джемми рассказывал на ломаном английском языке предания о битвах между его племенем и «плохими людьми», которых они встречали на второй день пути, а вокруг стояли, улыбаясь, его голые соплеменники, слушали и ничего не понимали. Пока матросы пели, а индейцы довольно комично им подпевали, Фицрой не спускал с них глаз.

Флотилия вышла из канала Бигля и двинулась к югу через Марри-Нэрроуз; скоро она должна была добраться до залива Понсонби и того селения, где жило племя Джемми (оно называлось Вуллия). Утром предстояло найти хорошее место для будущей миссии. «Я был очень рад,— пишет Фицрой,— видя, что, несмотря на ожидающие его трудности, Метьюз не выказывает никаких колебаний и по-прежнему преисполнен решимости выполнить свой христианский долг.»

Меж тем новость о возвращении Джемми разлетелась по всей округе.

На следующее утро, когда путешественники снимались с лагеря, они увидели зрелище, приведшее их в некоторое замешательство. С разных сторон к лагерю стекались огнеземельцы. Тела их, раскрашенные в черный, белый и красный цвет, лоснились от пота и были забрызганы каплями крови. Не сразу стало понятно, что кровь эта результат не битвы, а быстрого бега и чрезмерного возбуждения, и просто течет из носа, что во всем этом нет ничего страшного, и шумная дико жестикулирующая толпа пришла приветствовать своего соплеменника.

Не успели вельботы отойти от берега, как отовсюду стали появляться каноэ. В каждом стоял огнеземелец и во все горло кричал. Из каждого подымался дымок от факела.

Утро было прекрасное, и вся сцена выглядела еще более фантастической, чем все, что им приходилось видеть до тех пор. Шлюпки англичан скользили по глади залива, голубая вода казалась у берегов почти черной от тени, бросаемой крутыми прибрежными скалами, а в отдалении в лучах утреннего солнца сверкали снежные шапки гор. На широкой, похожей на озеро глади появлялись все новые и новые каноэ, а скалы гудели от зычных криков огнеземельцев, оставшихся на берегу. Трудно было с уверенностью сказать, насколько певинен этот триумфальный кортеж, и Фицрой подгонял гребцов, полагая, что благоразумнее находиться подальше от него. К счастью, подул легкий ветер и под парусами шлюпки обогнали каноэ.

Флотилия подходила к Вуллии, и Фицрой внимательно глядел по сторонам, чтобы найти место для миссии. Ему повезло: он увидел подходящий участок и приказал пристать к берегу. Джемми Баттон, которому очень хотелось, чтобы его соплеменники и родные места произвели на капитана хорошее впечатление, был счастлив, заметив, что у того довольный вид. Долинка, выбранная Фицроем, замыкалась со всех сторон лесистыми холмами; густой ковер цветов и журчащие ручьи служили залогом того, что семена культурных растений здесь хорошо примутся. Фицрой приказал людям сразу же отметить границы участка. Все с облегчением увидели, что каноэ туземцев не последовали за ними к берегу, а пристали в ближайшей бухте.

Пять дней подряд они работали на участке, и, хотя погода испортилась, дело успешно продвигалось вперед. Срубили и распилили на бревна деревья, и понемногу стали вырисовываться очертания трех хижин, или, как их называли здесь, вигвамов; продукты, инструменты и прочие хозяйственные принадлежности сложили на берегу; вскопали землю под огород, посадили картофель, посеяли семена моркови, репы, бобов, гороха, лука, салата и капусты. Огнеземельцы, переложив все обязанности на женщин, толпами приходили глазеть на то, что здесь происходит, а порой и помогали. Фицрой руководил всеми работами. В первый же день произошел эпизод, который не только не доставил им удовольствия, но, напротив, опечалел и удивил их.

«Я наблюдал, как идет работа в нашем лагере, а бедный Джемми выходил из себя от насмешек матросов по поводу его соплеменников, которых он так нахваливал, пока не увидел. Вдруг раздался громкий крик. Он допосился из каноэ, находившегося более чем в миле от нас. Джемми бросил мешок с инструментами и гвоздями, которые он раздавал туземцам, в результате чего между ними тут же началась свалка, и воскликнул: «Брат!» Он сказал мне, что узнал голос старшего брата, и, забравшись на большой камень, стал следить за медленно приближавшимся каноэ, в котором сидело несколько человек. Когда каноэ пристало к берегу, вместо горячей встречи началось подозрительное и осторожное осматривание друг друга, что очень озадачило нас. Джемми медленно направился навстречу новоприбывшим, среди которых были его мать, две сестры и четыре брата. Мать, едва взглянув на него, принялась привязывать каноэ и укрывать пожитки, девушки побежали за ней, не удостоив Джемми и взглядом, а братья (взрослый мужчина и три мальчика) простояли несколько минут неподвижно, во все глаза глядя на Джемми, затем приблизились к нему и, все еще не говоря ни слова, обошли со всех сторон. Даже животные выказывают при встрече большее оживление. Джемми, судя по его лицу, был и обижен и огорчен. Вдобавок, к его вящему смущению и разочарованию (так же, как и моему), оказалось, что он может разговаривать с братьями лишь на ломаном языке, в котором преобладали английские слова».

Комментарии Дарвина по поводу этой встречи как в путевом дневнике, так и в опубликованном «Дневнике изысканий», звучат в унисон с комментариями Фитцроя. Встреча была «менее интересной, чем встреча двух лошадей на лугу». Однако он добавляет, что от Йорка (лучше помнившего родной язык, так как он прилагал в свое время меньше стараний, чтобы выучить английский) стало известно, как безутешна была мать Джемми, когда он пропал.

Что касается самого Джемми, «было смешно и вместе с тем грустно смотреть, как он обращается к своему брату-дикарю по-английски, а затем по-испански спрашивает, понимает ли тот его (no sabe? ¹)».

---

¹ no sabe (исп.) — не знает?

Вскоре у Фицроя появилась новая причина для беспокойства. До поры до времени отношения между его людьми и огнеземельцами были превосходными, братьев Джемми наделили прозвищами, и матросы, проявляя в равной степени такт и ловкость, умудрялись держать тех из огнеземельцев, кто им не помогал, снаружи от рва, обозначавшего границы участка. Однако именно с этим справиться становилось с каждым днем все трудней. И вот на пятый день старик-огнеземелец, которого часовой гнал с участка на другую сторону рва, плюнул ему в лицо, а затем, склонившись над спящим товарищем, по глядя на часового, разыграл целую пантомиму: он «сдирал с него кожу» и «резал его на куски» с таким видом, словно хотел сказать: «так бы я поступил с тобой». Все бывшие с ним огнеземельцы выглядели не менее свирепо.

В этот вечер Фицрой устроил тренировку в стрельбе, причем постарался, чтобы мишени были хорошо видны огнеземельцам. Он не имел права забывать, что вокруг находится не менее трехсот огнеземельцев — по десяти на каждого из англичац, — и что при их колоссальной физической силе и потрясающей ловкости и точности метания копьа и камней огнестрельное оружие не дает англичанам особенно больших преимуществ.

Эта показательная стрельба или эпизод с часовым, а скорее всего и то и другое вместе, вызвали реакцию, которая, хотя и не говорила о прямом объявлении войны, ввергла путешественников в замешательство. Когда наступило утро, к ним не подошел ни один индеец, мало того, те снимались с лагеря. Вскоре поблизости не осталось ни одного человека. В чем дело: они испугались, рассердились или им просто здесь надоело? Джемми, родичи которого отбыли со всеми вместе, не мог дать ключа к отгадке. Может быть, они собираются напасть? Ночью часовой видел туземца, кравшегося между палатками. Кто это был — лазутчик или просто вор?

Строения миссии были готовы, и все, что можно было сделать, — сделано. Какой предпринять следующий шаг? Очевидно, Фицрой решил, что в случае битвы для Метьюза и его подопечных будет лучше, если она произойдет где-нибудь в другом месте. Йорк и Джемми же сомневались, что все будет в порядке, и решимость Метьюза также не поколебалась. «Поэтому, надеясь, что в своем стремлении принести огнеземельцам пользу Метьюз получит ту

помощь, на которую он уповает, я решил покинуть его на несколько дней». Воспользовавшись отсутствием туземцев, моряки выгрузили наиболее ценные вещи, попрощались и, подняв паруса, пустились в путь. Ночевали они в бухточке неподалеку.

За ночь планы Фицроя переменялись, и он решил сократить свое отсутствие до одного дня. Поэтому утром они сразу поплыли обратно. Из слов, оброненных кое-кем из команды, Фицрой понял, что они не надеются застать Метьюза в живых.

Однако ничего не случилось. Метьюз, встретивший их с котелком в руках, казался веселым и спокойным. Джемми, к которому пришел один из братьев, был уверен, что скоро вернется вся его семья и что просто огнеземельцы, из чужих племен — «плохие люди», отправились по домам. Фицрой решил удлинить испытательный срок и заняться съемкой в канале Бигля, на что нужно было около десяти дней.

Отправив обратно на «Бигль» ял и один из вельботов, Фицрой с половиной людей, среди которых были его друзья Дарвин и Хеймонд, двинулся по каналу на запад. Съемка заняла неделю, и на восьмой день они отправились обратно, подгоняемые течением и попутным ветром, что, если и умеряло чуть-чуть их нетерпение, не могло унять тревогу. Фицрой успел заметить, как огонь выедает сердцевину дуплистого дерева, подумать, не подойдет ли для кровли встретившийся им сланец. Но мысли его были в ином месте. Вскоре стали попадаться индейцы в полной боевой раскраске, словно перед набегом или войной. У них был вызывающий и вместе виноватый вид, как будто они учинили какое-то зло. Хуже того, многих украшали белые полотняные повязки, ленты и лоскуты красной ткани, происхождение которых ни у кого не вызвало сомнений. Моряки продолжали плыть, пока не наступила ночь, а на рассвете вновь снялись с места. Летя на всех парусах по Марри-Нэрроуз, они встречали все больше и больше туземцев, украшенных полосками полотна и шотландки. Все было ясно. В полдень они прибыли в Вуллию.

«Вельботы коснулись берега; вокруг, угрожающе крича, скакали туземцы. Наконец, к моему несказанному облегчению, появился Метьюз, за ним — Джемми и Йорк. Все трое были одеты, как обычно, и имели спокойный вид; Фугэя, по их словам, осталась в вигваме».

Но все обстояло куда хуже, чем казалось на первый взгляд. Оставшись в вельботе в нескольких ярдах от берега, вдоль которого сидели на корточках огнеземельцы (словно свора гончих, подумал Фицрой, ждущих, когда выгонят лису из норы), капитан и Дарвин слушали рассказ Метьюза.

Все эти дни он подвергался беспрестанным мелким оскорблениям, унижавшим его самолюбие и временами граничившим — во всяком случае, так полагал Дарвин — с сознательными угрозами его жизни. Все, что можно было украсть у него и Джемми, — укралц, только Йорк умудрился сохранить свое добро. Родичи Джемми тоже участвовали в кражах, а потом хвастались перед другими добычей. День и ночь хижину Метьюза окружали индейцы, все свое время он тратил на охрану имущества. Когда он велел одному из туземцев выйти из хижины, тот вышел, но тут же вернулся, размахивая камнем. В другой раз пришла целая группа индейцев, вооруженных дубинками и камнями, а братья Джемми стояли в стороне и подбадривали их криками. Метьюз еле откупился от них подарками.

Единственные спокойные минуты Метьюз урывал, когда, спрятав, что мог, шел посидеть с женщинами. Мужчины издевались над ним, ни на минуту не оставляя в покое. Они толкали его, корчили ему рожи, дергали за бороду (у огнеземельцев считалось куда пристойнее иметь безволосое лицо). Один из них силой пригнул Метьюзу голову к груди в знак презрения к его физической слабости. Почти все вещи, инструменты и одежда, кроме того, что было заранее спрятано сразу по приезде, и того, что Метьюз сумел зарыть потом, были похищены.

Нечего было раздумывать, что делать дальше, и Метьюз признался, что с него хватит. Фицрой решил действовать без промедления. Не дав огнеземельцам опомниться и сообразить, что, превосходя англичан числом, они могут им помешать, Фицрой отправил своих людей через вытопанный огород к вигвамам, чтобы забрать немногиецелевшие пожитки Метьюза.

Оставалось лишь попрощаться с бывшими питомцами. Джемми был искренне опечален. Даже братья обворовывали его: «Кто так делать?» Ему было стыдно, что он не мог уберечь от своих сородичей будущий огород. «Мой народ — плохой, очень плохой, большой дурак!»

Однако он был уверен, что ему самому ничего не грозит. Фипрой обещал вернуться через несколько дней.

В дневнике Дарвина появилась следующая философская, но отнюдь не оптимистическая запись:

«Было очень грустно оставлять наших огнеземельцев среди их диких земляков. Утешало нас лишь одно — сами они не опасаются за свою жизнь. В противовес распространенному мнению, трех лет оказалось достаточно, чтобы превратить дикарей в европейцев, во всяком случае если говорить об их привычках. Я уверен, что Йорк, будучи взрослым человеком с сильной волей и твердым характером, станет, насколько ему позволят обстоятельства, жить как англичанин. У бедного Джемми был безутешный вид. Он, несомненно, предпочел бы вернуться с нами. Каковы бы ни были другие результаты их поездки в Англию, боюсь, что счастья она им не принесла. Ум их достаточно развит, чтобы оценить преимущества цивилизованного образа жизни, и все же я опасуюсь, что им придется вернуться к обычаям своего племени».

Восемь дней спустя, не в силах унять тревоги о судьбе бывших подопечных, капитан отправился на вельботе в Вуллию их проведать. Эта поездка значительно успокоила его. Выслушав его рассказ, Дарвин записал в дневнике: «Если огород не заглохнет, от нашего маленького поселения будет прок и оно изменит обычаи диких обитателей этих мест». Фипрой говорит, что семена дали ростки, несмотря на то что пидейцы, казалось, вытоптали весь участок. «Наши» огнеземельцы, все еще в европейской одежде, заняты делом и выглядят счастливыми. Даже мать Джемми в платье. Джемми гордится, что ему удалось отбить пабег чужого племени, хотя, как он сам признался, соплеменники еще больше обворовывают его. Он доволен жизнью и ничего не боится. Йорк строит каноэ. Фуэгия, как всегда, чистая и аккуратная.

Фипрой покинул своих питомцев, все еще оптимистически надеясь, что они принесут пользу соплеменникам. «Они помогут другим огнеземельцам, — пишет он, — понять и оценить те мотивы, которыми я руководствовался, увозя их в Англию, и это так их к нам расположит, что при следующем посещении здешних мест Метьюз сможет претворить в жизнь свой план, от которого он пока не отказался, хотя обстоятельства и вынудили временно отложить его осуществление».

Действительно, еще не все было потеряно; его филантропическая затея, убеждал себя Фицрой, не окончательно провалилась. Прошел целый год, прежде чем он снова увидел Джемми.

Неодолимое желание, несбывшаяся мечта

Пусть предпринятая Фицроем на свой страх и риск попытка перевоспитать огнеземельцев закончилась частичной неудачей, ничто не должно было препятствовать успеху осуществления главной задачи экспедиции — гидрографической съемке берегов. Для этой цели за месяц до последнего выхода из Вуллии Фицрой, производя съемку Фолклендских островов, приобрел шхуну водоизмещением сто семьдесят тонн.

Фицрой, как когда-то Кинг, уже убедился, что ему не обойтись без вспомогательной шхуны, но не намерен был, подобно Кингу, терять половину сезона, дожидаясь разрешения адмиралтейства. Еще в Монтевидео он нашел две очень маленькие шхуны, «тендеры», как он их называл, водоизмещением девять и пятнадцать тонн. В то время как «Бигль» был занят на съемке в окрестностях Вуллии (залив Насау), а затем у Фолклендских островов, на этих двух крошечных суденышках (рубка одного из них поднималась над палубой всего на тридцать дюймов) была проделана огромная изыскательская работа на Патагонском побережье. Лейтенанты Викем и Стокс провели на них восемь месяцев, подвергаясь немалым лишениям и испытаниям; в частности, они выдержали в открытом море шторм, чуть не погубивший «Бигль» у мыса Горн. Это показывает, сколь безоговорочно подчиненные капитана Фицроя выполняли его приказания. Фицрой нанял две эти шхуны у некоей колоритной личности по имени Харрис; о нем подробнее рассказано в следующей главе, где мы касаемся взаимоотношений Фицроя и Дарвина и описываем некоторые их совместные приключения. Фицрой обязался платить по сто сорок фунтов стерлингов в месяц за обе шхуны, а по истечении восьми месяцев (сделка состоялась в сентябре 1832 года) вернуть их владельцу. Но вскоре он осознал, что когда придет этот срок, «Бигль» останется без помощи и поддержки и они вновь окажутся в затруднительном положении.

Так вот, на Фолклендских островах Фицрой повстречал другую колоритную личность. Это был капитан Лоу, упрямый, энергичный и жестокий человек, хорошо известный в южных морях, владелец зверобойной шхуны «Юникорн» («Единорог»). Капитан Лоу пришел на Фолклендские острова вскоре после Фицрея. На редкость штормовая зима, по его словам, чуть не разорила его и он охотно продал бы свою шхуну.

«К этому времени,— пишет Фицрой в Отчете,— я понял, что „Бигль“ не успеет выполнить всю программу, ибо нужда в отдыхе и ремонте судна заставит нас прервать плавание, и, таким образом, самая его интересная часть — кругосветная экспедиция по определению разности долгот между обсервованными точками — будет в конце концов принесена в жертву кропотливой и утомительной, хотя не менее полезной работе по гидрографической съемке южноамериканских берегов. Район работ отстоял так далеко от портов, что у нас уходили целые месяцы только на то, чтобы пополнить запасы продовольствия, причем мы сильно перегружали свой небольшой корабль. Трюм „Бигля“ рассчитан на восьмимесячный запас продуктов, а мы дважды отплывали, имея на борту запас на десять месяцев, что затрудняло маневрирование и управление судном. Как часто я мечтал о втором корабле!»

Однако в качестве сопровождающего судна годилось лишь такое, которое было бы приспособлено для перевозки больших грузов, имело простое парусное вооружение (чтобы с ним могли управиться всего несколько человек) и не уступало бы в скорости хода «Биглю». Шхуна Лоу «Юникорн» отвечала всем этим требованиям. «Когда я увидел „Юникорн“ и узнал, как шхуна ведет себя на море, меня охватило неодолимое желание ее купить». Капитан Лоу просил за нее шесть тысяч долларов, то есть около тысячи трехсот фунтов стерлингов; она была выстроена из дуба в Англии и, по слухам, стоила тогда не менее шести тысяч фунтов стерлингов. Для ремонта требовались лишь «несколько листов меди, новые паруса и канаты». Фицрой подписал купчую и потратил еще четыреста фунтов на паруса, тросы и прочее корабельное имущество, снятые с двух местных судов, потерпевших крушение во время того самого шторма, от которого едва не погиб «Бигль».

Фицрой был доволен, но во всех других отношениях пребывание на Фолклендских островах оказалось неудач-

ным. Стояла отвратительная погода, и хотя «Бигль» находился в гавани Беркли-Саунд, внезапные штормы угрожали и ему. Политическая обстановка на островах также была тревожной.

А тут еще трагически погиб судовой писарь Хеллер, любимец Фицроя. Мы уже упоминали о приказе-инструкции капитана не удаляться от берега в одиночку и о фатальном исходе, к которому привело нарушение приказа. Когда спутник Хеллера повернул обратно, юноша под каким-то предлогом остался, нырнул в море, чтобы достать подстреленную утку, запутался в водорослях и утонул. Капитан предполагал, что Хеллером руководило бескорыстное желание принести эту утку для коллекции. В дневнике Дарвина от пятого марта 1833 года читаем: «Мистера Хеллера похоронили на одишюком и мрачном мысе. До чего же грустной была похоронная процессия: впереди несли государственный флаг Соединенного королевства, приспущенный до середины древка, на гроб был наброшен белый военно-морской флаг; скромность похорон делала их еще более торжественными».

Через несколько дней после этого печального события прибыл капитан Лоу на своей шхуне. А менее чем через месяц Фицрой подписал соглашение, заплатил условленную сумму, и шхуна, переименованная в память о добрых старых временах в «Адвенчер» и временно отдавшая под команду штурмана Чэфферса, направлялась в Ла-Плату, чтобы стать на ремонт. Неодолимое желание Фицроя исполнилось.

Последние дни пребывания на Фолклендских островах капитан Фицрой снова был в хорошей форме. На островах сложилась в то время довольно запутанная и неприятная ситуация. Попытки Аргентины колонизовать острова закончились неудачей, и Великобритания объявила о своем суверенитете, хотя практически ничего не сделала, чтобы его утвердить. Фицрой принял деятельное участие в местных делах: помог единственному живущему здесь британскому подданному, организовал транспорт для моряков, незадолго до того потерпевших кораблекрушение, и убеждал гаучо¹, привезенных сюда из пампы, остаться и

---

¹ Гаучо — потомки испанских колонистов, отчасти метисы и мулаты, жившие в пампе Ла-Платы; до середины XIX века занимались охотой и скотоводством.— *Прим. пер.*

освоить эти места (о чем он весьма сожалел в свой следующий заход на острова). В конце апреля, получив вести от Викема и Стокса и отправив на ремонт только что окрещенную новую шхуну, Фицрой пошел на «Бигле» к берегам Патагонии. Путешественники с радостью покидали унылые Фолклендские острова и предвкушали дальнейшее плавание. Прекрасная новая шхуна поможет им быстрее закончить работу у южноамериканских берегов, и они наконец выйдут в Тихий океан. «Для меня ясно,— писал Дарвин сестре,— что, пока мы не покинем эти отвратительные широты и не помчимся на всех парусах в края, где растут бананы, нам нечего ждать от плавания особого удовольствия». Мы не знаем, в каких именно краях Дарвин надеялся увидеть бананы, но пройдет много месяцев и случится много событий, далеко не все из которых будут приятными, пока он и его товарищи по плаванию не окажутся на такой широте, где будет хотя бы малейший шанс встретить этот плод.

Однако «Биглю» предстоял еще один заход на Огненную Землю: была не закончена съемка и еще не совсем потеряна надежда водворить Метьюза на миссии возле Вуллии. Пока же, до наступления лета, надо было обработать зимние материалы, нанести данные на карту, составить отчет. Нужно было также привести в хорошее состояние «Адвенчер».

Но хорошего состояния было мало для Фицроя, его могло удовлетворить только идеальное состояние. Капитан решил обшить днище шхуны медью, иначе она не сможет сопровождать «Бигль» в Тихий океан. «Бигль» должен был стать на причал рядом с «Адвенчером» в доках Мальдонадо в заливе Ла-Плата и поддерживать его на весу в то время, как он будет вытасчен из воды «килем наружу». А так как «Бигль» был всего на семьдесят тонн тяжелее «Адвенчера», для этой операции требовалось спокойное море. Фицрою пришлось пустить в ход все свое умение предсказывать погоду, чтобы с раннего утра определять, будет ли волна и можно или нельзя производить работы.

Наконец, шестого декабря 1833 года, наполнив трюм продовольствием, которого должно было хватить на все лето, «Бигль» в сопровождении спутника (под командой Викема) вышел из Монтевидео. В рождество оба корабля

стояли неподалеку от Пуэрто-Десеадо. После обеда, главным блюдом которого было жаркое из подстреленного Дарвином гуанако (дикий родственник ламы и альпока), на берегу устроили состязания в беге, борьбе и другие спортивные игры. Вскоре «Адвенчер» направился на Фолклендские острова, а «Бигль» двинулся вдоль побережья к югу, производя по пути гидрографические работы. Чтобы проверить хронометры, Фицрой спустился по Магелланову проливу до самого Фэмина, впервые за время второго плавания зайдя в эти места. В начале февраля «Бигль» и «Адвенчер» снова вышли из пролива и начали съемку у восточного побережья Огненной Земли, на этот раз, в отличие от прошлого лета, почти не попадая в штормы. Но когда в конце месяца они шли к родным местам Джемми Баттона, погода испортилась. Дарвин позволил себе пошутить по этому поводу в дневнике: «Огненная Земля не забыла своих прелестных манер. От ее легкого дыхания наш корабль прыгает и пляшет на волнах. Очаровательное местечко!» Первого марта путешественники вошли в канал Бигля и начали меновую торговлю с туземцами. Насколько приятней и безопасней, рассуждал Дарвин, заниматься этим, находясь на палубе корабля, чем быть рядом с ними в шлюпке и слушать их требовательные крики. Понемногу он стал относиться к огнеземельцам с неприязнью и ему надоел их без конца повторяющийся возглас «Ай-е!», который он переводил как «Дай мне!» Пятого марта корабли наконец приблизились к живописной бухточке, где за год до того моряки построили три хижины и разбили огород. Что их там ожидало?

Они нашли пустые, заброшенные хижины, вытоптаный огород. Стояла мертвая тишина. В полном молчании были выкопаны из земли несколько брюков и картофелин «вполне приличных размеров», как отметил оптимистически Фицрой, когда позднее их сварили ему с Дарвином на обед.

Моряки вернулись на корабль, но продолжали быть настороже. Внезапно они увидели, что к ним несутся три каноэ, однако не от Вуллии, а от близлежащего острова Баттона. С каноэ доносились приветственные крики. Фицрой писал:

«В бинокль я увидел, что два туземца моют лица, в то время как остальные во всю мочь гребут. Я сразу понял, что там кто-то из наших старых знакомых, и через

несколько минут узнал Томми Баттона, брата Джемми. В другом каноэ я увидел еще одного человека, лицо которого мне показалось знакомым, но кто это, я не мог припомнить. „Верно, видел его на берегу“, — подумал я, как тут его острый взор различил меня на палубе и резким движением он поднес руку к голове (как матрос, отдающий честь). Я сразу понял, что это Джемми Баттон».

Дарвин пишет, что, поприветствовав их, Джемми пристыженно отвернулся; Фицрой говорит, что с трудом мог сдерживать свои чувства. Да, это был Джемми Баттон, но на что он был похож! Волосы отросли и всклокочены, как у всех остальных огнеземельцев, он страшно исхудал и был совершенно наг.

Однако это был их Джемми, и он не забыл английский язык. Его отвели в кубрик, причесали, одели, и вскоре он сидел за обедом вместе с Дарвином и Фицроем.

Джемми по-прежнему пользовался ножом и вилкой и был в прекрасном настроении. Он уверял своих слушателей, что чувствует себя превосходно: «Здоровый, сэр, никогда так лучше», что он «достать много фруктов и птички», а когда «идти снег — гуанако и много-много рыбы». Он очень счастлив и не хочет больше никуда уезжать.

После обеда Джемми вновь спустился повидать своих старых друзей. Особенно он обрадовался встрече с судовым доктором и боцманом Беннетом. Вскоре к «Биглю» приблизилось еще одно каноэ, и тут стала ясна причина того, почему Джемми доволен своей жизнью — в каноэ сидела миловидная (по канонам огнеземельцев, поясняет Фицрой) девушка, оказавшаяся женой Джемми. Ее засыпали подарками, но до тех пор, пока ей не вернули мужа, вид у нее был очень встревоженный.

На ночь Джемми вернулся на берег, а утром снова приплыл на корабль, чтобы за завтраком рассказать капитану все, что с ним произошло.

Странная, должно быть, это была беседа, и последовавшая за ней разлука огорчила всех, и больше всех капитана Фицроя. Из рассказа Джемми выяснилось во всяком случае, что его нагота является вынужденным, а не добровольным возвратом к прошлому. После особенно жестокого набега «плохих людей» Йорку Минстеру, который к тому времени достроил каноэ, удалось убедить Джемми и его мать поехать с ним посмотреть его края. Но неподалеку от дома Йорк с Фуэгией тихонько отплыли ночью

одни, увезя в каноэ все имущество Джемми и оставив его буквально в том виде, в каком некогда Фицрой его нашел. Фицрой полагал, что Йорк задумал это еще тогда, когда любезно просил высадить его вместе с Джемми. Джемми с матерью вернулись домой по суше и решили перебраться на остров Баттон, где им легче было укрыться от набегов... К тому же хижины миссии оказались слишком холодными, чтобы жить в них зимой. (Об Йорке никто больше не слышал, но об огпеземельке, которая пришла на судно и немного говорила по-английски, году в 1842-м, судя по сноске в «Путевом дневнике», рассказывал Саливану какой-то китобой.)

Таков был конец всей затеи. Положение не только не изменилось к лучшему, но стало хуже, чем прежде. Нечего было и думать о том, чтобы вторично оставить здесь Метьюза. Предстояло навсегда распрощаться со здешними местами.

Джемми и его жена были завалены подарками. Но и Джемми не остался в долгу. Он уже заготовил две драгоценные шкурки выдры для «кап-на» и одну для Беннета, два наконечника копий для Дарвина и колчан со стрелами, который он просил передать мистеру Вилсону из Волтемстоу. И вот Джемми покинул палубу «Бигля» в последний раз и поплыл прочь в своем каноэ. Когда «Бигль» взял курс в открытое море, с берега поднялся высокий столб дыма.

Много разных мыслей, должно быть, толпилось в уме Фицроя, когда он глядел на этот прощальный знак, и далеко не все они были приятны. Но бумаге он доверил только самые бодрые: Джемми, по его словам, пользуется довольно большим влиянием среди сородичей и даже выучил их многим английским словам. Все заметили, что они стали менее дикими, чем остальные туземцы, менее подозрительными и несговорчивыми. Значит, удалось сделать первый шаг по пути цивилизации огпеземельцев — завоевать их доверие. Один человек при его ограниченных средствах не в состоянии достичь большего. Но даже и это немного — кое-что. Быть может, когда-нибудь дети Джемми Баттона «под влиянием рассказов об обычаях чужестранцев и пусть самой смутной мысли о долге перед творцом и своими ближними» помогут какому-нибудь моряку, потерпевшему кораблекрушение в их водах, и проявят к нему доброту. Запись Дарвина в путевом дневнике

тоже звучала оптимистически. «Я почти не сомневаюсь в том, что он (Джемми) будет счастлив, словно и не покидал родные края; еще недавно я на это и не надеялся». А позднее в «Дневнике изысканий», отдавая дань своему другу, он писал: «Все мы искренне уповаем на то, что благородная мечта капитана Фицроя осуществится, и многочисленные жертвы, которые он принес ради огнеземельцев, будут когда-нибудь вознаграждены помощью, оказанной потомками Джемми Баттона и его соплеменников какому-нибудь потерпевшему кораблекрушение моряку».

Да, мечты эти не назовешь честолюбивыми и относились они к далекому будущему. Что скрывать — безумная утопическая затея Фицроя закончилась неудачей. Любой человек, живущий в двадцатом веке, мог бы предвидеть, что она обречена на провал. Но Фицрой жил не в двадцатом веке.

Взаимное недовольство и взаимная помощь

«Характер у Фицроя был своеобразный, нрав весьма тяжелый». Так отозвался о нем Чарльз Дарвин сорок с лишним лет спустя, когда писал по просьбе детей «Автобиографию». Между этой характеристикой и первым наивно-восторженным отзывом о Фицрое как об идеальном капитане находится уже приводившееся нами письмо сестре. Дарвин называет в нем Фицроя самой сильной личностью из всех, с кем ему доводилось встречаться, человеком, которого легко представить в роли Нельсона или Наполеона, хотя капитан, по его признанию, отличался тщеславием и раздражительностью. Более зрелая оценка Фицроя отнюдь не лестная, однако Дарвин далек от осуждения. В ней скорее звучит раздраженное восхищение или восхищенное раздражение вкупе с жалостью, в которой однако нет ничего покровительственного. Из Автобиографии мы узнаем о Фицрое больше, чем из любого другого источника, поэтому стоит привести здесь хотя бы немного из того, что там говорится.

В «своеобразном» характере Фицроя Дарвин разглядел «много благородных черт», тут же им перечисленных. Фицрой был «верен долгу, чрезвычайно великодушен, смел, решителен, обладал неукротимой энергией и был искренним другом всех, кто находился под его началом».

Что касается его тяжелого нрава, то на этом Дарвин останавливается подробнее.

«Он (тяжелый нрав) проявлялся не только во вспышках гнева, но и в длительных приступах раздражения против тех, кто вызвал его неудовольствие. Особенно невыносим он бывал по утрам. Его зоркий взгляд обязательно замечал какое-нибудь мелкое упущение на корабле, и тогда не жди пощады. Младшие офицеры, сменяя тех, кто нес вахту с ночи, обычно спрашивали, „много ли было утром подано горячего кофе“, имея в виду настроение капитана. Он был очень подозрительным и порой впадал в глубокую депрессию, однажды чуть не закончившуюся душевным расстройством. Нередко мне казалось, что ему недостает трезвости в суждениях и здравого смысла. Он исключительно хорошо относился ко мне, но находиться с ним в близких отношениях — что было неизбежно, поскольку мы ели за одним столом в его каюте, — оказалось очень трудно. Несколько раз мы ссорились, так как стоило ему рассердиться, он совершенно переставал владеть собой. Жить в полном согласии с капитаном военного корабля трудно еще и потому, что всякое противоречие ему воспринимается чуть ли не как бунт».

Дарвин приводит в пример несколько ссор, имевших довольно серьезные результаты. Мы коротко расскажем о них. В основном глава будет посвящена взаимоотношениям этих двух незаурядных людей с сильным характером и описанию некоторых наиболее интересных происшествий, случившихся во время плавания у берегов Южной Америки, чтобы читатель мог составить собственное мнение об их воздействии друг на друга.

В том, что Фицрой, делавшийся все более и более «правоверным» в религиозных взглядах, взял в плавание именно Чарльза Дарвина и тем самым помог ему разработать эволюционную теорию, явно, как уже говорилось, чувствуется ирония судьбы. Однако на «Бигле» их представления о мире не так уж различались между собой. Был случай, когда по какому-то вопросу морали не Фицрой, а Дарвин привел, при смехе всех офицеров, цитату из Библии в качестве решающего аргумента, и в конце концов книга Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» появилась в печати лишь в 1859 году. Внучка Дарвина Нора Барлоу, много сделавшая для издания и комментирования дневников и записных книжек своего деда, счи-

тает, что в них куда явственнее проступают новые «эволюционные» воззрения Дарвина, чем в опубликованном вскоре после возвращения в Англию «Дневнике изысканий». Она предполагает, что Дарвин сознательно воздерживался от высказывания своих взглядов, чтобы не задеть Фицроя. Заменяв библейскую версию возникновения жизни на Земле теорией эволюции, Дарвин окончательно разрушил уже шатающееся здание, но в те дни, когда он плавал на «Бигле», хотя и считал библейскую картину происхождения жизни несостоятельной, внешне еще был более или менее ортодоксален. Чарльз Дарвин был славный, трудолюбивый, искренний, уравновешенный и доброжелательный юноша, правда, склонный опираться скорее на доводы разума, чем на веления сердца. Если молодому Дарвину повезло в том, что он занял место натуралиста на «Бигле», то молодому Фицрою повезло, что именно Дарвин занял его; и они, хотя и не могли порой не раздражать друг друга, испытывали взаимное уважение и оказывали один другому помощь и поддержку.

Фицрою не потребовалось много времени, чтобы оценить Дарвина по достоинству. В самом начале плавания он пишет главному гидрографу Бофорту: «Дарвин очень разумный и трудолюбивый юноша и очень приятный сотрапезник. Я еще не видел, чтобы „сухопутный“ человек так быстро и досконально освоил обычаи, принятые на море». В более позднем письме он называет Дарвина славным малым. Не нужно забывать, что Дарвин, только что окончивший богословский факультет Кембриджского университета и собиравшийся стать церковнослужителем, как геолог и натуралист был пока лишь любителем. Его ждало серьезное испытание, но он понимал, что каким-то чудом ему выпало счастье заняться по-настоящему любимым делом. Поэтому он был преисполнен энтузиазма и с готовностью отзывался на энтузиазм своего капитана, когда тот был в настроении его проявить.

Конечно, помимо того, что Дарвин был «сухопутным» человеком, он сильно отличался от Фицроя происхождением и воспитанием. Вряд ли Фицрой «тыкал в нос» свой аристократизм этому отпрыску доктора из центрального графства и дочери заводчика, — так джентльмены не делают. Однако в самом начале их знакомства можно отметить кое-какие забавные штришки в этом плане. Что более серьезно, две крупные ссоры, о которых упоминает Дар-

вин, были скорее всего вызваны как раз этим различием. Дарвин вполне оценил то, что по прибытии «Бигля» в Южную Америку Фицрой брал его с собой, нанося визиты английским и испанским аристократам. Тем не менее в письме сестре Кэролайн, отправленном в это время, мы встречаем такую раздраженную реплику «в сторону»: «Довожу до твоего сведения, что, по словам капитана, романы мисс Остин теперь у всех на столе; под „всеми“ подразумеваются исключительно семейства Джерси, Лондондерри и иже с ними» (то есть родственники или свойственники Фицроя).

Возможно, аристократы более, чем простые смертные, не любят, когда их слова ставятся под сомнение. Во всяком случае, Фицрой был весьма чувствителен на этот счет. Один мелкий эпизод, иллюстрирующий его болезненную обидчивость, произошел за несколько дней до выхода из Плимута, другой более серьезный инцидент относится примерно к тому времени, когда в письме Дарвина упоминаются романы Джейн Остин. В Плимуте Фицрой очень заносчиво держался с торговцем посудой, который чем-то ему не угодил. «Капитан спросил, сколько стоит дорогой фарфоровый сервиз, и добавил: „Я бы его купил, если бы вы были полюбезнее“. Поскольку я знал, что каюта ломится от посуды, я усомнился в его намерении, и, должно быть, это отразилось у меня на лице, хотя вслух я ничего не сказал. Когда мы покинули лавку, он взглянул на меня и спросил: „Вы не поверили моим словам?“ Я был вынужден это подтвердить. Несколько минут прошло в молчании, затем он сказал: „Вы правы, я поступил дурно в гневе на этого негодяя.»

Фицрой никогда не был злопамятным, и вторая ссора подобно этой закончилась тем, что он попросил прощения. Но она была настолько серьезной, что Дарвин опасался, как бы ему не пришлось покинуть корабль.

Поводом для нее послужил вопрос о труде рабов, который все еще применялся испанцами в Южной Америке. Дарвину почудилось, что Фицрой оправдывает рабство, когда, вернувшись с гасиенды крупного рабовладельца, тот пространно рассказывал, как хозяин позвал при нем рабов, задал им вопрос, хотят ли они быть свободными, и получил в ответ: «Нет!» «Тогда я спросил его, возможно, с усмешкой, — пишет Дарвин в Автобиографии, — неужели он думает, что ответ раба хозяину заслуживает доверия.

Он страшно разгневался и заявил, что мы не можем находиться под одной крышей, раз я сомневаюсь в его словах». Однако после того как гнев Фицроя поутих — офицеры-артиллеристы пригласили изгнанного Дарвина столоваться вместе с ними, — он принес Дарвину свои извинения. В этой ссоре оба молодых человека были неправы. Фицрой словом и, более того, делом всегда стоял за туземцев, за угнетенных и рабов, хотя быть может, и не в той форме, как это предписывает Евангелие. Дарвин же не сомневался в правдивости Фицроя, а лишь подсмеивался над его легковерием.

Фицрой избрал Дарвина спутником для своих экспедиций на воде и на суше, и это очень сблизило их. Первые три экспедиции, о которых мы здесь расскажем, были до марта 1834 года, до окончательного прощания с Джемми Баттоном (о чем рассказывалось в предыдущей главе). Четвертая — вверх по реке Санта-Крус — самая серьезная и трудная из всех, состоялась уже после разлуки с Джемми и второго визита «Бигля» на Фолклендские острова. Для того чтобы не утерять нить повествования, мы сперва упомянем об этом визите, а затем перейдем к четвертой совместной экспедиции наших друзей; она сыграла большую роль в формировании взглядов обоих и, возможно, послужила причиной некоторых дальнейших поступков Фицроя.

Прежде чем продолжать, надо сказать еще одно. Всем известно, что после возвращения в Англию Дарвин вел спокойную, бедную внешними событиями жизнь, мало того, хронически недомогал. Однако в плавании он был очень энергичным, выносливым, решительным и отважным человеком, с большой физической закалкой. Помимо экспедиций с капитаном Фицроем он совершал много самостоятельных вылазок, и часто они бывали очень тяжелы и даже сопряжены с риском. Однажды, как мы увидим, он оказался физически в лучшей форме, чем Фицрой, который после того случая считал себя его должником.

Первая совместная экспедиция всего на один день состоялась в сентябре 1832 года, ровно через год после первой встречи Дарвина и Фицроя. Они шли на «Бигле» вдоль низкого, наполовину затопленного, унылого побережья Патагонии к югу от Ла-Платы, что было трудно, скучно и

временами опасно, и были рады, когда подошли к устью Баия-Бланки, надеясь на перемену декораций.

Не меньше они обрадовались, увидев, что навстречу идет крошечная шхуна. Фицрой не знал фарватера Баия-Бланки, а надо было попасть в Пуэрто-Белграно, вверх по реке, поэтому они окликнули находившихся на шхуне, надеясь на помощь. Оказалось, что у капитана шхуны, мистера Харриса, есть еще одна небольшая шхуна в поселении под названием Аргентина, пемного дальше Пуэрто-Белграно, и если они переправят его на шлюпке из Белграно в Аргентину, чтобы захватить там эту вторую шхуну, он охотно станет лоцманом и проведет «Бигль» до Пуэрто-Белграно. Предложение было тут же с благодарностью принято, и к вечеру «Бигль» благополучно стоял на якоре. Сразу же стали снаряжать шлюпку, чтобы идти в Аргентину, находившуюся в двадцати милях оттуда. (Название поселка¹ не связано с именем, позднее присвоенным всей стране, просто испанцы всюду надеялись найти серебро.)

Поселок этот, или *пóста*, возник всего за пять лет до того как сторожевой пост на время войны с индейцами, которая далеко не была завершена. Поэтому путешествие обещало быть интересным. Кроме команды шлюпки и мистера Харриса, в нем приняли участие по приглашению Фицроя корабельный эконом и Дарвин.

На следующее утро они тронулись с попутным ветром дальше. Многочасовое плавание оказалось трудным и однообразным. По обеим сторонам была вода, топь и тростник — странный пейзаж. По словам Дарвина: «Единственное, что было выше уровня реки — это линия горизонта, тростник походил на кусты, висящие в воздухе, вода — на грязные топкие берега, а берега — на грязную воду». Чем дальше, тем становилось хуже, и, несмотря на то что Харрис указывал путь, шлюпка несколько раз садилась на мель. Подождав прилива, они добрались до заливчика (на четыре мили ниже *пóсты*), где стояла шхуна мистера Харриса. И сразу, словно по мановению волшебной палочки, все переменялось, хотя представшая их взору картина казалась столь же неправдоподобной, как тоскливый переход по реке. Их встречал весь гарнизон *пóсты*. Впоследствии Фицрой и Дарвин по-разному описали эту

---

¹ По-испански «аргентина» — значит «серебряная». — *Прим. пер.*

встречу, но в своем удивлении перед представшим зрелищем они были единодушны. Они увидели группу всадников гаучо в самых фантастических одеяниях. Объединяло их лишь одно — свирепый вид и великолепные лошади. На большинстве были яркие шали, ниспадавшие наподобие юбки, из-под которых виднелись обтрепанные штаны. Дарвин подумал, уж не турки ли перед ним, но высокие сапоги с огромными шпорами под этими штанами вывели его из заблуждения. Этому же способствовала часть встречающих, оставшаяся на заднем плане. «Там, — рассказывает Фицрой, — бросая на нас хмурые настороженные взгляды, стояла кучка почти совершенно нагих пленных индейцев, с жадностью пожиравших куски полусырой конины; волосы их были всклокочены, жалкие лоскутья, заменявшие одежду, развевались на ветру. Глядя на них, я подумал, что никогда еще не встречал такой мрачной компании».

Эта и без того странная встреча к тому же осложнилась недоразумением. Оказалось, что солдаты вышли встречать обоз с провиантом из Буэнос-Айреса, чем и объяснялось присутствие пленников, которые должны были нести в по́сту тюки. Когда офицерам, возглавлявшим отряд, объяснили их заблуждение, они кинулись в другую крайность — решили, что имеют дело со шпионами. Особенно трудно было разубедить в этом второго из них по рангу — престарелого майора.

Вот тут-то и начинается расхождение в описании этой встречи, причем каждый, и Дарвин и Фицрой, считает другого причиной недоверчивости офицеров. Согласно Фицрою, повредило то, что Харрис никак не мог растолковать им, чем занимается Дарвин и зачем он сюда приехал. Офицеры не понимали, что такое «un naturalista», а пояснение Харриса, что это «человек, который знает все», не успокоило, а лишь усугубило их тревогу. Дарвин же считает, что оплошность совершил Фицрой. Нахваливая заливчик, где они пристали, он «заверил старого майора, что мог бы завести туда целую эскадру военных кораблей. Старый служака пришел в ужас. Он уже видел мысленным взором, как отряд английской морской пехоты захватывает по́сту». Однако, пусть не очень охотно, морякам предложили переночевать в по́сте. Так как до нее было четыре мили, Фицрою дали лошадь, и он посадил у себя за спиной эконома; Харрис и Дарвин сели с солдатами. Те

сразу пустили лошадей в галоп. Дарвин, не евший уже полсуток, был в весьма плачевном состоянии, когда прибыл в посту. Там путешественникам оказали все возможное гостеприимство, хотя хозяева не совсем отделались от подозрений и продолжали за ними наблюдать. Когда моряки вернулись на «Бигль», то обнаружили, что вслед за ними отрядили группу солдат, которые засели на берегу и не спускали глаз с корабля. Фицрой и Дарвин тут же отправились к ним и установили самые дружеские отношения. Солдаты продали страусовых яиц и показали свое искусство в бросании лассо (Дарвин тоже попробовал бросить лассо и, к величайшему восторгу гаучо, запутал в нем свою лошадь). Так шутками и смехом закончился этот динамичный и яркий эпизод.

Во время плавания на Огненную Землю Фицрой и Дарвин, судя по всему, были очень близки. Одинаковые эпитеты, употребленные ими при описании встречи Джемми с семьей, показывают, что они обсуждали между собой все случавшееся. За те десять дней, в течение которых велись гидрографические работы в канале Бигля, а Метьюз проходил «испытательный срок», они сблизились еще больше. В конце этого периода капитан сделал благородный жест и дал ему не менее благородное объяснение.

«На следующее утро мы вошли в широкий пролив, который я назвал проливом Дарвина в честь моего сотрапезника, который, не ропща, переносил все тяготы и опасности, сопряженные с длительным плаванием в небольшом перегруженном баркасе».

Эти десять дней действительно оказались насыщенными событиями и происшествиями. Во-первых, снова пришлось столкнуться с затруднением, о котором мы уже упоминали, но теперь дело обстояло еще серьезнее. Речь идет о безрассудной дерзости индейцев, которые очень им досаждали, а избавиться от них можно было, лишь пустив в ход оружие. Один эпизод известен нам со слов Хеймонда, и, поскольку тот вскоре вернулся в Англию и вышел в отставку, так как не мог избавиться от заикания, речь, видимо, шла именно об этом периоде. К англичанам приблизилась, — рассказывал Хеймонд друзьям, — большая группа индейцев, главарь которой, высокий мускулистый мужчина, размахивал боевым топором. «Фицрой подошел

к жожаку, вынул из его руки топорик и похлопал его по плечу; это совершенно умирало всех остальных».

Другой эпизод, героем которого был не Фицрой, а Дарвин, вскользь упомянут в Дневнике, но со свойственной ему скромностью Дарвин умолчал о самом себе. Пристав к берегу, чтобы развести огонь и поесть, путешественники увидели огромный ледяной утес, оказавшийся не чем иным, как краем ледника. Прекрасное и величественное зрелище! Сидя у костра, они любовались полупрозрачной голубизной этого удивительного ледяного утеса, как вдруг от него оторвалась огромная глыба и с грохотом обрушилась в воду. Поднялась высокая волна, и только тут все осознали, что баркасы находятся в непосредственной опасности. Дарвин и несколько матросов с риском для жизни кинулись к баркасам и, хотя основательно промокли, спасли их. Даже при самой бедной фантазии нетрудно представить, что в случае гибели баркасов у них было бы мало шансов выжить и вернуться на «Бигль». Вот тогда-то, войдя на другой день в безымянный пролив, Фицрой и назвал его проливом Дарвина в честь своего друга.

Следующий совместный поход состоялся чуть не через год, когда они были на восточном побережье Огненной Земли. Тогда выяснилось, что Дарвин выносливее Фицроя, и подтвердилась пословица: «Друзья познаются в беде».

Пока они стояли в Ла-Плате, где ремонтировали «Адвенчер», Фицрой занимался вычерчиванием карт, Дарвин же воспользовался представившейся ему возможностью «побродить по берегу» (как выразился капитан). Он совершил верхом четыре длительные поездки, благодаря чему, вероятно, и был в хорошей форме. В то время как с «Бигля» велась съемка небольшого залива Сан-Хулиан, Фицрой, Дарвин и еще несколько человек отправились на поиски пресной воды. Поверив надписи на старой испанской карте «*pozos de aqua dulce*»¹, вселившей ложные надежды, они все больше удалялись от залива. Наконец Фицрой, не в силах идти дальше, объявил привал. Пока он вместе с остальными лежал, отдыхая, на вершине холма, Дарвин спустился вниз, желая выяснить, что собой представляют два озера, сверкающие на солнце в добрых двух милях. Все с нетерпением и тревогой смотрели, как он

---

¹ *pozos de aqua dulce* (исп.) — источник пресной воды.—
Прим. пер.

подошел к первому, наклонился, тут же поспешил к другому и покинул его так же быстро. Оказалось, что это соленые озера, солонцы. Делать было нечего, и, дождавшись Дарвина, путешественники потащились дальше. Вскоре Фицрой, несший двустволку и тяжелые инструменты, почувствовал, что не может сделать больше ни шагу и был вынужден лечь на землю рядом с не менее измученным, чем он, матросом. «Стакан воды полностью восстановил бы мои силы, но где его было взять? Только через несколько часов вернулись два матроса и принесли воду, и скоро мы совсем ожили. К утру мы были на корабле. Никто не пострадал от переутомления, кроме мистера Дарвина, который ни разу не присел отдохнуть за весь этот тяжкий день. Сейчас весь поход служит темой для шуток, но в то время нам было не до смеха».

В дневнике Дарвин упоминает, что на обратном пути пришлось временно оставить двух человек, но не говорит, что один из них — капитан Фицрой. Он рассказывает, что «озера», видные с вершины холма, вблизи оказались полями сухой белой как снег соли — и добавляет без всякой жалобы, что на следующий день у него был жар и он слег в постель. Несколько недель спустя в письме домой он говорит, что Патагония — скучная страна, но, несмотря на это, он в восторге, так как нашел несколько превосходно сохранившихся костей ископаемых животных, скорее всего мастодонтов. «Нет ничего, — добавляет он, — что могло бы сравниться с геологией!» К тому времени он стал знатоком в этой науке и приобрел громадный практический опыт, мало того, решил посвятить ей всю жизнь.

Как уже говорилось в предыдущей главе, вскоре последовало кратковременное плавание по Магелланову проливу и последняя встреча с Джемми Баттоном. Рассказав о более ранних совместных экспедициях Дарвина и Фицроя, мы подошли к тому моменту нашего повествования, на котором прервали его в предыдущей главе, то есть ко второму заходу «Бигля» на Фолклендские острова.

На этот раз Фолкленды произвели еще более гнетущее впечатление. Дарвин в письме домой называет острова «злосчастливым местом, где царит беззаконие». Слова Фицроя в Отчете звучат, пусть более сдержанно, еще более горько, так как «беззаконие» это задело его лично.

После почти годичного отсутствия «Бигль» пришел на острова в разгар удивительных и кровавых событий. Как язвительно выразился Дарвин, Великобритания, захватив Фолклендские острова, в качестве защиты от других захватчиков оставила лишь государственный флаг. Воспользовавшись этим, недовольные переселением сюда гаучо, которых, как вы помните, Фицрой в свое первое посещение уговаривал остаться на островах, превратили городок Порт-Луис в арену грабежа, разгула и убийств. Капитан зашедшего туда английского военного корабля «Челленджер» («Смелый») предпринял неудачную попытку изловить убийц, в результате чего его собственные люди во время поисков едва не погибли от усталости и истощения. Наконец убийц окружили... и тут появился «Бигль». Фицрой сразу же взял инициативу в свои руки. Трех пленников переправили на борт «Бигля», главаря заковали в кандалы.

Затем Фицрой стал выяснять, к каким последствиям привели бесчинства гаучо. В числе убитых был англичанин — единственный постоянно проживавший в Порт-Луисе, — который понравился Фицрою при первом посещении и которому он тогда помогал. Этот человек, по имени Брисбейн, был старый морской волк, он прожил жизнь, полную трудностей и приключений, не жалуясь на свою судьбу. Брисбейн дважды тонул у берегов Огненной Земли, что, возможно, в особенности влекло к нему Фицроя — капитан видел в нем одного из людей, ради которых он и предпринял свою филантропическую затею. И вот теперь этот человек был зверски убит. Фицрой не мог без волнения писать о том, что они застали:

«В двухстах ярдах от дома бедного Брисбейна я, к своему ужасу, увидел его ногу, торчащую из земли. Могила была настолько мелкая, что собаки потревожили его бренные останки. Какая ужасная судьба постигла честного, трудолюбивого и верного человека, который не ведал страха и презирал трудности! Мерзавцы убили его, потому что он защищал имущество своего друга; в дьявольской злобе они притащили его сюда на лассо от дверей родного дома и, избрубив на куски, бросили на поживу псам».

До отплытия «Бигля» была сделана еще одна печальная находка — тело лейтенанта с корабля «Челленджер», утонувшего во время стоянки «Челленджера» на островах. Его похоронили рядом с Хеллером. «После полудня в тот

же самый день мы расстались с Фолклендскими островами, еще более подавленные горестными мыслями и воспоминаниями, связанными с их именем», — писал Фицрой.

Порадовало его лишь одно: лейтенант Викем, с которым состоялась здесь заранее условленная встреча, сообщил, что шхуна «Адвенчер» успешно проделала очень большую работу.

Однако Фицрою было недостаточно этих хороших известий; человеку свойственно вознаграждать себя за неприятные события приятными, доставляющими радость. Поэтому, вернувшись к побережью Патагонии, Фицрой решил осуществить давно задуманную экспедицию. За несколько недель до того «Бигль» ударился о подводную скалу и распорол верхний слой медной обшивки днища. Люди пережили несколько очень тревожных минут. Саливан, вызвавшийся осмотреть повреждение под водой, вскоре выплыл, исцарапанный до крови рваными краями пробоины. Фицрой никогда не приказывал подчиненным делать то, чего не мог сделать сам, поэтому он тут же нырнул в воду. Пробоина оказалась небольшая, и с заплатой можно было подождать, пока не выдастся подходящее для этого время. Теперь, решил он, это время подошло. А пока судно ремонтируют, он отправится вверх по реке Сант-Крус, в устье которой была стояпка. Реку эту никогда не исследовали, хотя предполагалось, что она течет от самых Анд, а возможно, и от побережья Тихого океана. Проследить ее русло, а тем более пайти исток, было делом важным. Дарвин, уставший от однообразного пейзажа — долин и холмов Патагонии и Фолклендских островов, все с большим нетерпением мечтал увидеть Анды, этот огромный зубчатый позвоночник континента, и был очень доволен, что ему наконец представляется возможность сделать это. Его, конечно, включили в число участников экспедиции.

Восемнадцатого апреля 1834 года экспедиция, состоявшая из двадцати пяти хорошо вооруженных человек, тронулась в путь на трех баркасах, взяв трехнедельный запас провизии. В первый день, воспользовавшись приливом и попутным ветром, они прошли довольно большой отрезок пути. Но это было в первый и последний раз. Река широкой триста-четырееста ярдов, молочно-голубая, с галечным дном, петляла по долипе, то сужавшейся до пяти миль, то

расширившейся до десяти. У нее было быстрое течение, не менее шести узлов, и идти против него они не могли ни на парусах, ни на веслах. Оставалось одно — тянуть шлюпки с берега бечевой. Капитан разделил людей на две группы, и все без исключения по очереди тянули бечеву по полтора часа. Так продолжалось до захода солнца, затем оставались на ночлег. Постепенно все приобрели такую споровку, что за полчаса лагерь бывал готов: кок каждой группы разводил огонь и варил ужин, а все остальные собирали топливо. На ночь выставлялся дозор из двух матросов во главе с офицером.

По правде говоря, экспедиция оказалась и трудной и скучной. Из-за того что река все время петляла, путешественники очень медленно продвигались вперед, всего на несколько миль в день. Широкая долина была похожа на покрытое галькой морское дно — мрачный желто-коричневый ландшафт, — где росли лишь кусты терна, преграждавшие путь, и почти не видно было животных, хотя изредка попадались следы индейцев-охотников. «Эта страна проклята. Она осуждена на бесплодие!» — писал Дарвин, и Фицрой вторил ему. Дарвин был разочарован. Правда, ему посчастливилось подстрелить кондора (размах его крыльев достигал восьми футов), иногда удавалось поймать рыбу. По ночам путешественники очень мерзли, а на пятой стоянке кто-то забыл соль и лопату, которой сгребали к краям палатки гальку, чтобы уберечься от ветра.

Как ни медленно продвигалась экспедиция, местность постепенно менялась, становилась еще более унылой. Теперь путь проходил по узкой ложине, с обеих сторон поднимались черные базальтовые скалы, иногда огромная глыба почти преграждала им путь. Они нашли несколько скелетов гуанако, видели следы пум (кугуаров), или, как называли их гуачо, горных львов. Впереди неподвижно стояло большое облако; одни считали его просто облаком, другие — снежными вершинами Кордильер. На десятый день они чуть не лишились шлюпки, однако ее удалось вытащить на берег и починить, так что можно было двигаться дальше. Поскольку Дарвин был метким стрелком, ему редко приходилось тянуть бечеву, чаще он выступал в роли разведчика и фуражира, и Фицрой, прокладывая трудный путь, смотрел, с каким удовольствием Дарвин и лейтенант Стокс госяются за гуанако, чтобы добыть на обед мяса. Успехи охотников увенчивались бы большим

успехом, будь поблизости меньше кондоров. Часто, подойдя к убитому гуанако, они находили лишь обглоданный скелет.

На пятнадцатый день долина расширилась, и впервые стали видны зубчатые очертания гор. Это были Анды. Но за целый день пути они, казалось, не стали ни на шаг ближе, а река, почти не сузившись, неслась теперь еще быстрее. К тому времени пришлось урезать рацион: «Полезно для пищеварения, — отмечает Дарвин, — но не очень-то приятно». К вечеру все начинали говорить о еде. Фицрой решил еще один, последний, день идти на запад, но идти пешком, напрямик. Конечно, и Фицрой, и Дарвин были в числе тех, кто пошел вперед.

Они провели все наблюдения и измерения с помощью приборов, подсчитали, что не дошли двадцати миль до подножия гор и шестидесяти до Тихого океана, и с сожалением повернули назад. Обратный путь по реке был рискованный и часто опасный, но вместо шестнадцати дней на него ушло всего три. Большинству участников экспедиция не принесла удовлетворения. «Тяжелый труд, потерянное время и почти ничего взамен», — писал Дарвин.

Однако несмотря на эти слова, он был вполне доволен. Если неоднократное плавание «Бигля» между материком и Фолклендскими островами дало ему удобный случай поломать голову над распространением животных видов, то эта экспедиция позволила ему увидеть разные геологические формации и подумать над тем, что он видел. Фицрой также сделал много наблюдений и собрал достаточно материала, чтобы по приезде домой доложить об этой экспедиции в Королевском географическом обществе.

Из отдельных фраз в записях Фицроя и Дарвина явствует, что они по-прежнему обсуждали все события экспедиции и обменивались взглядами. Фантастическая, бесплодная, усталая галькой долина, видимо, бывшая когда-то морским дном, возбудила их любопытство, и в их оценке видно известное сходство. «Сколь продолжительным должен был быть период времени, — писал Фицрой, — и сколь грандиозной работа вод, чтобы образовать эти залежи гальки, похороненной теперь в пустынях Патагонии». Дарвин в том же духе рассуждает об эрозии «в течение тысячелетий». Однако на этом и кончается сходство. Дарвин с насмешкой отвергает объяснение, которое дали бы этому явлению «старомодные» геологи, а именно —

стихийный разлив вод, или (пользуясь их любимым словечком) геологическая катастрофа, а не медленное и неуклонное эволюционное изменение, как считал он. Фицрой же не только полностью согласен со сторонниками теории катастроф и причиной того, что видел в долине реки Санта-Крус, полагает библейский потоп, но и сожалеет, что во время плавания не обладал еще достаточными знаниями и сведениями, чтобы опровергнуть мнение своего друга, будто изменения земной поверхности вызваны чем-то иным.

В опубликованных отчетах Фицроя и Дарвина о плавании «Бигля» не так уж много расхождений. Да это и понятно, ведь они писали, договорившись заранее, о разных его сторонах. Тем внимательнее следует отнестись к тем разногласиям, которые там есть. В их беседах (копечно, если Дарвину вообще удавалось склонить Фицроя нарушить хмурое молчание), вероятно, все чаще случались недомолвки — все больше укреплялось сознание, что эти недомолвки неизбежны.

Когда шлюпки вышли вновь в устье Санта-Крус, измученные и угавшие духом члены экспедиции увидели приятное зрелище — их приветствовал «Бигль», по словам Дарвина: «Мачты в небо, свежавыкрашенный и сверкающий, как фрегат». Имея вспомогательную шхуну, Фицрой мог приступить к осуществлению плана, за который ему уже пришлось довольно дорого заплатить, — быстро и хорошо закончить съемку южноамериканских берегов, а затем выходить в Тихий океан.

Тяжелая наследственность

Должно быть, экипажу «Бигля» стало постепенно казаться, что съемка берегов Южной Америки никогда не кончится, если капитан Фицрой будет проводить ее с такой доскональностью. Даже в октябре 1834 года, через четыре месяца после перехода на западное побережье, Дарвин в письме домой благодарит небо за то, что капитан обещает быть в Австралии через *два года*. Он выражает опасение, что их, возможно, ждет еще один заход на Огненную Землю, хотя команде об этом не говорят, чтобы она не сбежала. — странно и страшно видеть такое слово в

связи с «Биглем». В действительности корабль пришел в Австралию через пятнадцать месяцев после отправки письма и не заходил больше на Огненную Землю, так как оказалось, что планы Фицроя сорваны.

Здесь мы должны вернуться к вопросу о вспомогательных шхунах. Как вы помните, Фицрой нанял две маленькие шхуны, «тендеры», как он их называл, у мистера Харриса, которого встретил в Баия-Бланке в сентябре 1832 года, а через полгода, в марте 1833 года, купил у мистера Лоу на Фолклендских островах шхуну большего водоизмещения, переименованную им в «Адвенчер».

Начнем с первого — найма двух тендеров. Торопясь продолжать исследования и не желая терять времени в ожидании, пока придет разрешение адмиралтейства, Фицрой сперва заключил сделку, а уж потом сообщил о ней. Вот что он писал:

«Обнаружив, что Баия-Бланка может стать превосходным портом, и получив сведения, что между Баия-Бланка и устьем реки Рио-Негро есть еще одна хорошая гавань, я нанял в помощь «Биглю» две зверобойные шхуны, чтобы успешнее произвести съемку.

Помимо капитанов и команды этих шхун на них находятся старший лейтенант «Бигля» И. С. Викем, помощник геодезиста (Стокс), два мичмана, два матроса, два солдата морской пехоты.

Я послал главному гидрографу подробный отчет о найме шхун, а также копии контракта и все необходимые документы. Я надеюсь, что лорды адмиралтейства одобрят мои действия, но, если даже я ошибаюсь, из них не проистечет ничего дурного, поскольку контракт с владельцем шхун заключен лично мной, а я в состоянии заплатить, и охотно заплачу обусловленную сумму».

Ответом на это письмо была жирная синяя черта под словами «в состоянии заплатить, и охотно заплачу», проведенная тем чиновником адмиралтейства, в чью обязанность входило вести корреспонденцию с Фицроем, и приказ главному гидрографу представить отчет об этом деле на «очередную коллегию». Отчет капитана Бофорта был объективным и достаточно дипломатичным:

«В данном капитану Фицрою „Предписании о проведении плавания“ и инструкциях по гидрографической съемке ничего не сказано о том, что ему дается право нанимать какое бы то ни было судно и экипаж.

С другой стороны, нет оснований сомневаться, что с помощью малых судов он сможет лучше и быстрее провести съемку огромных участков побережья, на которых, по-видимому, много неизвестных нам удобных гаваней, в особенности если он считает необходимым нанести на карту большую реку, по полученным им сведениям, берущую начало чуть ли не у противоположного побережья континента и судоходную на всем протяжении.

Нужно также довести до сведения лордов адмиралтейства, что „Бигль“ — единственный гидрографический корабль, которому не придано вспомогательное судно меньшего водоизмещения или тендер».

Казалось бы, последняя фраза отчета должна была склонить чашу весов в пользу Фицроя. Ничуть не бывало. Угол прошения Фицроя перечеркнут резолюцией коллегии: «Лорды адмиралтейства не одобряют найма частных судов для несения государственной службы и требуют расторжения контракта, как только появится возможность».

Фицрой не расторг контракт, как только появилась возможность, вернее, его понятие о том, когда это стало возможно, сильно отличалось от того, что имело в виду адмиралтейство. Расстался он с ними лишь девятнадцатого августа того же года, выплатив из своего кармана тысячу шестьсот восемьдесят фунтов стерлингов.

Мы не знаем сейчас точной даты, когда капитан Фицрой получил отказ адмиралтейства. Но депеши из Англии обычно шли шесть недель, следовательно, он должен был получить его не позже апреля 1833 года. К тому времени он уже успел купить «Адвенчер», вновь выложив из своего кармана изрядную сумму. Независимо от того, до или после получения ответа купил он «Адвенчер» и дополнительное снаряжение, вполне вероятно, что Фицрой даже не пытался просить адмиралтейство о финансовой поддержке. В архивах не осталось следов подобной переписки. Скорее всего, самолюбие Фицроя, не менее чем его здравый смысл, помешало ему писать в Лондон. Не желая расставаться со шхунной, капитан упрямо продолжал покрывать все издержки.

Судя по письмам, Дарвин был очень встревожен создавшимся положением вещей. В ноябре 1833 года, вскоре после того как, к удовлетворению капитана, «Адвенчер» заново оснастили и днище его обшили медью, Дарвин писал домой. Признаваясь, что его беспокоят собствен-

ные слишком большие расходы, он сетует, что Фицрой не испытывает подобных чувств по поводу своих трат. «Он наносит колоссальный урон своему состоянию ради того, чтобы выполнить все поставленные перед нами задачи.

Шхуна («Адвенчер») — главный залог нашей безопасности, но он целиком платит за нее собственными деньгами.» Здесь Дарвин ненароком выдает вторую причину, по которой Фицрой приобрел вспомогательное судно, — сам капитан, должно быть из гордости, не упоминает о ней в письме в адмиралтейство: Фицрой считал, что два корабля будут взаимно поддерживать друг друга и это обеспечит им большую безопасность. Все мореплаватели, от Христофора Колумба до Кука, старались, по возможности, идти в далекое плавание на нескольких судах.

Фицрой очень гордился вспомогательной шхуной — детищем своей мечты. Мы можем об этом судить хотя бы по следующему примеру. После того как в устье реки Санта-Крус на «Бигле» залатали пробоину и заново его покрасили, оба корабля покинули наконец восточное побережье и направились через Магелланов пролив на запад, к Тихому океану, ради чего Фицрой главным образом и приобрел «Адвенчер». Они подошли к выходу из пролива по новому и непроверенному протоку, и Фицрой уступил шхуне единственную удобную якорную стоянку, а «Бигль» всю долгую темную ночь ходил взад-вперед в открытом море. Утром, когда настал, наконец, рассвет, «мы увидели, как шхуна выходит из бухточки, где она стояла на якоре, и направляется к нам. Подняв паруса, мы пошли рядом мимо горы Скайринг и Фурий с той быстротой, с какой только могли». А на закате, оставив позади землю, оба судна «на всех парусах» уже неслись по водам Тихого океана. Прекрасное зрелище, которое Фицрой помнил до конца своих дней.

Им еще предстояло провести съемку на западном, тихоокеанском побережье, которое довело предшественника Фицроя, Стокса, до самоубийства. Можно представить себе, сколь унылы были берега Огненной Земли, если все единодушно восприняли эти новые места как приятную перемену.

«Все идет хорошо. Мы дружно скачем вперед, — нутливо писал Дарвин сестре, — никто не ссорится, что немаловажно. Капитан поддерживает порядок, никого не обходя своим вниманием.»

Однако, когда они подошли к Вальпараисо, дела обстояли вовсе не так хорошо. Капитан, занятый вычерчиванием карт и составлением отчетов о работе кораблей за последнее время, был вынужден сидеть в каюте. Кто-то должен был отправиться в Сантьяго (по слухам — веселый городок) с официальным визитом чилийскому правительству. Фицрой отказался от этого удовольствия и послал туда лейтенанта Викема. У него осталось больше времени для работы... и для тревожных раздумий об издержках на «Адвенчер».

Фицрой все время отрывали от дела. Вероятно, именно тогда произошла вторая ссора между Фицроем и Дарвином, о которой рассказывается в Автобиографии и о которой мы упоминали в начале предыдущей главы. Ссора была затеяна измученным человеком, прекрасно сознававшим, что «положение обязывает», и решившим, чего бы это ни стоило, выполнить свои обязательства, но дошедшим до крайней степени раздражения. Гостеприимные чилийцы, чаще всего вопреки его желанию, приглашали его на обеды и всевозможные увеселения, и Фицрой как-то горько пожаловался своему другу, что придется отплатить радушием за радушие и устроить на корабле прием. Дарвин успокоительно заметил, что не видит в том особой нужды. Фицрой сказал, что это на него похоже — он как раз из тех людей, которые принимают чужие услуги как должное, но и не думают отвечать на них. На этот раз Дарвин сам покинул каюту. Ни в чем неповинному Викему пришлось целый вечер выслушивать жалобы капитана на «профессора», а затем Фицрой, как и прежде, великодушно попросил прощения. Вскоре после этой ссоры Дарвин отправился на берег в одну из своих «сухопутных» экспедиций и вернулся больным — он объяснял это тем, что выпил молодого вина. Капитан отложил выход «Бигля» до его поправки и, следовательно, получил лишнее время для тревог и тяжелых раздумий.

Наконец в октябре 1834 года, через полтора года после того, как Фицрой приобрел шхуну, он пришел к заключению, что не сможет больше нести издержки, которых требовал «Адвенчер».

«К этому времени мои мечты рассеялись, меня терзало жестокое разочарование, сожаление до сих пор живо в моей душе. Я понял, что не смогу дольше сохранять «Адвенчер». Это оказалось мне не по средствам, даже довело

до финансовых затруднений, а лорды адмиралтейства не считают нужным оказать поддержку. Я увидел, что столь долго лелеемым мной надеждам досконально исследовать все группы островов Тихого океана, не говоря уж о подробной гидрографической съемке чилийского и перуанского побережий, не суждено осуществиться.

...После тяжелой внутренней борьбы я решил расстаться с „Адвенчером“, сразу же уволил команду, забрал офицеров обратно на «Бигль» и продал шхуну.»

Продал весьма неудачно из-за того, что был, по его же словам, «в подавленном и апатичном состоянии»; он потерял триста фунтов по сравнению с суммой, которую заплатил за шхуну, не считая денег на ремонт, снаряжение и припасы, потраченных на Фолклендских островах.

Фицрой прекрасно понимал, что этот шаг отразится не только на нем одном. Для многих это было тяжелым ударом. «Мы теперь снова, — писал Дарвин домой, — в том же составе, в каком отплывали из Англии: Викем старший лейтенант, но это-то еще не так плохо. Нам станет очень тесно, и я не представляю, куда мне сложить коллекции. Для нашего мирка все это весьма прискорбно со многих точек зрения».

И положение вещей становилось с каждым днем хуже. Восьмого ноября, меньше чем через месяц, Дарвин вновь пишет домой:

«Последние два месяца капитан Фицрой работал сверх сил, причем ему все время мешали. Продажа шхуны и сопряженные с этим неприятности, холодность адмиралтейства (исключительно из-за того, что он тори) и тысяча других досадных мелочей привели к тяжелой нервной депрессии — он исхудал и занемог, потерял присущую ему решительность и твердость духа. Капитан боится за свой рассудок (он прекрасно осознает, что у него тяжелая наследственность). Какие бы резоны ни приводил корабельный фельдшер мистер Байноу, доказывая, что все является результатом физического переутомления, на Фицроя это не производит впечатления.

Он снял с себя полномочия капитана и назначил начальником экспедиции лейтенанта Викама».

Говоря о тяжелой наследственности, Дарвин, очевидно, имел в виду дядю Фицроя по материнской линии, лорда Каслри, за несколько лет до того покончившего самоубийством. Зная, что у него самого в семье не все психически

уравновешены, Дарвин был искрен в своем сочувствии. Насколько он прав, приписывая холодное отношение адмиралтейства тому, что Фицрой консерватор, трудно сказать. Но Фицрой действительно вышел из семьи, издавна принадлежавшей к партии тори, а к власти в то время, после долгого, и казалось безнадежного, перерыва, вновь пришли виги.

Это драматическое событие — отказ Фицроя от командования — было, естественно, тяжелейшим ударом для личного состава «Бигля». Казавшееся невероятным произошло, и надо было следовать инструкции, предписывающей в подобном случае идти в Англию. Что касается Дарвина, его эта перспектива привела в ужас, хотя до того он не мог дожидаться, когда они вернутся домой.

Однако благодаря здравому смыслу и привязанности Викама к своему капитану вскоре произошел перелом. Дарвин пишет:

«Одним из главных источников его (капитана) раздражения была невозможность выполнить все пункты Инструкции, данной адмиралтейством. В том состоянии, в каком он находился, он и не вспомнил, что в Инструкции сказано: оставаться на западном побережье Америки *до последней возможности*, а затем возвращаться через Тихий океан. Викам (несмотря на то, что лишился тем самым повышения в должности) всячески доказывал это капитану, утверждая, что если ему (Викаму) все же придется сменить Фицроя, он ни за что не пойдет обратно мимо Огненной Земли и мыса Горп. Так чего же, спрашивал он, тот добьется своей добровольной отставкой? Почему не выполнить этот пункт Инструкции и не вернуться через Тихий океан? Наконец, ко всеобщей радости, капитан согласился с его доводами и перестал говорить об уходе... Я уверен, что стоит нам очутиться в море, капитан снова войдет в форму. Уже и сейчас к нему вернулся его бесстрастный, непреклонный тон, который он совсем было утратил».

В чем состоит их долг

Положение вещей исправлялось медленно, но верно. Прошло три месяца, и Фицрой вновь работал с прежней энергией и увлечением.

Все лето и осень велась съемка в районе острова Чилоэ. Стояла сырая ветреная погода, работать приходилось в трудных, изнурительных условиях. Рождество, по определению Фицроя, было унылым; однако молодой Саливан, которому Фицрой поручил руководить съемкой с баркаса, был так же счастлив, борясь с трудностями, как сам Фицрой во время плавания по заливам Скайринга и Отуэя за пять с половиной лет до того. После крушения его честолюбивых надежд лишь одно утешало Фицроя — ему удалось заручиться услугами хорошего штурмана. Это был не кто иной, как бывший владелец «Адвенчера», «неугомонный и предприимчивый» зверобой, капитан Лоу. Когда мистер Лоу вернулся с промысла и рассказал, как его разношерстная, наспех нанятая команда прикончила раньше срока все запасы провианта, чтобы побыстрее очутиться в порту, а он, несмотря на это, продолжал плавание, посадив матросов на рацион из рыбы, моллюсков и водорослей, капитан Фицрой с одобрением заметил: этот человек настолько привык к лишениям, что его очень трудно сбить с намеченного пути.

В этих местах случай помог Фицрою совершить филантропический поступок, что, без сомнения, доставило ему удовольствие. Как-то вечером, войдя в небольшой заливчик, чтобы стать на якорь, капитан увидел на берегу пятерых человек самого дикого вида, которые, как безумные, размахивали руками, стараясь привлечь к себе внимание. Их взяли на «Бигль», и они рассказали, что больше года назад сбежали с американского китобойного судна и не смогли добраться до цивилизованных мест. Фицрой отмечает, что, несмотря на худобу, они выглядели крепкими и здоровыми. Воспользовавшись их хорошим знакомством с заливом, Фицрой не стал производить в нем съемку. Вдоль побережья шли малонаселенные места, обитатели которых были уверены, что Фицрой занимается контрабандой — заблуждение, весьма забавлявшее Дарвина. «Человек, — писал он в дневнике, — способный принять капитана Фицроя за контрабандиста, вряд ли отличит лорда Честерфильда от его лакея».

В феврале «Бигль», к радости всех находившихся на борту, покинул наконец этот дождливый район и двинулся на север, в Вальдивию, а затем в Консепсьон и Вальпараисо. Прибыв в маленький, но вполне цивилизованный порт Вальдивия, они очутились в совершенно новом для себя

мирке, больше всего похожем на опереточный. Мэр Вальдивии явился на борт «Бигля» с целой плюпкой «очаровательных сеньорит»..., которым лишь плохая погода помешала провести ночь на борту. Саливан весело пишет домой о приеме на «Бигле», когда «все взрослые дети развлекались, глядя, как маленькие дети играют на палубе в прятки и прочие игры». Вот как изменился капитан!

И тут разразилось землетрясение — веселье и беспечность должны были уступить место решительным действиям по спасению пострадавших и научным исследованиям.

Эпицентр землетрясения был далеко: Дарвину, находившемуся на берегу, показалось, будто земля уходит у него из-под ног, Фицрой же, бывшему на борту «Бигля», — что корабль несется вперед, хотя он стоял на якоре. Вальдивия, в которой преобладали деревянные дома, почти не пострадала, и «Бигль», согласно рабочему плану, двинулся на север, к острову Мбча. С трудом став на якорь, они почувствовали сильные подземные толчки и узнали, что эпицентр землетрясения дальше на севере, что Консепсьон почти совсем разрушен, а портовые сооружения в его гавани Талькауано снесены приливной волной. Фицрой поспешил туда, чтобы предложить, если понадобится, свою помощь.

Однако худшее осталось позади; все, чем удалось помочь, — одолжить английскому консулу свои палатки. Затем Фицрой и Дарвин занялись сбором фактов и сведений, касающихся землетрясения. Городок Консепсьон лежал в руинах, в порту Талькауано царил хаос, на воде качались десятки покинутых командой судов. Наши друзья были в ужасе от этого зрелища, но интерес, который оно вызывало с научной точки зрения, оказался, к их стыду, сильнее, чем жалость. Они выяснили, что в результате землетрясения поднялись три огромные приливные волны, и вот это возмущение на море в первую очередь заинтересовало Фицроя как моряка. Он предположил, что резко изменился уровень морского дна, и, взяв на помощь смышленного парнишку-немца, хорошо знавшего местность, стал измерять глубины вокруг островов и вдоль побережья, чтобы подтвердить свою гипотезу.

Эта гипотеза, а в особенности ее развитие в применении к местным течениям, сослужила ему вскоре практическую службу и помогла спасти человека.

В это самое время у восточных берегов Южной Америки крейсировал трехмачтовый военный корабль «Челленджер», большего водоизмещения, чем «Бигль», тот самый, что посетил Фолклендские острова в 1833 году. Его капитан Майкл Сеймур, близкий друг и ровесник Фицроя, даже не подозревал о землетрясении.

В мае «Челленджер» обогнул мыс Горн, вышел к западному побережью и направился на север к острову Моча, к Консепсьону и прочим местам, пострадавшим от землетрясения. В том же месяце «Бигль», проведя гидрографическую съемку в районе Кокимбо, возвращался в Вальпараисо, чтобы запастись провиантом для долгожданного перехода через Тихий океан. Фицрой узнал, что ему присвоили звание капитана 2 ранга, и был в превосходном настроении.

Вечером девятнадцатого мая подул сильный северо-западный ветер, хлынул дождь, поднялся густой туман и капитан Сеймур велел для проформы измерить глубину, хотя, по навигационному счислению, корабль находился в пятидесяти милях от берега. Лот показал сто десять сажень. Корабль взял курс на залив Консепсьон. К восьми часам вечера совсем стемнело, и капитан решил было направить корабль на юго-запад, пока не рассветет, по штурману, к советам которого он обычно прислушивался, его отговорил. Однако капитан остался на палубе.

Примерно через час, едва он сошел вниз, раздалась команда вахтенного офицера: «Руль на борт». Выбежав на палубу, Сеймур увидел невдалеке буруны. Через минуту корабль паскочил на риф.

«Челленджер» не сразу пошел ко дну, но волны все дальше закидывали его на скалы. Было сделано все, что можно, на корабле царил строгая дисциплина. Когда наконец взошла луна, попытались перебросить на берег трос; эта попытка стоила жизни двум людям, зато остальные перебрались благополучно и... принялись ждать рассвета.

«Челленджер» потерпел кораблекрушение на суровом, негостеприимном берегу. Однако уже рано утром на помощь морякам пришли местные индейцы; они снабдили их продовольствием и дали лошадей, чтобы перевезти с корабля все имущество и припасы. Как ни был Сеймур им благодарен, он невольно держался настороже, памятуя о вероломстве и плохой репутации индейцев западного по-

бережья. Понимая, что корабль скоро пойдет ко дну, он отправил двух офицеров в Консепсьон за помощью и приказал команде снять с судна все, что на нем еще оставалось.

Офицерам предстояло пройти около шестидесяти пяти миль по прямой. В Консепсьоне они должны были заручиться содействием английского консула и попытаться нанять спасательное судно, а затем проследить, чтобы командиру английской морской базы в Вальпараисо была отослана депеша с просьбой организовать спасательную экспедицию.

Невольно возникает чувство, что эти офицеры, так же как их командир, при всем их личном мужестве и стойкости, слишком считались с инструкциями (и кошельком адмиралтейства — в чем никто не упрекнет Фипроя). Добившись от консула обещания оказать практическую и эффективную помощь и отослав депешу в Вальпараисо, офицеры направились в порт, чтобы нанять спасательное судно. Но когда владелец шхуны запросил слишком большую, по их мнению, сумму, они отказались от его услуг.

А капитан Сеймур, оставшийся на месте трагического происшествия, требовал, чтобы все движимое имущество, включая боеприпасы и даже легкие пушки, сняли с корабля и переправили на берег, хотя это очень тяжело было сделать. К счастью, ему пока удавалось поддерживать дисциплину, и приказ выполнили без возражений.

Положение Сеймура было незавидным. Его ждал военный трибунал, когда (или если) он вернется домой, но пока что это волновало его меньше всего. «Челленджер» выбросило на берег, не защищенный от высоких океанских волн, и было сомнительно, что какой-нибудь капитан отважится рисковать своим судном, чтобы вызволить их. Местные индейцы по-прежнему относились к ним дружелюбно, но до Сеймура стали доходить слухи, что туда идет другое, более дикое и кровожадное племя. Он начал искать для лагеря место получше: такое, где у них будет больше шансов спастись морем и меньше — подвергнуться нападению индейцев. Он нашел то, что искал, в десяти милях к северу от того места, где они потерпели крушение, на склоне холма у реки под названием Льюбу.

Все имущество, кроме самых тяжелых пушек, перенесли на новое место и вновь стали ждать. Прошло две недели с момента катастрофы, безделье вело к педовольству. Было

несколько случаев воровства, за которым последовали горячая речь капитана и две публичные порки. Кое-кто из команды считал, что надо было сразу добираться до Копсепсона по суше. Но, помимо того, что их ждали в пути немалые трудности, уйти пешком значило бросить фактически все, что удалось спасти, и капитан Сеймур согласился бы на это лишь в крайнем случае. Шли дни. Начались дожди, увеличилось число заболевших.

В Вальпараисо дело наконец сдвинулось с мертвой точки.

Четырнадцатого июня туда прибыл «Бигль», чтобы запастись провизантом. Шестнадцатого один местный торговец получил через консула конфиденциальное письмо, в котором сообщалось о гибели английского военного корабля. Слухи распространились по всему городу, но официального подтверждения не было.

Фицрой узнал, что незадолго до того в порт прибыл шведский корабль и его капитан рассказывал об «американском бриге», выброшенном на берег вблизи острова Мбча. Он повидался с этим капитаном и ушел от него в полной уверенности, что «американский бриг» — его старый знакомый «Челленджер», у которого сломана одна мачта. Затем Фицрой отправился на «Блонд» («Блондика») к Мейсону, командиру морской базы. Мейсон ничего не слышал о «Челленджере» и не собирался ничего предпринимать до тех пор, пока не получит сведения из официальных источников.

С первым лучом солнца Фицрой был на почте. Если печальное известие, переданное через консула, было верно, в любой момент могло прийти официальное сообщение. Как он и ожидал, вернее сказать, боялся, среди свежей почты находился пакет, адресованный в консульство. Фицрой с первого взгляда увидел, что его послал Сеймур. Он взялся лично отнести его консулу, но двери консульства оказались закрытыми. «Такое безразличие при таком ужасном происшествии», — писал Фицрой. Устояв против искушения самому вскрыть пакет, он нашел наконец кого-то из чиновников консульства, вынул депешу, адресованную Мейсону, и отвез ее на «Блонд».

Благодаря письму Дарвина домой, мы имеем возможность заглянуть за «кулисы» дальнейших событий. «Старый коммодор, — пишет он, — не проявил особого желания кинуться на помощь «Челленджеру»... короче, он просто

боялся вести «Блонд» зимой к скалистому, открытому всем ветрам берегу; так что капитану Фицрою пришлось его припугнуть и наконец предложить свои услуги в качестве штурмана». Фицрой упоминает лишь, что сделал такое предложение и что оно было принято. В официальной переписке, относящейся к этому делу (паученный горьким опытом, Фицрой отправил копии всех писем в адмиралтейство), также нет и намека на натянутые, а тем более плохие отношения между Мейсоном и Фицроем. От капитана Фицроя коммодору Мейсону, капитану «Блонд»: «Я могу покинуть его („Бигль“) на несколько ближайших недель. Я с нетерпением жду возможности предоставить в Ваше распоряжение то небольшое знакомство со здешними водами, которое у меня есть». От коммодора Мейсона капитану Фицрою: «С большой радостью воспользуюсь Вашими весьма ценными для меня услугами».

Фицрой простер свои услуги до того, что не только сам перешел на «Блонд», но захватил с «Бигля» помощника рулевого, а также один вельбот. В три часа утра на следующий день «Блонд» снялась с якоря и взяла курс на Талькауано, порт Консепсьона, до которого было триста пятьдесят миль.

Начальник порта сообщил им, вернее, высказал мнение, что к месту, где разбился «Челленджер», даже в хорошую погоду подойти нельзя. Коммодор Мейсон принял его слова на веру. Правда, ему сказали, что на шлюпках можно войти в устье реки Льюбу. Фицрой вызвался посуше добраться до Сеймура и его команды. Коммодор принял предложение.

Мы не знаем, сколько дней понадобилось двум офицерам с «Челленджера», чтобы добраться до Консепсьона, но, видимо, немало, если письма, которые они посла, попали в Вальпараисо почти через месяц. Возможно, им удалось раздобыть лошадей, а возможно и нет. Фицрой ехал верхом, и весь путь занял у него двое с половиной суток.

Между строк отчета Фицроя об этой поездке видно, что он получил от нее такое же удовольствие, какое испытывал при гидрографических съемках с баркасов во время первого плавания «Бигля». Некоторые участки пути были почти непроходимы, он приехал в лагерь Сеймура с ног до головы заляпанный грязью. Его мучило беспокойство и нетерпе-

ние. Но он ехал со спасательной миссией, для выполнения которой надо было преодолевать трудности и сражаться с опасностями, а ведь только об этом он и мечтал! Удовольствие его усугублялось еще двумя фактами. Первый заключался в том, что в спутники он выбрал молодого немца, помогавшего ему делать промеры морского дна после землетрясения (а в нем Фицрой нашел родственную душу). Второй — в том, что они ехали по прекрасным местам, где обитали храбро, не в пример инкам и ацтекам, боровшиеся с испанскими конквистадорами индейцы арауканы, к которым Фицрой относился с романтическим восхищением.

В первый же день им пришлось задержаться из-за того, что паромщик отказался перевозить их в темноте через Био-Био, приток реки Консепсьон. Утром Фицрой должен был признать, что паромщик поступил благоразумно. Чтобы наверстать упущенное время, Фицрой и его спутники — слуга, молодой немец и местный житель, взятый в проводники, — чуть не загнали лошадей, пока добрались до бедного ранчо, где наконец остановились на отдых. Там они получили скудное угощение и полудохлых кляч на смену их лошадям. Покинув «тощего хозяина фермы, потчевавшего нас жесткой курицей и кислыми яблоками» и оставив проводника, оказавшегося бесполезным, Фицрой и два его спутника вновь пустили лошадей в галоп. Встретившиеся им чилийцы сообщили, что потерпевшие кораблекрушение моряки перенесли лагерь на новое место, к устью реки Льюбу, а также — куда менее приятное известие — что туда с каждым днем стекается все больше враждебно настроенных индейцев.

В городке Арауко их уговорили перепочевать. На следующий день пошел дождь, продвигаться стало труднее. Дорогу то и дело преграждали ущелья и быстрые реки. Фицрой продолжал путь, пока все вокруг не поглотил мрак. То, что начался лес, Фицрой понял, слетев с лошади. Через несколько шагов ему снова пришлось спешиться и по колено в грязи искать тропинку. Затем впереди оказался горный ручей, через который с трудом удалось перевести лошадей. Наконец, подойдя к устью реки Льюбу, все, к несказанному облегчению, увидели на противоположном берегу огня. В лагере слышали их крики и прислали единственную спасенную шляпку. «Когда старые друзья, — писал Фицрой, — встречаются при таких обстоятельствах,

никакие слова не в состоянии выразить их чувства. Мы поспешили в лагерь, где все уже проснулись и выбежали из палаток, чтобы услышать желанную весть о близком спасении. С какой сердечной радостью я сообщил им, что «Блонд» стоит в Талькауано и незамедлительно прибудет сюда им на помощь... На рассвете мы с Сеймуром все еще разговаривали, хотя он и предложил мне свою постель».

Удостоверившись, что людей и имущество можно вывезти, если войти в устье Льюбы на шлюпках, и пообещав как можно скорее вернуться, Фицрой со своими людьми пустился в обратный путь, оказавшийся еще тяжелее. Они чуть даже не заблудились. К счастью, почевка была удачной. Они остановились в ранчо, где хозяйна не было дома, а дочери сперва не решались их пустить. Юноша-немец поймал и убил ягненка, за которого Фицрой щедро заплатил. «Скоро в очаге пылал яркий огонь, и мы устроили такой пир, какого старое ранчо не видело со дня свадьбы своего владельца». Утром Фицрой отправился дальше, покрытый блошиными укусами, оставив в сердцах хозяйских дочерей память о сумасбродном, но красивом английском капитане.

Теперь Фицрою нужно было убедить коммодора — а ведь тот был старше его по званию — как можно быстрее начать действовать.

Вернувшись, Фицрой не без неудовольствия обнаружил, что за время его отсутствия коммодор нанял местное судно, чтобы обследовать побережье, и перевел на него штурмана и рулевого с «Бигля». Это оказалось абсолютно пустой затеей, поскольку судно было настолько плохим, что, несмотря на все усилия моряков, лишь чудом держалось на плаву. От этого судна ранее отказались офицеры Сеймура, видимо, убоявшись не только издержек, о чем упоминает в Отчете Фицрой, но и самого судна.

Для того чтобы за изысканной корректностью Фицрой увидеть его отношение к коммодору Мейсону, нужно вновь обратиться к письмам Дарвина. Дарвин пишет, что единственной темой разговора на «Бигле» является «удивительная ссора» между Мейсоном и Фицроем, насчет которой все высказывают свои догадки и предположения. И добавляет с нескрываемым удовольствием (сохраняя ту же воинственную верность своему капитану, как и три года назад во время инцидента в Аргентине), что Фицрой пригрозил Мейсону за проволочку военным судом и «всем им

на „Блонде“ протер глаза, чтобы они лучше видели, в чем состоит их долг».

Когда именно эта ссора дошла до кульминации — до или после поездки Фицроя к Сеймуру, — нам не ясно. Но так или иначе, коммодор Мейсон согласился вести «Блонд» на помощь Сеймуру.

Однако произошла еще одна непредвиденная и досадная задержка, на этот раз по вине Фицроя: из-за густого тумана он не смог найти устья Льюбу. Только на девятый день после выхода в море они увидели лагерь Сеймура. Оставив «Блонд» на безопасном расстоянии, Фицрой отправился на берег в шлюпке. В лагере был относительно порядок, но увеличилось число больных. Взяв с собой одного из офицеров «Челленджера», Фицрой с наступлением темноты вернулся на корабль, и «Блонд» отошла дальше от берега.

Однако, как «невинно» пишет Фицрой в Отчете (всерьез или издеваясь, трудно сказать): «По счастливой случайности, незадолго до полуночи грот-рея оказалась поднятой и к рассвету мы очутились у самого устья реки». Сразу, не задерживаясь, начали перевозить на корабль людей и то, что могли захватить из драгоценных запасов провианта и снаряжения.

Когда все было закончено, переполненная «Блонд» тронулась в обратный путь. Несмотря на удачный исход спасательной операции, атмосфера на борту корабля была далеко не радостная: Сеймура ждал военный трибунал; умер один человек из команды, словно для того чтобы подчеркнуть серьезность заболевания остальных. В Кокимбо удалось найти попутный корабль, который отвез Сеймура и экипаж в Англию. Фицрой же отправился в Кальяо, порт Лимы (Перу), где стоял у стенки «Бигль».

Даже если высокомерие и горячность Фицроя и кажутся нам порой немного забавными, нельзя не признать, что он сослужил командиру и команде «Челленджера» очень большую службу.

Позднее Дарвин приведет отрывок из полученного им в это время письма Фицроя, проливающий яркий свет на его душу. Фицрой находился тогда на берегу, подготавливая последний этап гидрографической съемки в Южной Америке, а Дарвин оставался на борту и, видимо, не мог дожидаться, когда «Бигль» отправится на Галапагосские острова. «Перестаньте ворчать, — приказывал Фицрой, —

мы наверстаем упущенные дни. Мы сделали доброе дело, не омраченное злом, — ergo, я счастлив».

Он чувствовал себя таким счастливым и уверенным, что, закончив приготовления к съемке и поручив их штурману «Бигля», написал и отправил в адмиралтейство новый отчет о том, что сделано и сколько потрачено на вспомогательные шхуны, и вторичную просьбу о субсидии.

Как выяснилось три месяца спустя на заседании военного трибунала, состоявшегося в Портсмуте на борту «Виктории», помощь Фицроя Сеймуру не ограничилась тем, что он спас его самого и всю команду «Челленджера».

Фицрой дал своему другу письмо, в котором привел полученные им данные относительно изменения океанических течений в результате землетрясения и высказал мысль, что именно этот факт послужил причиной непостижимой ошибки при определении расстояния от корабля до берега.

Сеймур использовал это письмо, подчеркнув, что, придя с восточного побережья, он ничего не знал о землетрясении. В результате он был полностью реабилитирован. Мало того, что с него сняли вину за потерю брига, к решению суда была сделана следующая приписка:

«Суд считает своим долгом, закончив слушание дела, выразить свое высокое мнение о поступках и действиях командира Майкла Сеймура, его офицеров и матросов как во время крушения, так и в течение семи недель, проведенных на диком и негостеприимном берегу, и подчеркнуть пользу и преимущество строгой дисциплины, благодаря которой британский флот пользуется доверием своей страны и благодаря которой в данном случае, как и во многих других, удалось сохранить команду, за печальным исключением двух человек, и обеспечить ее возвращение на родину».

Сеймур, несомненно, был рад услышать это, даже если тут и была небольшая ошибка (умерло три, а не два человека). Ему дали под команду другое судно. Что касается помощи Фицроя упрямому капитану Сеймуру, то об этом на заседаниях военного трибунала ни разу не упоминалось. Но ведь это непосредственно и не касалось дела.

Когда пришел ответ адмиралтейства на просьбу Фицроя, вряд ли он чересчур удивился его содержанию:

«Сообщ. кап. Фицрою, что лорды адмиралтейства не одобряют предпринятых им шагов, особенно учитывая те приказания по этому поводу, которые он получил раньше».

Там, где сокрыто твое сокровище.

С того момента как «Бигль» покинул Южную Америку, атмосфера на его борту резко изменилась. Наконец-то он вышел в огромный и романтический Тихий океан, о чем мечтали все, кто был на корабле. Теперь у них появился досуг, они могли менее напряженно работать и больше наблюдать. Капитан был по-прежнему очень занят, хотя обязанности его во многом стали иными.

Но когда мореплаватели прибыли в Сидней, и Тихий океан с его экзотическими островами остался позади, всеми овладело одно всепоглощающее желание: вернуться домой. Послушный долгу летописца Дарвин, правда, пишет в дневнике о Тасмании и Кокосовых островах, об острове Маврикии, мысе Доброй Надежды, острове Святой Елены и Азорских островах, но весьма коротко; Фицрой же вообще ничего о них не говорит. Из тринадцати месяцев, прошедших с тех пор как «Бигль» покинул Южную Америку до того дня как он бросил якорь в Англии, только первые три представляли для Фицроя настоящий интерес.

Если Дарвина в первую очередь занимали Галапагосские острова, то Фицрой, без сомнения, нашел Таити и Новую Зеландию куда для себя привлекательнее. И в том и в другом месте «Бигль» пробыл всего по десять дней. Но это были очень насыщенные дни, частично из-за тех обязанностей, которые Фицрою диктовала служба, частично из-за тех, которые он сам на себя возложил, следуя влечению сердца.

Галапагосские острова интересовали Фицроя лишь постольку, поскольку он должен был проводить там гидрографическую съемку, что оказалось довольно трудным. «Сегодня, снимаясь с якоря у острова Чатем, мы два раза были на волосок от гибели: не успели мы поднять якорь и поставить паруса, как встречный ветер погнал нас прямо на рифы». Однако мы находим у Фицроя и кое-какие записи, свидетельствующие о его наблюдениях за природой,

хотя, может быть, тут не обошлось без влияния натуралиста: «У всех птиц, живущих на этом покрытом лавой острове, короткие, широкие у основания клювы, как у снегирей. Это одно из замечательных проявлений Высшей Мудрости: любая божья тварь приспособлена к тому месту на земле, для которого сотворена». Переведите это предложение из пассивного залога в активный, вернее придайте возвратную форму глаголу, и перед вами — один из основных принципов эволюционной теории.

Путь от Галапагосских островов до Таити занял почти месяц, и, судя по заметкам Дарвина в дневнике и тому, что позднее писал Фицрой в Отчете, офицеры «Бигля» потратили немало часов, пополняя чтением свои знания об этих прославленных островах Океании и обсуждая прочитанное.

Прошло две трети века, как в этих краях побывал капитан Кук: промежуток времени достаточно короткий, чтобы память о нем еще была свежа, во всяком случае в сердцах моряков, и достаточно долгий, чтобы за этот срок там могли произойти большие изменения. Здесь, на островах Общества, включая Таити, и в Новой Зеландии, были основаны первые европейские, в частности английские, миссии, здесь раньше, чем в других местах, вступили в соперничество «слово божие» и виски, которое привозили торговцы, здесь — поскольку на многих соседних островах существовал каннибализм — было реальностью то, что в наши дни превратилось в избитую шутку: миссионер в суповом котле. Но были тут и такие острова, которые описывали как земной рай, а их обитателей сравнивали с благородными дикарями Руссо.

Какую картину видят наши мореходы?

Каков результат деятельности миссионеров за последние тридцать—сорок лет? Фицрой, сам сделавший на Огненной Земле попытку цивилизовать туземцев, стоял, без сомнения, на стороне миссионеров. Дарвин, скорее всего, был объективен. Оба они читали «Путешествия» Коцебу.

Эта книга заслуживает некоторого внимания. Коцебу, немец по происхождению, совершивший кругосветное путешествие на корабле русского флота, описал свое плавание, проявив независимость суждений и язвительный ум. В последний раз он был на Таити в 1824 году, на одиннадцать лет раньше Фицроя. В своей книге «Новое путешест-

вие вокруг света» он обрушивается на миссионеров. Коцебу обвиняет их в узости кругозора, в том, что они убили невинную веселость, присущую таитянам, в том, что миссионеры стремятся к власти, не разбираясь в средствах, и даже в том, что они являются причиной кровавых раздоров на островах. Отметив, что самый активный миссионер из всех, кого он встретил в свой последний приезд, был раньше простым матросом, Коцебу пишет: «В России для того, чтобы получить право стать духовным пастырем, необходимо долго и усердно учиться в семинарии и университете. Лондонское миссионерское общество легче удовлетворить. Вчерашний дикарь, в уме которого царит полная неразбериха от догматов веры, преподанных ему необразованным матросом, представляется им вполне подходящим человеком для отправления богослужения».

Невольно возникает впечатление, что эти и еще более резкие замечания были вызваны, хотя бы отчасти, тем приемом, который оказали Коцебу, когда он пытался пополнить на острове запасы провiantа для своего корабля. Когда он в первый раз высадился на остров, его приветствовали шумными, восторженными криками, но утром произошла необъяснимая перемена.

«Горячая дружба, завязавшаяся вчера, по-видимому, уже остыла: о нас просто забыли. Наконец у гребцов лодки, присланной к нам с провизией, мы допытались, чем объясняется эта метаморфоза. Жители Таити отмечали воскресенье; по этому поводу они не покидали своих жилищ и, лежа на брюхе, читали вслух Библию и выли псалмы. Отложив в сторону дела, они посвящали, как они заявили мне, весь день молитве».

По-прежнему кипя негодованием, Коцебу отправился на воскресную службу. Он отмечает, что туземцы, пренебрегая красивой национальной одеждой, стремятся натянуть на себя европейское платье, как бы оно ни было старо и нелепо, как бы ни было мало и велико.

«Многие из них едва могли шевелить руками и были вынуждены держать их растопыренными, как крылья ветряной мельницы; их локти, желая повидать белый свет, с любопытством выглядывали из разодранных по шву рукавов».

Представьте себе подобное общество, вполне довольное и даже гордое своими нарядами, представьте наименее серьезнейшее выражение на всех лицах, еще усугубляющее

комический эффект, и вы поймете, что мне просто невозможно было проникнуться благочестивым чувством в их присутствии».

Но вскоре, говорит Коцебу, у него пропала всякая охота смеяться: ситуация на острове была слишком трагической. Независимо от того, склонны были Фицрой и Дарвин согласиться с Коцебу или нет, у них возникло желание своими глазами увидеть, действительно ли все обстоит так, как безапелляционно утверждал Коцебу.

После недельного пребывания на Таити Дарвин писал в записной книжке: «Хорошие миссионеры... трудно поверить тому, что слышал о них», а в Путевом дневнике поясняет, что имеет в виду Коцебу и некоторые другие авторитеты, и далее говорит: «Одно из впечатлений, вынесенных из чтения, было совершенно неверно: а именно, что таитяне утратили свою былую веселость и пребывают в страхе перед миссионерами».

Мнение Фицроя формировалось медленнее. Он был очень занят. Его уполномочили выполнить щекотливое, хотя и интересное поручение, благодаря которому ему удалось близко познакомиться еще с одним миссионером.

Как ни удивительно, поручение это было дано не кем иным, как коммодором Мейсоном, капитаном «Блонд». Похоже, что у коммодора все-таки создалось хорошее мнение о настойчивом молодом офицере, во всяком случае достаточно хорошее, чтобы доверить ему дело, на которое вряд ли польстился бы кто-нибудь из его подчиненных. В 1831 году на Низменных островах (к востоку от Таити и называемых теперь Туамоту) были вероломно убиты капитан и помощник капитана английского корабля «Труро». Острова эти были подчинены властительнице островов Общества, каковой в то время являлась юная королева по имени Помаре. Неопытную правительницу вынудили подписать соглашение, по которому она обязывалась выплатить англичанам две тысячи восемьсот пятьдесят три доллара. (Добился этого тот самый капитан Сеймур, посетивший Таити на «Челленджере».) Срок выплаты истекал в сентябре 1835 года. Когда после спасения команды «Челленджера» Мейсон и Фицрой наконец расстались, Фицрою было дано письмо к королеве и указание сделать все возможное, чтобы получить деньги.

Лишь на восьмой день пребывания на Таити Фицрой получил аудиенцию у королевы. Прием, оказавшийся довольно необычным, состоялся в «королевском загородном доме» в Папэте, главном порту острова. За ним последовал второй, еще более любопытный.

Фицрой приехал первым на место встречи и видел, как прибыла королева. Зрелище это произвело на него самое печальное впечатление. «Королева, — пишет он, — сидела на планшире вельбота в темном свободном платье без пояса, застегнутом у горла, с непокрытой головой, голыми руками и босая. Когда вельбот пристал к берегу, не было никакой официальной церемонии, трудно было догадаться, что сама королева островов пожаловала к себе домой».

Когда же оказалось, что королева ждет его в одиночестве в одной из комнаток своего коттеджа, к негодованию Фицроя по поводу пренебрежения, выказанного королеве, присоединилось горячее сочувствие. «Я не мог удержаться от жалости, видя, что она ожидает от меня выговора по поводу „Труро“ и сознает свою полную беспомощность». Фицрой вручил ей письмо коммодора, и на следующий день было назначено собрание вождей, на которое пригласили Фицроя. Несмотря на необычность «декораций и костюмов» и даже на то, что переговоры начались при неблагоприятных обстоятельствах, вряд ли кто-либо из представителей империалистической Британии, перед которым стояла задача договориться о чем-либо с людьми иной, более примитивной цивилизации, достигал такого успеха, какого добился Фицрой. Собрание происходило в церкви, большом помещении с некрашенными деревянными стенами, где стояло лишь несколько рядов скамей. Как и накануне, не было не только никакой официальной церемонии, но и, по правде сказать, ни малейшего порядка. Фицрой захватил с «Бигля» всех офицеров, которые не были нужны на корабле, королеву сопровождало несколько вождей и большая группа туземцев рангом ниже. С трудом пробравшись между скамьями, Фицрой поздоровался с королевой и попросил ее избрать переводчика. Когда она назвала мистера Притчарда, одного из миссионеров, Фицрой высказал опасение, как бы священный сан не помешал тому принять участие в столь неприятных спорах, но королева просто не поняла, что он хочет этим сказать. К счастью, мистер Притчард выразил готовность выполнить миссию переводчика, и все обошлось хорошо.

Переговоры прошли вполне организованно, хотя Фицрой и боялся обратного. Вожди показали себя людьми умными, благородными, обладающими здравым смыслом и чувством ответственности. Аристократические манеры Фицроя и его благожелательность расположили к нему вождей, и они слушали его с уважительным вниманием.

Сперва Фицрой напомнил о совершенно конкретном долговом обязательстве, которое взяли на себя таитяне и которое не было выполнено в срок. «Я сказал Помаре, что соглашение это отвечает всем требованиям закона, что его невыполнение нанесет ее репутации и репутации вождей большой урон, а также упомянул о мерах, которые может принять английское правительство для возмещения имущества, отнятого у британских подданных вероломным путем. Я сказал, что зашел на Таити по пути в Англию, где сообщу о ее поступке, и если это вызовет неприятные последствия, пусть винит себя самое».

Последовали горячие дебаты среди вождей, закончившиеся лаконичным ответом: они заплатят. Королева согласна продать запас устричных раковин, что даст примерно половину необходимых денег, а недостающая сумма будет собрана по подписке с жителей Таити. Старший вождь тут же произнес пламенную речь, обращаясь ко всем присутствующим в церкви с просьбой о пожертвованиях.

На это Фицрой не мог пойти и тут же стал приводить доводы против. Вряд ли справедливо, говорил он, чтобы таитяне выплачивали долг жителей других островов. На это вождь с достоинством ответил ему: «Честь нашей королевы — наша честь. Мы разделим ее трудности. Ее друзья предпочитают помочь ей расплатиться с вашей страной, чем слушать, как ее осуждают. Мы твердо решили сделать все возможное, чтобы собрать деньги до отплытия вашего корабля».

Этот прямой и благородный ответ пришелся по сердцу Фицрою, и при расставании он пригласил королеву и вождей на «Бигль». При всем том Фицрой счел нужным прочитать королеве мораль. Королева, в свое время помиловавшая убийц с Туамоту, опасалась, как бы следующее английское военное судно не потребовало выдать преступников. Фицрой заверил ее, что Англия, хотя и не может одобрить ее поступок, отнесется с уважением к праву королевы принимать собственные решения. Однако он хочет дружески предостеречь королеву от советов, которые

ей дают некоторые ее молодые и легкомысленные подданные и подозрительные иностранцы, и надеется, что она будет в дальнейшем советоваться с «достойными всяческого уважения и преданными божьему делу» миссионерами. Королева безропотно и покорно выслушала его правочтение.

Вожди воспользовались посещением Фицроя и задали ему массу вопросов относительно международных обычаев и законов. Например, имеют ли право иностранцы вербовать таитян в солдаты? Фицрой категорически сказал: «Нет!». Столь же откровенно и принципиально он отвечал и на другие вопросы и, к своему удивлению, обнаружил, пишет Дарвин в дневнике, что многие его ответы были тут же претворены, хоть и в устной форме, в законы. Затем секретарь королевы задал довольно щекотливый вопрос. Незадолго до того один английский торговец угрожал таитянам репрессиями со стороны английского правительства, если они выполнят угрозу силой уничтожить имеющийся у него запас спиртных напитков в связи с кампанией за проведение сухого закона. Так вот, что следует предпринять таитянам и как бы поступил сам Фицрой, если бы торговец обратился к нему с просьбой подвергнуть их репрессиям? Фицрой, для которого справедливость всегда стояла на первом месте, даже впереди чувства патриотизма, ответил с прежней откровенностью: «Если бы таитянам удалось провести свой закон, с моей стороны это не вызвало бы никаких возражений».

Фицроя ждала неожиданность: таитяне выставили встречный иск, столь же давний, как и тот, по поводу которого явился сюда Фицрой. Он был на сравнительно пустяковую сумму — 390 долларов, но английское правительство не пожелало его признать. Таитяне требовали компенсации убытков, проистекших из-за того, что капитан английского китобойного судна, не спросив согласия таитян, высадил на острова тринадцать мятежников и отказался взять их обратно на корабль. Фицрой мог только заверить королеву и вождей, что произошло недоразумение, и он постарается его уладить. Скромность их требований произвела на Фицроя такое впечатление, что позднее он изложил этот эпизод в Отчете.

Вожди выразили опасение, что следующий английский военный корабль придет на Таити с менее мирными целями, чем «Бигль», и захочет покорить остров и поработить

островитян. «Не беспокойтесь,— заверил их Фицрой,— корабли Великобритании не причинят никакого вреда таитянам, если таитяне будут относиться к английским подданным так, как им бы хотелось, чтобы англичане относились к ним».

На этой христианской ноте и закончилось совещание. Хотя благородные чувства, проявленные во время него Фицроем, разделяли все его собратья-офицеры, более осторожного человека, например, коммодора Мейсона, решительные и откровенные ответы Фицроя могли несколько испугать, а более прямолинейный человек обвинил бы Фицроя в том, что он изменил своему долгу и стал на сторону туземцев. Однако факт остается фактом: Фицрою удалось склонить таитян к уступкам, в какой-то мере внушить вождям, что «положение обязывает», и зажечь в своей аудитории «праведный» огонь. И огонь этот не так скоро погас. На следующее утро начался сбор денег: богатые вносили сумму пожертвования в список и ставили свою подпись, бедные разменивали у офицеров «Бигля» немногие драгоценные доллары, чтобы дать хоть несколько центов. Когда «Бигль» наконец покинул остров, не хватало всего пятисот пятнадцати долларов.

Прием, устроенный на следующий день на «Бигле», прошел очень хорошо (хотя Фицрой сетовал, что угощение было недостаточно обильным). И капитан и команда сделали для этого все возможное.

«Мистер Притчард взял на себя хлопотную миссию быть переводчиком и церемониймейстером. С его помощью мы препроводили гостей на верхнюю палубу, и матросы, забравшись на реп, прокричали троекратное „ура“ в честь королевы (только опасение повредить хронометры помешало нам дать салют из пушек).

После весьма скромного обеда, получившего незаслуженно высокую оценку наших гостей, было пущено несколько ракет и зажжены бенгальские огни».

К счастью, фейерверк был очень хороший и вызвал восторг не только у гостей на борту «Бигля», но и у таитян, запрудивших берег бухты. «Отправляясь на встречу с туземцами,— советует Фицрой,— всегда берите с собой фейерверк.»

«Подарки, преподнесенные гостям, помогли нам развлечь их и поддержать хорошее настроение. После чая я предложил послушать пение матросов (некоторые из них

очень хорошо поют), не подумав о том, что таитяне знакомы лишь с одним видом пения — церковным. Даже само слово „песня“ мистер Притчард смог перевести лишь как „гимн“ 1. Государственный гимн и две-три другие протяжные песни сошли благополучно, но когда один матрос запел веселые комические куплеты, это вызвало изумление таитян и замешательство мистера Притчарда, вынужденного ответить на недоумение королевы: „Это не гимн, это морская песня“. „Боже, храни короля“ звучало торжественнее и больше отвечало их вкусам.

Мы развезли гостей на шлюпках по домам, и, если они остались довольны приемом хотя бы наполовину так, как хозяева, мы не зря потратили время и труд на приготовления. Вели они себя на корабле исключительно корректно».

Излагая в своем дневнике эпизод с комическими куплетами, Дарвин пишет, что королева спросила: «Неужели это гимн?» Он также пишет о том, что таитяне держались с величайшей благопристойностью, и, судя по всему, получили от приема большое удовольствие; гости разъехались уже после полуночи.

Мистер Притчард, по-видимому, принадлежал к какой-то секте, и первым миссионером, с которым капитан Фицрой и Дарвин завязали тесное знакомство на Таити, был не он, а мистер Вилсон из Лондонского миссионерского общества. Этот мистер Вилсон оказался не кем иным, как тем самым «необразованным матросом», о котором так строго судил Коцебу, и, естественно, обоим друзьям было любопытно, насколько их собственные впечатления совпадут с тем, что они читали. Дарвин, у которого мистер Вилсон не вызвал особой симпатии, тем не менее признавал, что за его суровой внешностью крылось «много превосходных качеств». Фицрой больше всего поразило свободное и даже фамильярное обращение таитян с мистером Вилсоном. Во всяком случае, «страха» перед миссионерами, о котором говорил Коцебу, тут не было и в помине.

Нужно сказать, что Дарвин отзывался о миссионерах благожелательнее, чем Фицрой; возможно, расхождение собственных наблюдений со словами Коцебу заставляло его быть особенно объективным и справедливым. Фицрой же, хотя и становился все религиознее, отнюдь, судя по записям Дарвина, не вел себя как слепой фанатик.

У капитана были две претензии к миссионерам. Во-первых, он был согласен с Коцебу, что туземцев надо поощрять к тому, чтобы они носили свою национальную одежду, а не грязное и рваное европейское платье. Во-вторых, он считал, что «беспечным и веселым островитянам очень нужны невинные развлечения». В письме домой Дарвин писал:

«Капитан Фицрой и все те люди на „Бигле“, мнение которых чего-то стоит, пришли к единому мнению, что миссионеры приносят здесь большую пользу». А в дневнике мы находим такую запись: «Многие нападающие еще более язвительно, чем Коцебу, на миссионеров, их методы и результаты их деятельности, не берут на себя труд сравнить настоящее положение вещей с тем, что было здесь двадцать лет назад, и даже с тем, что мы имеем сейчас в Европе, поскольку мерилом для них служат высокие каноны Евангелия». В этой записи человек, для которого превыше всего разум, вновь гневно осуждает несправедливость. А затем следует фраза, из которой ясно видно, что когда Дарвин ее писал, у него на уме были Фицрой и огнеземельцы. Перечислив ужасные кровавые обычаи жителей самых удаленных уголков земного шара, от которых миссионеры отучили их, он добавляет: «Забывать об этом — черная неблагодарность. Потерпев кораблекрушение на неизвестном европейцам берегу, мы будем горячо молиться в надежде на то, что и сюда дошло учение миссионеров».

До отхода «Бигля» в Новую Зеландию у Фицроя произошла еще одна любопытная встреча. Это была встреча с тем самым человеком, которого имели в виду вожди, когда задавали Фицрою вопросы по международному праву. Она иллюстрирует горячую ненависть Фицроя к людям авантюрной складки, которые во все большем числе отправлялись в «дикие» края, движимые не столько желанием принести пользу местному населению, сколько жаждой наживы или личной власти.

Именно стремление к личной власти руководило Чарльзом Филиппом Ипполитом де Тьерри — весьма колоритной, чтобы не сказать фантастической, фигурой, — о котором идет речь. Вот как Фицрой описывает первое свидание с ним:

«Я отправился повидаться с человеком, который величает себя бароном де Тьерри, королем Нуку-Хивы (одного из Маркизских островов) и верховным вождем Новой Зеландии. В доме, где обитает этот самозванец-филантроп, собирающийся, по слухам, „цивилизовать“ Нуку-Хиву и Новую Зеландию, а также разрабатывающий проект канала через перешеек Дарьен (Панама), полно всякого сброда: покрытые татуировкой новозеландцы, полуголые таитяне и американские моряки самого зловещего вида. „Вельможа“ принял меня с весьма важным видом и сразу же стал спрашивать: „Ну, кэп, какие новости насчет Панамы? Конгресс уже решил, как осуществить мои планы относительно канала?“ Я старался быть вежливым с ним и его „баронессой“, но не мог избавиться от своих подозрений и поспешил закончить нашу беседу».

О бароне де Тьерри еще при жизни ходило столько легенд, что теперь весьма трудно разобрать, где вымысел, где правда. Если бы все это происходило не в тридцатые-сороковые годы девятнадцатого столетия и не в южной части Тихого океана, где самые немыслимые авантюры оборачивались делом чуть ли не государственной важности, его карьеру можно было бы считать просто печальной шуткой. Он родился в Англии в 1793 году. Родители его были эмигранты-французы. Став учителем музыки, он увез из дома свою ученицу, дочь архидиакона и женился на ней. Затем каким-то образом он ухитрился сделаться студентом богословского факультета Кембриджа, но не получил посвящения в духовный сан.

Однако он встретил там свою судьбу в образе вождя Хонги, привезенного из Новой Зеландии для помощи при составлении грамматики и словаря языка маори. Де Тьерри вдруг вспылал любовью к Новой Зеландии, решил поселиться там и колонизовать страну. С этой целью он дал Хонги и его попечителю-англичанину довольно большую сумму денег с просьбой купить ему в Новой Зеландии землю. Узнав, что его новые владения занимают не менее сорока тысяч акров, хотя границы их никто толком не мог определить, Тьерри пришел в восторг. Так как ему не удалось заручиться финансовой поддержкой Англии и Франции, чтобы осуществить свой проект колонизации Новой Зеландии, он вместе со своей семьей отправился в Америку. Он был кровно заинтересован в строительстве Панамского канала, поскольку, чтобы заселить Новую Зе-

ландию, нужно было в первую очередь сократить морской путь до этой страны. Восемь лет спустя, когда де Тьерри плыл, чтобы вступить во владение своими землями, он был, вернее притязал на то, чтобы быть одним из крупнейших, если не самым крупным землевладельцем Новой Зеландии. Он подумывал было именоваться королем этой страны, но по размышлении остановился на более скромном титуле верховного вождя. Однако задержавшись по пути на Маркизских островах, он пришел в такое восхищение от самих островов и туземцев, что составил торжественную декларацию, в которой объявил себя их монархом.

Фицрой встретил «барона» на Таити, где он находился уже несколько месяцев, посылая депеши губернатору Нового Южного Уэльса (Австралия) и британскому уполномоченному в Новой Зеландии, в которых уведомлял о своем скором прибытии. К этому времени у него возник план приехать туда во главе вооруженного отряда, и «сброд», который Фицрой встретил у него в доме, был ядром будущей армии. К описанию первой встречи с де Тьерри Фицрой добавляет: «Повсюду в доме были навалены груды мушкетов, их длинные штыки имели далеко не филантропический вид». «На следующий день, — говорит Фицрой, — я вновь встретился с поминальным королем Нуку-Хивы и настолько явно выразил ему свое недоверие, что он пригрозил пожаловаться на мое неподобающее поведение губернатору Нового Южного Уэльса, лордам адмиралтейства и самому английскому королю».

Написал ли де Тьерри всем вышеперечисленным лицам или нет, мы не знаем, зато знаем другое: вечером того самого дня, когда Фицрой побывал у него вторично, он настрочил капитану длинное и гневное послание, дошедшее до нас благодаря тому, что оно попало в архивы библиотеки Диксона в Новом Южном Уэльсе. Это весьма любопытный документ. Почти вся первая страница его занята подробным перечислением фактов, позволяющих де Тьерри претендовать на звания, которые он себе присвоил. Он де крестник короля Франции, он лично знаком с королем Англии, у него есть права и как у англичанина, и как у француза. Затем следует обоснование его притязаний на суверенитет в Нуку-Хиве и Новой Зеландии. «В качестве короля Нуку-Хивы я поднимаю свой флаг и заявляю о своей свободе и независимости. Я не пират, не авантюрист, я филантроп и, уповаю на защиту всевышнего, иду к своей

цели, чтобы избавить жителей Новой Зеландии и Нуку-Хивы от тех страданий, которые до сих пор выпадают на долю аборигенов». После чего он заявлял, что намерен в скором времени отплыть в Новую Зеландию и потребовать там причитающиеся ему земли.

Затем де Тьерри переходит от своей персоны к Фицрою. Прежде всего его беспокоит то, что он не знает, каков титул капитана. Как к нему надо обращаться: «милорд», «сэр» или просто «мистер»? Так или иначе, за свои оскорбления Фицрой заслуживает военного суда. По какому праву он так разговаривал с ним, по какому праву поставил под сомнение притязания де Тьерри, даже позволил себе намекнуть, что документ, подписанный в Нуку-Хиве, — «подделка» и подписание его было «подстроено»? По какому праву он называет его, де Тьерри, темной личностью и угрожает предостеречь против него новозеландские власти? И — самая жестокая рана: «По какому праву вы осмелились меня оскорблять и на том основании, что я называл вас „кэп“, заявили, будто я не привык вращаться в хорошем обществе и, должно быть, жил раньше в компании китобоев». Действительно, кто такой Фицрой, чтобы осмелиться все это говорить, если сам он явился с визитом «в повседневной форме одежды»? «Я повторяю вам то, что уже говорил лично: „Придет день и вы раскаетесь в своем поступке и пожалеете о тех оскорблениях, которыми осыпали меня сегодня и вчера“. Затем вновь следуют хвастливые заявления о важности де Тьерри, его связях с высокопоставленными лицами. («Рука английского короля не раз протягивалась мне навстречу...») Заключается письмо так: «Предоставляя Вас Вашим размышлениям, желаю Вам, сэр, всего хорошего. Ваш покорный слуга и т. д.»

Де Тьерри утверждал, что Фицрой прислал ему свои извинения. Возможно, так оно и было, ведь бедный Фицрой всегда раскаивался, если давал волю гневу. Однако я не сомневаюсь, что в его письме было больше достоинства, чем смирения; не такой он был человек, чтобы сожалеть об отповеди дураку или проходимцу.

Неделю спустя на «Бигль» пришел мистер Притчард, чтобы поспрщаться с новыми друзьями: корабль покидал Таити. «Он пожелал нам, — писал Фицрой, — столько счастья, сколько вряд ли выпадет на долю кому-нибудь из нас». В течение трех недель, во время которых не произо-

шло никаких событий, они плыли по «синему-пресинему, глубокому-преглубокому океану», как выразился Дарвин, и наконец, за неделю до рождества 1835 года, увидели северную оконечность Новой Зеландии.

Посещение Новой Зеландии было важной вехой на пути Роберта Фицроя. Конечно, утверждать, будто какое-то одно определенное событие в жизни человека является для него решающим, всегда опасно. Но такие поворотные моменты, иногда малозначительные на первый взгляд, бывают в судьбе каждого из нас, и биограф должен пытаться их разглядеть, иначе он исказит всю картину и вместо гористой местности, скажем, нарисует равнинный пейзаж. Есть все основания полагать, что посещение Новой Зеландии оказалось для Фицроя как раз таким знаменательным событием.

Он вновь очутился среди своих друзей-миссионеров, в числе которых был и старший брат Ричарда Метьюза, собиравшегося остаться здесь навсегда. Особенно тронул Фицроя их интерес к его опыту с огнеземельцами.

«Меня очень порадовал тот живой интерес, который мистер Вильямс, мистер Дэвис и мистер Бейкер проявили к моим попыткам цивилизовать огнеземельцев и основать на Огненной Земле миссию во главе с Ричардом Метьюзом. Они вновь и вновь возвращались к этому предмету и подробно расспрашивали меня. Они не согласились с тем, что мое начинание постигла неудача. «Это был первый шаг, — сказали они, — по результатам сходный с нашими первыми шагами здесь, в Новой Зеландии. У нас тоже сперва ничего не получалось. Но господь бог велел нам быть терпеливыми, и в конце концов успех превзошел все ожидания».

«Там, где сокрыто твое сокровище, пребудет и твое сердце». «Сокровищем» Фицроя, бальзамом и утешением для его души была возможность оказывать помощь и покровительство, иногда в довольно деспотической форме, но, несомненно, из самых благих побуждений. Типичным примером этого была история с огнеземельцами, которым он чуть ли не силой навязывал свои благодеяния. Фицрой часто бывал вынужден объяснять и даже защищать собственные поступки, поэтому понимание и сочувствие новозеландских миссионеров, которые не только старались убедить его, что затея его вовсе не кончилась провалом, но и не жалели слов на похвалы, должно быть, глубоко его

тронули. Он сделался другом и почитателем миссионеров Новой Зеландии, проводил с ними много времени, больше даже, чем на Таити, знакомился с их достижениями, сочувствовал их трудностям. Он накапливал впечатления и делал из них выводы, не подозревая, насколько это важно для его собственного будущего.

По правде сказать, Новая Зеландия и ее жители понравились Фицрою и Дарвину куда меньше, чем Таити. Этому были две причины. Первая причина пустяковая: противные ветры задержали их прибытие в порт до поздней ночи, и ничто там не напоминало горячую встречу, какую им устроили непосредственные таитяне. К тому же на побережье пронесся слух, что «Бигль» — не мирный английский корабль, а фрегат пресловутого барона де Тьерри, который явился с вооруженным отрядом, чтобы потребовать свое «королевство». Фицрой очень позабавила эта ошибка.

Вторая причина неблагоприятного впечатления заключалась в том, что часть Новой Зеландии, куда проникли белые поселенцы и где было сильно их влияние, представляла собой в те времена довольно неприглядную картину. Небольшое поселение Корорарека, где жили белые и маори, основным занятием которых было обслуживание заезжих моряков, китобоев и купцов, получило выразительное прозвище «Тихоокеанский ад».

Фицрой и Дарвин отправились туда на второй день. Ни тот ни другой не получили от этого большого удовольствия. Фицрой поражался, как люди могут жить в таких ужасных условиях: «Здесь, в этом чудесном климате, окруженные прекрасными лесами и великолепными лугами, они живут в каких-то страшных логовищах. Чем можно объяснить такую деградацию человеческой природы? Не тем ли, что человек способен понять и оценить красоту божьего мира только если он стоит на определенной ступени духовного развития?»

Посещение близлежащего островка Паихиа, где жили миссионеры, порадовало их куда больше. Правда, Фицрой опечалился, узнав, что солидное каменное здание принадлежит католической миссии, а миссионеры англиканской церкви живут в убогом домишке. Он подумал, что в данном случае стоило последовать примеру католиков. «Для таких невежественных дикарей, как обитатели Новой Зеландии, красивый внешний вид миссии тоже играет поло-

жительную роль». Но самый большой сюрприз ждал его, когда он нанес визит мистеру Бусби, официальному представителю Британии. Выяснилось, что этот джентльмен не обладал практически никакой властью, он даже не имел права выполнять обязанности судьи.

Именно тут на Паихиа Фицрой познакомился с мистером Вильямсом и мистером Бейкером, о которых мы упоминали (они-то и были миссионеры, которые, к утехе Фицроя, так одобрительно отнеслись к его филантропической затее с огнеземельцами). У мистера Вильямса был старший брат Генри, тоже миссионер, и Фицрой очень сожалел, что не застал его (тот уехал в глубь острова), так как отец Генри был раньше лейтенантом военно-морского флота и занимался гидрографическими работами. Фицрой попросил мистера Бейкера брать его с собой, когда он станет ходить по своим миссионерским делам.

Первый раз мистер Бейкер взял Фицроя к двум бывшим китобоям, купившим у туземцев остров и поселившимся на нем. Миссионер хотел заручиться их поддержкой в кампании против бесконтрольного употребления спиртных напитков. Фицрой пишет об этих китобоях с гневом и отвращением. «Именно из-за таких людей, преисполненных предрассудков, глухих к голосу разума, погрязших в зле, преступников, сбежавших от правосудия, бунтарей, не желающих подчиняться законному правительству, и возникают все те затруднения, с которыми приходится бороться честным порядочным переселенцам и миссионерам!»

Затем мистер Бейкер взял Фицроя в деревню туземцев, куда поехал в связи с той же противоалкогольной кампанией. Этот визит пришелся Фицрою куда более по душе. В Корорареха и он и Дарвин составили очень низкое мнение о туземцах, грязных, оборванных, смотревших исподлобья. Но здесь местные жители выглядели и держали себя по-прежнему, чувством собственного достоинства и врожденной жизнерадостностью напоминая таитян. В то время как Бейкер беседовал с ними, Фицрой разглядывал и зарисовывал «такие типы, такие лица, о каких только может мечтать художник». К Бейкеру обратились за советом по поводу разногласий между двумя соседними племенами из-за размежевания земли, и по пути домой Фицрой внимательно слушал объяснения своего нового друга относительно возникшего затруднения. «Меня немало уди-

вила та тщательность, с какой эти дикари делили свои земельные владения: я думал, что они не ценят землю. Хотя они продают ее европейцам по невероятно низкой цене, сделка эта имеет для них очень большую важность и совершается лишь с согласия всех членов племени».

Вскоре наступило рождество. Рождественская служба показалась Фицрою слишком долгой, а то, что мистер Бейкер говорил на маорийском наречии более бегло, чем по-английски, утвердило Фицроя во взгляде, что миссионеры уделяют недостаточно внимания своей белой пастве, а та плохим примером часто сводит на нет чуть не всю работу миссионеров среди туземцев. Затем Фицрой посетил руководимую миссионерами земледельческую общину. Здесь все напомнило ему Англию, и посещение доставило большое удовольствие. Однако не меньше его поразили слова старика-туземца, который весьма пронизательно заметил, что «в то время как одни мои соотечественники проповедают мир, другие посылают многопушечные корабли».

В Новой Зеландии Фицрой невольно стал не только свидетелем, но и непосредственным участником событий. Отсутствие на островах каких-либо официальных властей и то уважение, с каким их обитатели привыкли смотреть на заходившие к ним английские военные корабли, привели к тому, что Фицрою, как и на Таити, пришлось выступать в роли советчика, судьи и арбитра, в чем здесь была еще более острая нужда. Понимая, что отсылать тех, кто к нему обращался, к мистеру Бусби бесполезно, так как он не обладал реальной властью, Фицрой в большинстве случаев передавал окончательное решение вопроса миссионерам, являвшимся фактически единственными хозяевами на островах. Одним делом он, впрочем, занялся лично, поскольку речь шла о конфликте между капитаном зверобойного судна и его командой, взбунтовавшейся против жестокого обращения, и требовалось знание законов. Фицрой отправился на корабль, произвел неофициальное следствие и сумел найти компромиссное решение. «Однако я чувствовал,— пишет он,— что перемирие недолговечно; и действительно не прошло и двух дней, как вновь стали поступать жалобы, но я больше ничем не мог помочь, так как „Бигль“ покидал порт».

Пребывание в Новой Зеландии дало Фицрою богатую пищу для размышлений. Он увидел, что там царит полная анархия и что поэтому усилия миссионеров часто тщетны

и приносят куда меньше пользы, чем могли бы. Это тревожило и печалило Фицроя; в Отчете он посвящает несколько страниц мерам, которые хоть немного исправили бы там положение. Коротко говоря, он предлагал организовать нечто вроде выездного правительства, которое находилось бы на английском военном корабле, посылаемом в Океанию на определенный срок, а затем сменялось бы другим.

Весьма любопытно одно высказывание Фицроя: «Если преданный науке человек, — пишет он, — врожденные способности которого развиты благодаря образованию, недоступному для моряков, соблазнился морским путешествием на гидрографическом судне, несмотря на все тяготы и испытания долгого пути, какую колоссальную пользу принесли бы его труды, пробудь он в здешних краях в течение нескольких лет».

Другими словами, новое дело для Дарвина. Фицрою и в голову не могло прийти, что дело это придется выполнять не Дарвину, а ему самому.

ПЫЛКИЙ ФИЛАНТРОП

Создание книги

Великое плавание окончилось. Второго октября 1836 года «Бигль» стал на якорь в Фалмуте, и Дарвин тут же сошел на берег и поспешил домой к родным. Фицрой воспользовался случаем посетить в Фалмуте Роберта Фокса, местного ученого квакера, о чем мы узнаём из «Воспоминаний о старых друзьях», написанных дочерью Фокса, Кэролайн. Мы встречаем там следующую запись от третьего октября 1836 года: «Приходил к чаю капитан Фицрой с военного корабля „Бигль“. Капитан вернулся вчера после пятилетнего кругосветного путешествия, предпринятого с научными целями, и собирается написать о нем книгу... Очень приятный и прекрасно воспитанный молодой человек. Во время плавания было сделано много ценных открытий, так как на борту корабля находилось несколько ученых. Дарвин, которого прозвали „ловцом мух“ и „сокрушителем скал“, не согласен с тем, что коралловые острова растут со дна моря...» и далее следует пересказ дарвинской (правильной) теории образования коралловых островов, свидетельствующий как об остром уме Кэролайн, так и о доброжелательности, с которой Фицрой в то время относился к своему другу.

Двадцать восьмого октября «Бигль» пришел в Гринвич; здесь в последний раз были сняты показания хронометров. Оказалось, что за пять лет погрешность приборов не превысила тридцати пяти секунд. Став старше на пять лет, оба молодых человека, Фицрой и Дарвин, должны были вновь приспособливаться к жизни на берегу и думать о своем будущем. Оба они женились: Дарвин — через два года после возвращения на своей кузине. Фицрой же

всего через два месяца. Его невеста Мария Генриетта О'Брайен, дочь генерал-майора, должно быть, ждала его с начала плавания.

Какое-то время «Бигль» был знаменит. Дарвин, накопивший огромный фактический материал и собравший богатейшие коллекции, был нарасхват в ученном мире; Фицрой принимал многочисленных посетителей на корабле. До нас дошла коротенькая история, записанная биографом Саливана (которого тоже, если вы помните, ждала невеста).

«На корабль, проделавший интересное плавание, стало приходить столько посетителей, что капитан приказал пускать по трапу лишь „почтенных людей“, остальные должны были подниматься по штурмтрапу, спущенному за борт.

Однажды, когда Саливан стоял на вахте, вахтенный матрос лодку, подошедшую к бортовому трапу, направил к штурмтрапу. Вскоре над бортом показалась голова хорошенькой нарядно одетой женщины, и Саливан поспешил помочь ей. За ней следовал мужчина довольно скромного вида, попросивший проводить их к капитану. Их отвели в капитанскую каюту. После их отъезда на палубе появился весьма сконфуженный Фицрой и сказал: „Вы знаете, кого мы приняли столь неучтиво? Самого главного астронома“. Как выяснилось, главный астроном и его жена приехали на корабль с официальным визитом».

В мире Фицроя главный королевский астроном, независимо от того, какой у него был вид — почтенный или не очень, занимал важное место, и капитан имел все основания сердиться на то, что тому был оказан столь грубый прием.

Королевское географическое общество наградило Фицроя золотой медалью, чем он, естественно, был очень доволен. Фицрой показал себя исключительно компетентным гидрографом и превосходным составителем гидрографических карт, которые по сей день считаются в британском военном флоте образцовыми. Он удостоился высоких похвал Бофорта, главного гидрографа адмиралтейства, и благодарности парламента.¹ Однако нового назначения ему

---

¹ В IV томе записок «Медицина и флот» говорится, что за время плавания на «Бигле» почти не было случаев заболевания; большую роль тут сыграли консервированные продукты фирмы «Килнер».

не дали. По рекомендации Фицроя Саливан получил под команду кеч¹ и был направлен через год на Фолклендские острова для продолжения гидрографических работ. «Бигль» ушел к берегам Австралии, но капитаном его был сперва Викем, а затем Стокс. Фицрой остался в Англии.

Вполне возможно, что это отвечало его желанию. Дарвин говорит о том, что Фицрой в то время часто хворал. (Сам Дарвин после возвращения также много болел, хотя предположение, будто его хроническое недомогание явилось следствием плавания на «Бигле», не было доказано.) Кроме того, Мэри Фицрой ждала ребенка. Представив адмиралтейству официальные отчеты и карты и написав «Навигационную инструкцию» для судов, курсирующих у побережий Южной Америки, Фицрой мог взяться наконец за книгу о плавании «Бигля», предназначенную для широкой публики.

Вскоре ему стало ясно, что это потребует много времени и усилий. Первый том был посвящен первому плаванию на «Адвенчере» и «Бигле» во главе с капитаном Кингом, но тот вышел в отставку и вернулся в Австралию, предоставив издание книги Фицрою. Во втором томе должен был содержаться отчет самого Фицроя о втором плавании на «Бигле», а в третьем Дарвин намеревался изложить научные результаты плавания.² Заключенная работа состояла из четырех томов. В четвертый, который носил подзаголовок «Приложения ко II тому» и содержал триста пятьдесят страниц, помимо судовых журналов, метеорологического дневника и различных документов, связанных с плаванием «Бигля», входили «Замечания» Фицроя по самым различным вопросам, начиная с течений и кончая диалектами отдельных племен огнеземельцев. Во втором, основном, томе содержалось около четверти миллиона слов.

Нужно сказать, что Дарвин и Фицрой уже выступали однажды как соавторы — в статье, посвященной «моральному состоянию» таитян и новозеландцев, но об этом несколько позже. Фицрой побуждал Дарвина вести в плава-

¹ Небольшое двухмачтовое парусное судно.

² Этот том, имевший сперва подзаголовок «Дневник и заметки», а затем «Дневник изысканий по геологии и истории различных стран, посещенных кораблем «Бигль» в 1832—1836 годах», известен теперь как отдельная книга под заглавием «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“».

пии дневник, он же сперва предложил отдельные части из него включить в свою книгу, так как долгое время Дарвин боялся самостоятельно появиться в печати. Только позднее, в Англии, когда к похвалам капитана присоединились похвалы родных и друзей, у него возникла уверенность в себе.

План книги изменился — насколько нам известно, по обоюдному согласию, — и было решено, что Дарвин напишет третий том. Между прочим, Дарвин, пожалуй, слишком сурово отнесся к первому тому книги, написанному Кипгом. В гостях у Фицроя он бегло прочитал несколько страниц и был вынужден погрешить против истины, сказав капитану, что это ему нравится. «Положа руку на сердце, даже самый тяжелый пудинг в приходской школе легче, чем то, что я прочитал».

Видимо, Дарвину попался один из самых плохих кусков текста — отчет капитана Кинга, посвященный первому плаванию, хотя наименее интересный из всех трех, не так уж тяжел по стилю.

Отчет Фицроя (его полное заглавие «Отчет о путешествиях кораблей его величества „Адвенчер“ и „Бигль“, содержащий описание производившегося ими в 1826—1836 годах обследования южных берегов Южной Америки и плавания „Бигля“ вокруг света») заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее, хотя из него уже приводились многочисленные и пространные выдержки, и он был основным источником для второй части этой книги. В особенности любопытны две весьма неожиданные главы Отчета, завершающие том. Они показывают, как изменились к тому времени мировоззрение и характер Фицроя, с которыми мы до сих пор познакомились лишь по отдельным примерам.

Но сперва отметим некоторые общие черты этой книги, рисующие Фицроя не только как автора, но и как человека. В ней много говорится о происходивших событиях, подробно описываются места, где побывал «Бигль», и в особенности люди, которые там живут, их отличительные черты, их расовые признаки в история. Мало того, что Фицрой интересовался людьми, он, видимо, прочитал массу книг как до и во время плавания, так и после него.

Например, он в таком восторге от арауканов, что то и дело прерывает красочное описание поездки к потерпевшему кораблекрушению «Челленджеру» рассуждениями об истории этой группы племен и их легендах. Он даже взял на себя труд перевести стихами отрывки из эпической поэмы шестнадцатого века «Ля Араукана», написанной испанским поэтом Эрцилла.

Полглавы посвящено населению островов Чилоэ и Чонос, расположенных у западного побережья Южной Америки. Две главы отведены истории и географии Фолклендских островов и целых три главы аборигенам южной части материка — патагонцам и огнеземельцам. Фипрой пытается анализировать их племенное деление, а в «Приложениях» несколько разделов уделено их физическим и психическим свойствам (френологии), диалектам разных племен. Особенно интересен раздел, посвященный диалектам. Мы находим здесь словарь — целых семь страниц — главным образом из диалектов Джемми Баттона, Фуэгии и Йорка Минстера (Фипрой приводит их настоящие имена: Джемми Баттон — Орунделлико, Йорк Минстер — Эллапару, Фуэгия Баскет — Йокушлу). Возможно, Ричарду Метьюзу удалось собрать более полный словарь, но, бесспорно, Фипрой, при его занятости, сделал достаточно много. Он был вполне практичным человеком, с современным подходом к делу, и всегда подчеркивал, что миссионерам необходимо знать язык туземцев, а также, хоть немного, основы медицины.

А теперь поговорим подробнее о последних двух главах третьего тома. Судя по содержанию, они написаны не ранее 1838 года, то есть два года спустя после возвращения «Бигля» на родину. Стало быть, у Фипроя было достаточно времени для размышлений. Первая из этих глав начинается так: «Закончив Отчет о плавании «Бигля», я мог бы положить перо, но в результате наблюдений и изысканий у меня возникли кое-какие мысли..., которыми я хотел бы поделиться с теми, кого интересуют подобные предметы, в надежде, что они обнаружат заблуждения там, где я, слепо стремясь к истине, возможно их проглядел».

После такой довольно стереотипной преамбулы автор говорит, что все последующее — «замечания моряка, который пишет исключительно для младших собратьев по

профессии» и пытается загодя защитить себя от возможного обвинения в слишком поспешных выводах тем, что он «с отрочества с интересом наблюдал людей различных рас, отличающихся чертами лица, формой головы, цветом кожи, телосложением, ростом и другими физическими особенностями». Затем Фицрой предлагает на обсуждение свою гипотезу, приводя в ее пользу всевозможные доводы. Заключается она в следующем: люди сходны по крови, но под влиянием различных климатических условий, различных привычек и различной пищи, то есть под воздействием среды, они приобрели различный вид. Тот факт, что у всех их одна прародина, откуда они распространились по водным путям, подтверждается существованием кораблей с незапамятных времен и множеством уходящих в древность легенд о море. Поскольку примитивные суда плавали только при попутном ветре, изучение господствующих ветров поможет установить прародину людей и вероятные пути их миграции. Затем Фицрой пишет, где, по его мнению, проходили такие пути. Одно из его предположений заключается в том, что в Америку люди пришли из Азии через Алеутские острова.

Казалось бы, из всего сказанного можно сделать законный вывод, что Фицрой был не только передовым человеком своего времени, но и во многом опередил его. Однако мы пока видели лишь половину картины. Фицрой придерживался воззрений, которые делали все его аргументы наивными и псевдонаучными: он верил в буквальную истинность написанного в Библии. Так, для него являлось аксиомой, что прародина всех людей, населяющих земной шар, — Малая Азия, и всякого, кто читал об Индии, Китае, Мексике, Перу, о Японии или Полинезии, «поражают сохранившиеся там следы церемоний и ритуалов, сходных с иудейскими, свидетельства поклонения Ваалу, а также видоизмененные обряды, бывшие некогда у аркитов¹, которые можно по сей день наблюдать чуть не у всех наций на Земле». Он отсылает читателя к более ранним главам, где пишет о любезных его сердцу индейцах араукаках: «У них есть одно слово, общее для всех племен, означающее «великий предок», или «прославленный», которое звучит как «шем»²».

¹ Аркиты — одно из древних племен, населявших Палестину. — *Прим. пер.*

² Шем (др.-евр.) — старший сын. — *Прим. пер.*

Вторая из заключительных глав Отчета (то есть последняя в третьем томе) имеет, пожалуй, еще меньше оснований быть в него включенной. Она называется: «Несколько замечаний, имеющих касательство к всемирному потопу». Начинается она с довольно неожиданного заявления: Фицрой вовсе не всегда безоговорочно верил тому, что написано в Библии, но пришел к такой вере путем раздумий и колебаний. Повторив, что мысли, которыми он хочет поделиться с читателями, «возникли в результате наблюдений, сделанных во время плавания на «Бигле», Фицрой продолжает:

«В прежние годы я, к моему несчастью, был склонен подвергать сомнению, чтобы не сказать критике, божественную историю, написанную Моисеем. Я так плохо был знаком с этой священной летописью и глубокой внутренней связью, которая существует между Ветхим и Новым заветами, что, всей душой веря в истинность одних изложенных там событий, другие полагал мифологическими или вымышленными. Эти колебания нарушали мое душевное спокойствие и мешали чувствовать себя счастливым... В большой степени мои сомнения были вызваны чтением вольтеррианцев и тех геологов, которые, пусть не прямо, а лишь намеками, говорили о недостоверности священного писания. Я познакомился с критикой прежде, чем основательно узнал саму книгу. По отношению к людям, которые, так же, как некогда я, не знают и не хотят знать Библии и сомневаются в ее божественном происхождении, я испытываю лишь одно чувство — искреннюю жалость».

После такого несколько заносчивого заявления Фицрой вновь говорит, что его слова обращены в первую очередь к молодым морякам, а затем предъявляет сам себе последнее обвинение. Однажды, пересекая обширную долину, покрытую галькой (вероятнее всего, долину реки Санта-Крус), он заметил своему другу (Дарвину): «Сорокадневное наводнение не могло бы привести к таким результатам». Вот, мол, как он был готов отвергнуть святую истину «на основании мимолетного взгляда». Затем следует целый ряд аргументов, которые не так-то легко, не сказав, изложить вкратце.

Прежде всего, Моисей вовсе не ошибался, когда, например, утверждал (в первой главе книги «Бытия»), что солнце было создано на следующий день после растений, ведь растения не могут долго жить без света. Значит, когда

в Библии говорится «день», имеется в виду один день, а не тысяча лет или тысяча столетий. А это доказывает ошибочность теории современных геологов, например, Лайеля¹, будто жизнь на Земле возникла не сразу, а постепенно, изменяясь в течение огромных промежутков времени.

Находка в долине реки Санта-Крус раковин и других ископаемых морских организмов подтверждает, что некогда Земля была покрыта водой, но не потому, что отдельные участки ее опустились и оказались морским дном, а, напротив, потому, что воды поднялись и затопили Землю. Если вода могла затопить Патагонию, она с таким же успехом могла затопить весь мир. Чередование пластов лавы и пород, включающих окаменелости, обнаруженные Дарвином в Андах, служит, мол, свидетельством грандиозной вулканической катастрофы, сопровождавшей потоп. Ему, Фипрою, известен всего один случай, когда при такой катастрофе (имеется в виду землетрясение в Консепсьоне) произошел подъем суши, а не воды, но возникший остров постепенно вновь погрузился в море.

После того как молодому читателю (начинающему моряку, для которого предназначалась эта глава) было преподнесено несколько «фактических доказательств» всемирного потопы, собранных по крохам во время плавания «Бигля», автор переходит к выводам.

На естественный вопрос, откуда взялось такое количество воды, чтобы затопить весь мир, следует простой и однозначный ответ: «Оттуда же, откуда взялась Земля и океаны на ней». Почему бы просто не сказать: «По воле божьей»? По словам Фипроя, слой воды, покрывший Землю, был совсем не велик, его можно сравнить со слоем лака на глобусе в шестнадцать дюймов в поперечнике.

Затем Фипрой переходит к Ноеву ковчегу и приводит аргументы против утверждения, что такие разнообразные животные, каких собрал Ной, не смогли бы ужиться вместе. Во-первых, Ной, по-видимому, не взял самых больших животных из-за нехватки места — об этом говорит исчезновение гигантских животных, известных лишь в виде ископаемых (между прочим, и здесь было бы достаточно простого ответа: «Тот, кто сотворил, мог и укротить»); во-

---

¹ Чарльз Лайель (1797—1875) — выдающийся английский естествоиспытатель-материалист. — *Прим. пер.*

вторых, нужно не забывать, что во время потопа была жестокая буря. Те, кому не приходилось встречаться с тайфуном, даже не представляют себе, что это такое. Животные, должно быть, так напугались, что им было не до того, чтобы поедать друг друга.

Фицрой приводит еще ряд доказательств всемирного потопа, но если мы будем продолжать цитировать их, мы рискуем выставить его на посмешище современным читателям, а это было бы непростительно с нашей стороны. Предположение, будто огромные доисторические животные исчезли с лица Земли, потому что им не хватило места в Ноевом ковчеге, даже в то время казалось Дарвину настолько нелепым, что он вспоминал об этом с улыбкой и двадцать лет спустя. Однако для остальных его современников утверждения Фицроя отнюдь не выглядели такими смешными и дикими, как представляется нам.

Не забывайте, что Фицрой вырос и жил в очень религиозную эпоху, эпоху реакции на «языческий» рационализм восемнадцатого века. Джордж Тревельян¹ в своей «Социальной истории Англии» пишет, что: «В первой трети девятнадцатого столетия происходило неуклонное проникновение евангелического вероучения во все классы общества, начиная с низших и кончая высшими». Вся викторианская эпоха была отмечена серьезностью мысли и сдержанностью нравов — результат пуританизма, в который движение уэслианцев и евангелистов вдохнуло новую жизнь. А вера в букву Библии была краеугольным камнем этой истовой религиозности, «общей и для нонконформистов, и для евангелистов, и в меньшей степени для консервативного крыла англиканской церкви».

Мало того, безоговорочная вера в Библию и в буквальный смысл того, что в ней написано, вовсе не обязательно были равнозначны ненаучному или антинаучному подходу к вещам. Появилось множество восторженных почитателей геологии, видевших в этой молодой и быстро развивающейся науке ниспосланное свыше средство подкрепить голословные утверждения Библии. Такого взгляда придерживался, например, передовой ученый своего времени Хью Миллер², который в 1852 году прочитал в Королев-

¹ Джордж Тревельян (1838—1928) — английский политический деятель, историк и биограф.— *Прим. пер.*

² Хью Миллер (1802—1856) — шотландский геолог и писатель.— *Прим. пер.*

ском физическом обществе в Эдинбурге доклад на тему: «Геологические свидетельства в пользу религии». По словам одного незаинтересованного наблюдателя-современника, «каждый помощник приходского священника в Англии становился геологом-любителем и выискивал повсюду следы божественного сотворения мира». Хенслоу, рекомендовавший Дарвину книгу Лайеля, предостерегал своего протеже от передовых взглядов ее автора. Еще одно: на протяжении тридцатых годов (именно тогда, когда Фицрой писал свой Отчет) регулярно выходили из печати известные Бриджуотерские трактаты. Это была серия научных трудов (печатавшихся на деньги, завещанные восьмым графом Бриджуотером), целью которых было проиллюстрировать «мощь, мудрость и доброту господ бога, проявившиеся в сотворении мира». Президент Королевского общества содействия успехам естествознания имел обширный выбор авторов, желавших участвовать в этом издании; среди них — такого блестящего физиолога, как сэр Чарльз Белл.¹

При всем том, в одном из выпусков (посвященном сотворению животных), где, кстати, совершенно справедливо указывалось на приспособление органов к выполняемой ими функции, анализ возникновения животного мира основывался на первой главе книги «Бытия». На пятый день сотворения мира, иррически повествует автор, «в одно мгновение, повинаясь слову, вдыхающему жизнь... безбрежный океан со всеми впадающими в него потоками стал плодоносящ и породил мириады самых разнообразных и удивительных живых существ».

Из всего этого видно, что в своем отношении к естественным наукам Фицрой был отнюдь не одинок. И хотя отчет о плавании «Адвенчера» и «Бигля» вряд ли был очень подходящим местом для пропаганды таких взглядов, то, что он использовал свою книгу для защиты буквального толкования Библии, вовсе еще не говорило о его неразумии. Он был не одинок, но, как и его соратники, должен был сражаться с грозным противником, что ожесточило его с годами и заставило, помимо желаний, прибегать к крайним мерам. Но это все в будущем.

---

¹ Чарльз Белл (1774—1842) — шотландский анатом, физиолог и хирург, пионер в области анатомии и физиологии первой системы. — *Прим. пер.*

Религиозность была в порядке вещей как среди людей того слоя общества, к которому принадлежал Фицрой, так и среди людей его профессии. Церковь, даже на самых низших ступеньках иерархической лестницы, вновь стала пользоваться уважением, и, поскольку выбор карьеры для отпрысков аристократических семей оставался невелик — армия, флот, церковь, юриспруденция — почти в каждой такой семье был священнослужитель. И именно во флоте того времени было очень много людей, пылавших религиозным рвением. Даже если ограничиться моряками, которых лично знал Фицрой, мы можем назвать Генри Уильямса, ставшего миссионером в Новой Зеландии, и Аллена Гардинера, с такой же целью обосновавшегося на Огненной Земле; у друга Фицроя, капитана Сеймура, брат был священником, а юный лейтенант Саливан по настоянию своей благочестивой матушки каждый день читал псалмы. Однако, хотя общие предпосылки к тому, чтобы Фицрой написал эти две неожиданные главы, проследить нетрудно, обнаружить конкретные причины этого, вернее побудительные мотивы, не так-то просто. Если бы нам удалось это сделать, мы смогли бы найти ключ к характеру Фицроя и частично объяснить его будущее поведение.

Конкретных и непосредственных поводов возникновения этих глав могло быть только два: желание поспорить с Дарвином и пример «подвижничества» миссионеров.

Не следует, хотя это и соблазнительно, преувеличивать значение первого из них. Много лет спустя Фицрой публично заявлял, что он часто по-дружески спорил с сотрапезником, убеждая его пересмотреть свои взгляды и согласиться с первой главой книги «Бытия». Однако не лишено вероятия, что с годами он принял желаемое за действительное. Судя по отчету и дневникам, в плавании Фицрой и Дарвин редко расходились во взглядах. У нас даже есть доказательство противного: уже упомянутая статья, совместно написанная ими в защиту миссионеров Таити и Новой Зеландии от тех, кто их хулил, не будучи достаточно осведомлен об их деятельности. Она предвосхищает многое из того, что впоследствии появилось в Отчете Фицроя и в «Дневнике и заметках» Дарвина и заканчивается следующими словами: «Мы глубоко убеждены, что они [миссионеры] заслуживают самой горячей поддержки не только отдельных лиц, но и английского правительства. Роберт Фицрой. Чарльз Дарвин».

Несмотря на это совместное выступление в печати, они, несомненно, не всегда и не во всем были согласны друг с другом. Но их внутренние разногласия находились тогда в скрытом состоянии и были еще неясны им самим, когда друзья расстались после возвращения на родину. Проявились они лишь позднее, но так резко, как те и сами не ожидали. В «Автобиографии» Дарвин признается, что в плавании «придерживался ортодоксальных взглядов», но в последующие два года он «много размышлял о религии» и постепенно пришел к заключению, что «Ветхий завет дает совершенно ложную историю мира... и заслуживает доверия не больше, чем священные книги индусов или воззрения дикарей». Фицрой, как мы видели из вступления к последней главе Отчета, в годы, следовавшие за плаванием «Бигля», также претерпел большую внутреннюю перемену, придя от невежества в религиозных вопросах и тревожных сомнений к твердой и непреклонной вере, даровавшей ему спокойствие души. Поэтому нет ничего удивительного в том, что встретившись в 1839 году, они обнаружили полное расхождение во взглядах. Дарвин мог скрыть свое нелестное мнение о первом томе Отчета, написанном Кингом, он мог сентиментально восхищаться — в письме к сестре — молодой матерью и младенцем, мог радостно сообщить, что у капитана «дела идут хорошо». Но не мог не добавить раздраженно: «Настолько хорошо, насколько это возможно для человека, которого никто не способен превзойти в искусстве смотреть на все и вся, став с ног на голову». В «Автобиографии» он пишет еще резче:

«После возвращения в Англию я редко видел Фицроя, ибо боялся чем-нибудь неумышленно обидеть его, и все же однажды сделал это, что чуть не привело нас к полному разрыву». Мы не знаем, произошла ли ссора во время встречи, о которой Дарвин писал сестре, да это и неважно, главное, что у них возникли основания для ссоры.

Что касается второй побудительной причины — влияния таитянских, а в особенности новозеландских миссионеров, — Фицрой, возможно, сам не осознавал, насколько она сильна, хотя от того она не становилась слабее. Человек легко подпадает под влияние людей, которыми восхищается, тем более если он молод. А Фицрою, когда он плавал в Океании, было всего тридцать лет.

У читателя из всего вышеизложенного может возникнуть впечатление, что Фицрой, командовавший «Биглем», и Фицрой, написавший последние главы Отчета,— два совсем различных человека. Утверждать это было бы слишком смело. Вернее будет сказать, что в результате жизненного опыта в его характере развились всегда свойственные ему черты.

Фицрой с юности хотел трудиться на благо ближних. И эта страсть к филантропии проявилась теперь в том, что он хотел помочь людям увидеть Истину с большой буквы, и так, как видел ее сам. Отсюда и последние две главы Отчета, предназначенные молодым морякам. Отсюда и многое другое, что еще будет в его жизни.

Однако Фицроя нельзя назвать всего лишь благочестивым утопистом. Он был волевым и вполне практичным человеком. Для того чтобы иметь возможность делать то, что он хотел, ему необходимо было занять высокое служебное положение.

Отложив свое дидактическое перо и перестав обращать ближних в «истинную» веру, он направил свой взор и честолюбивые устремления к более земному полю деятельности.

Позорный эпизод

В мире политики, куда Фицрою предстояло ненадолго вступить, вспыльчивость может привести к более важным и неприятным последствиям, чем на корабле,— там куда больше риска, что тебе надерзят в ответ. И хотя при столкновении, о котором пойдет речь, противник Фицроя вел себя не очень красиво, Фицрой, по правде сказать, тоже был не на высоте.

Летом 1841 года, к великому сожалению королевы Виктории (и, вероятно, к меньшему сожалению друга вигов — Дарвина), кабинет лорда Мельбурна пал и последовали всеобщие выборы. Несмотря на реформу избирательной системы, проведенную в 1831—1832 годах (кстати, вызвавшую горячий интерес находившихся на борту «Бигля»), палата общин по-прежнему оставалась заповедником для высшего сословия, а получение депутатского места в значительной степени зависело от покровительства крупных землевладельцев. Стать членом палаты общин значило вступить на путь, ведущий к почету и вла-

стп. Поэтому Фицрой, закончивший к тому времени свой Отчет и не имевший в перспективе нового плавания, был, без сомнения, весьма доволен, когда лорд Лондондерри, его дядя по материнской линии, прислал ему письмо, в котором предлагал выставить его кандидатуру в парламент от Дарема вместо уходящего в отставку депутата их партии (торц). Избирательный округ Дарем имел два места в парламенте от обеих партий, вигов и торц, или, как они уже начинали называть себя, либералов и консерваторов. Сперва предполагалось, что каждая партия выставит всего по одному кандидату; в этом случае избрание Фицроя было бы гарантировано.

Но затем наметили еще одного кандидата от консерваторов, молодого человека двадцати шести лет по имени Вильям Шепперд. Лорд Лондондерри, естественно, отнесся к этому с неодобрением, но Фицроя это на первых порах, по-видимому, не волновало. Была вероятность, что выберут обоих кандидатов от консерваторов, и, во всяком случае, поскольку его кандидатуру выдвинул лорд Лондондерри, у него было больше шансов на успех. Кандидатам-консерваторам важно было идти рука об руку во время предвыборной кампании, чтобы не возникло даже намек на какой-либо раскол. Поэтому было публично заявлено об их временном союзе; оба кандидата отправились вместе собирать голоса, и между ними, как выразился мистер Шепперд, царило полное согласие.

Первая трещина в их отношениях возникла, когда арестатор Лондондерри печально, а может быть — кто знает — и со злым умыслом, проговорился, что получил приказ лорда голосовать за Фицроя и не голосовать за Шепперда. Фицрой с жаром заявил, что он тут не при чем.

Но вирус подозрения уже овладел Шеппердом, а досужие толки усугубили болезнь. Он вспомнил, что несет куда больше расходы, чем Фицрой, нанявший всего одного агента, в то время как он — семерых. В Лондоне его по горло напичкали антилондондерриевской стряпней. Он встретился там со своим другом Уркхартом, кандидатом от Шеффилда, который терпеть не мог лорда Лондондерри и был не согласен с его политической линией. Уркхарт намекнул, что благородный лорд, не гнушаясь никакими средствами, рекомендовал избирателям Дарема отдать голоса за кандидата либералов, если они не хотят голосовать за Фицроя.

Перед отъездом из Лондона Шепперд принял решение снять свою кандидатуру и отправиться в Шеффилд, чтобы помочь Уркхарту. Фицройю он послал письмо, где писал о своем решении и о том, почему он его принял: он считает себя обязанным публично обвинить лорда Лондондерри, но если сделает это в Дареме, то, без сомнения, повредит Фицройю в глазах избирателей; поэтому он снимает свою кандидатуру и не будет участвовать в выборах. К письму была приложена копия обращения к избирателям Даремского округа, где в качестве причины снятия своей кандидатуры Шепперд выставлял «некоторые полученные им конфиденциальные сведения».

Фицрой отнюдь не был склонен расцепивать выход Шепперда из предвыборной кампании как дружеский поступок, делающий Шепперду честь. Напротив, он смотрел на это как на «дезертирство и предательство интересов партии» и считал, что такой ход вызовет настолько сильное брожение среди их местных сторонников (которые, несомненно, догадаются об истинной причине раскола), что его собственные шансы на победу вряд ли увеличатся. Скорей напротив, они окажутся под угрозой, особенно если вместо Шепперда выдвинут другого кандидата, все равно — консерватора или либерала. Но более всего Фицрой возмутился (зная его характер, этого следовало ожидать) тем, что Шепперд дезертировал и, поступив нелояльно, «перемывал грязное белье на людях». В тот же вечер Фицрой, выступая перед избирателями в Дареме, подчеркнул именно эти стороны поведения Шепперда. Он назвал его поступок «позорным дезертирством», «событием, не имеющим прецедента в анналах предвыборной борьбы». На следующий день мистер Шепперд прочел отчет об этом выступлении в местных газетах.

Тут-то по-настоящему и заварилась каша. Последовал длительный обмен письмами.

Шепперд обвинил Фицроя в публичной попытке очернить его, и категорически потребовал, чтобы тот сообщил, действительно ли были употреблены слова, которые упомянуты в газете.

Фицрой ответил: да, он употребил эти слова, и считает, что отказ Шепперда баллотироваться задел его честь. По правде говоря, почему он считал задетой свою честь, в данном случае было так же трудно сказать, как и тогда, когда он предъявил подобное обвинение Дарвину, упрекнувшему

его в легковерии, с которым Фицрой отнесся к словам рабов в присутствии их хозяина. Но Фицрой был искрен. Стоило ему заподозрить, что ставится под сомнение его слово джентльмена, как он впадал в страшную ярость.

К сожалению, то же самое происходило и с мистером Шеппердом. Видимо, оба были типичными представителями своего времени. Упоминание слова «честь» привело к весьма печальным последствиям. Шепперд немедленно нашел секунданта, подполковника Прингла Тейлора, который выяснив, что секундантом Фицроя будет некий майор Чипчейз, тут же написал ему, прося указать время и место, где противники смогут «уладить разногласия». Дни, когда аристократия решала споры дуэлью, тогда еще не миновали. Второй дядя Фицроя, Каслри, прежний лорд Лондондерри, умерший за девятнадцать лет до того, дважды дрался на дуэли, в 1829 году в дуэли участвовал герцог Веллингтонский, и не прошло еще и года, как лорд Кардиган тяжело ранил своего противника на дуэли и был признан судом (который вершили равные ему по положению) невиновным в преступлении.

И тут произошло недоразумение, вызванное, возможно, подсознательным желанием обеих сторон смотреть на это дело не слишком серьезно. Фицрой и его секундант поняли, что встреча состоится в Йорке, а Шепперд и его секундант решили, что в Лондоне. Оба, и Фицрой, и Шепперд, как ни надуманна была вся их затея, как ни хотелось враждующим сторонам покончить дело миром, являлись, во всяком случае в тот момент, общественными фигурами, и оба боялись попасть в ложное положение и быть обвиненными в том, что они уклонились от дуэли и тем запятнали свою честь. В дальнейшем, по мере того как переписка между ними становилась все враждебнее и ожесточеннее, они все чаще напоминали друг другу об этом недоразумении и обвиняли один другого в нарушении слова.

Однако на данном этапе их ссора была почти улажена. В Лондоне произошла поспешная встреча посредника Шепперда, подполковника Прингла Тейлора, и Фицроя, за которой последовало в общем примирительное письмо Тейлора к Фицрою, где тот, правда, заявлял, будто капитан безосновательно приписывал своему противнику такой тяжкий грех, как сговор с чартистами, и вообще «поставил молодого человека в очень тяжелое положение».

Фицрой немедленно ответил ему. Он признавал, что был не прав в вопросе о чартистах. Но что касается остального, у него также достаточно оснований для недовольства. «Разве я сам не оказался в крайне тяжелом положении? Разве я не был выставлен на всеобщее порицание и подвергнут всяческим подозрениям? Разве мы не рисковали из-за этого потерять оба места в парламенте? И помимо всего,— что я должен был чувствовать, читая столь несправедливые обвинения по адресу близкого и дорогого мне человека?» А что касается ссылки на молодость Шепперда, то «мне тридцать шесть, я всего на десять лет старше его, и у меня есть жена и ребенок, а у него нет». Все же письмо кончалось словами: «я не злопамятен» и просьбой, хотя и не очень любезной, прекратить это дело.

И оно вполне могло быть прекращено, так как Приггл Тейлор проявил себя очень благоразумным человеком. Но к этому времени ему пришлось отказаться от роли посредника Шепперда, так как его призывали другие дела, и его заменил более молодой и неопытный человек, штатский, по имени Стенли.

Между враждующими сторонами вновь начались переговоры. Видимо, оба молодых человека, и Шепперд и Стенли, были весьма щепетильны в вопросах чести, но не очень уверены в себе, и поэтому опасались, как бы их не поставили в ложное положение. Они явились с визитом к майору Чипчейзу, посреднику Фицроя, и потребовали, чтобы Фицрой принес свои извинения. Ответом им был отказ.

Тогда Шепперд подумал, не нарушил ли он правила, участвуя в переговорах посредников. Он решил предпринять еще одну попытку: послал Стенли с «дипломатической нотой» от посредника к посреднику, суть которой была: мистер Шепперд сожалеет о случившемся... постарайтесь, чтобы Фицрой тоже выразил свои сожаления.

Чипчейз и Фицрой жили в Дареме в одном отеле. Получив из рук Стенли это письмо, Чипчейз совершил оплошность, которой Шепперд благоразумно постарался избежать: он пригласил к себе в номер Фицроя. Втроем они сели за стол, им подали вино.

Стенли оказался сговорчивым. Он даже признал «в тесном кругу», что Шепперда сбили с пути «уркхартианцы». Ввиду всего этого Фицрой не сходя с места написал письмо, где в соответствующей форме принес свои извинения.

Поскольку мистер Шепперд просил у него прощения (что он тут же процитировал слово в слово), Фицрой признал, что «его собственные выражения, допущенные им двадцать второго числа предыдущего месяца, были сильнее, чем следовало». После взаимных изъяснений дружеских чувств, мистер Стенли отбыл восвояси, увозя это письмо. Теперь-то уж все должно было окончиться миром.

Однако Шепперд, терзаемый подозрениями, отправил Стенли обратно с требованием получить извинения в более конкретной форме, а также договориться о том, что с этого времени их переписка будет печататься в газетах. Стенли вернулся с письмом Фицроя, который вновь просил извинить его за резкость, но категорически настаивал, чтобы ни одна строка из их писем не была опубликована.

Подозрения Шепперда разгорелись еще сильнее. Забыв, что он и сам допустил раньше подобное нарушение правил, а возможно, именно потому настаивая на их неукоснительном выполнении, он обвинил Фицроя в участии в переговорах посредников и «подкупе» его молодого и неопытного помощника. Эта дружеская обстановка! Это вино на столе! Да там была настоящая «попойка».

С этого момента положение вещей стало быстро ухудшаться. Шепперд написал Фицрою, что, если тот не согласен послать в даремские газеты совместное письмо, из которого читателям станет ясно, что они соответствующим образом объяснились между собой и Фицрой перед ним извинился, он, Шепперд, опубликует всю их переписку. Фицрой отказался выполнить это требование. Мистер Стенли, заявил он, обещал, что ни одно письмо не будет предано огласке. Стенли не только это отрицал, но добавил, что частных извинений за нанесенное публично оскорбление мало. Посредник Фицроя Чипчейз ответил на это письмо буквально в таких словах: «печатайте и черт с вами», но предупредил, что, если Шепперд напечатает свою версию этой истории, Фицрой сделает то же самое. Затем добавил, что слагает с себя обязанности посредника: инцидент исчерпан.

Шепперд, естественно, так не считал. Поскольку оба прежних посредника ушли, он чувствовал себя вправе самолично написать Фицрою. Это было очень язвительное письмо, письмо человека, вставшего в ярость от того, что его поставили в положение, из которого нельзя выйти с честью. Мало того, писал он, что Фицрой не явился на

место дуэли и не дал ему удовлетворения, мало того, что он подпоил мистера Стенли, он же намеренно оттягивал исход дела. Если теперь и опубликовать их переписку, она никого не заинтересует. Говоря без обиняков, Фицрой поставил его в положение человека, который молча сносит оскорбления. Поэтому он в последний раз требует: или Фицрой приносит ему совершенно точно и недвусмысленно сформулированные извинения, или же «встреча».

Фицрой ответил, что обвинять его в том, будто вопрос решался «за чашей вина», нелепо, что на условленное место не явился сам Шепперд, а не он, и что говорить больше не о чем.

Ответ Шепперда звучал истерически. Он заявил — ничего другого ему не оставалось, — что Фицрой «лгун и клеветник», что вести себя так может лишь «трус и мошенник», и он, Шепперд, постарается довести это до всеобщего сведения. Друзья посоветовали Фицрою пропустить его угрозу мимо ушей.

Двадцать пятого августа, через два месяца после того, как Шепперд снял свою кандидатуру, и через две недели после того, как закончились выборы и Фицрой благополучно прошел в парламент, наступила развязка всей этой истории. Два ее основных участника встретились в Сент-Джеймс-парке у дверей военно-морского клуба. Шепперд, очевидно, подстерегавший там Фицроя, чтобы друзья капитана и его приятели-офицеры стали свидетелями последующей сцены, подошел к нему, размахивая хлыстом, и во всеуслышание заявил: «Капитан Фицрой! Я не дотронуся до вас. Но считайте, что вас отхлестали!»

У Фицроя не было настроения обращать все в шутку. Он тут же ударил Шепперда зонтиком, затем, бросив зонтик, схватил его за шиворот. Началась потасовка, Шепперд упал. Друг Шепперда крикнул Фицрою: «Не бейте его, капитан, лежачего не бьют!» И Фицрой отошел.

Этот эпизод не делает чести Фицрою. Вряд ли он пошел ему на пользу, разве что сделал героем в глазах желчных старых генералов и адмиралов, которые, верно, прошамкали: «Так ему и надо, этому типу». Последовали длинные оправдательные письма в газеты, в том числе письмо от вернувшегося подполковника Прингла Тейлора, которое так задело Фицроя, что он послал вызов ему самому. Прингл Тейлор ответил, что не намерен принимать вызов человека, которого с полным основанием назвали

лгуном, клеветником, трусом и мошенником, хотя охотно предложил бы Фицрою руку помощи, чтобы он «вновь по праву смог называться джентльменом». Фицрою опять посоветовали не предпринимать никаких шагов, и ему оставалось лишь кипеть от злости. Вряд ли все это улучшило его настроение.

Оба, и Фицрой и Шепперд, опубликовали разъяснения по поводу своей распри, и нужно признать, что оба показали себя при этом разумными и справедливыми людьми. Фицрой, обожавший заниматься самобичеванием, не забыл ни одной мелочи, которая могла бы представить его в наилучшем свете.

«Благословение» мистера Гладстона

Член парламента мог быть посредственностью, как отец Фицроя, вполне довольный своим скромным вкладом в политику. Но если он стремился сделать карьеру, у него были к тому все возможности. Нетрудно заметить, что, когда Фицрой говорит о своей родне, почти всегда речь идет о Лондондерри, то есть о родственниках со стороны матери, Каслри, поэтому не приходится сомневаться в том, какой путь указывали ему честолюбивые мечты.

Перед Робертом Фицроем лежало широкое поле деятельности, но его слишком шумное, чтобы не сказать скандальное, вступление в парламента могло с самого начала ему повредить. К тому же манеры, которые приемлемы на шканцах, не всегда хороши в парламенте — если «угощать» членов парламента слишком «горячим кофе», это, естественно, приводит к нежелательным результатам.

Судя по всему, какое-то время Фицрой был в довольно затруднительном положении: из-за принесшей ему печальную славу ссоры с Шеппердом ему был оказан в парламенте очень холодный прием. Некий мистер Роубек, депутат от Бата, обвинил двух кандидатов-консерваторов от Ридинга в том, что во время предварительной кампании они «вступили в соглашение». Фицрой, не побоявшись взять быка за рога, спросил, считает ли мистер Роубек, что это обвинение затрагивает и его, Фицроя, и тот ясно и определенно ответил: «Да». Однако дело кончилось ничем; говорить, что Фицрой и Шепперд вошли в «соглашение», было слишком большой натяжкой.

Что касается второй подстерегавшей его опасности — держать себя в палате, как на шканцах, то ее Фицрой счастливо избежал. Филантроп и потомственный тори, он вскоре занял заслуженное место в парламенте, где царил прогрессивный консерватизм Пилля¹, и со знанием дела выступал по тем вопросам, которые были близки его интересам и жизненному опыту: колонизация, закон о бедных, вооружение военно-морского флота, портовые сооружения и тому подобное. Однако, как и следовало ожидать, он был не очень почитителен с высокопоставленными лицами, или, вернее, не испытывал перед ними страха. Один раз он открыл огонь по своим, задав дерзкий вопрос министру колоний лорду Стенли (позднее, уже став лордом Дарби, тот сделался премьер-министром и «хозяином» Фицроя). В другой раз осмелился поднять на смех депутата от Стокпорта, который был не кто иной, как Ричард Кобден.²

Не прошло и года после избрания Фицроя, как он получил два назначения, открывавшие перед ним именно те перспективы, которых он ждал, и именно в той сфере деятельности, где он был компетентен. Поэтому он охотно их принял. Нужно подчеркнуть, что оба предложенных ему поста представляли куда больше интереса для потенциального филантропа, каким был Фицрой, чем для человека, стремящегося сделать карьеру.

Его назначили старейшиной английской лоцманской ассоциации, а также исполняющим обязанности инспектора управления охраны рек и лесов, под надзором которого находилась река Мерси. Фицрой сразу же отправился в инспекционную поездку по этой важной для судоходства реке и поднялся по ней чуть не до истока. Результатом этого явился доклад на восьми страницах, в котором были четко сформулированы основные проблемы, касающиеся особенностей течения этой реки и влияния прилива и отлива, а также предложены практические меры для уменьшения эрозии берегов.

Для Фицроя было очень существенно, что обе новые обязанности помогли укрепить его статус специалиста по вопросам, связанным с морем, а также, без сомнения, спо-

---

¹ Роберт Пиль (1788—1850) — английский государственный деятель, возглавлял группу так называемых умеренных тори.— *Прим. пер.*

² Ричард Кобден (1804—1865) — английский политический деятель и экономист.— *Прим. пер.*

собствовали встречам с интересными ему людьми. Он испросил и получил разрешение внести законопроект об „обязательном экзамене для лиц, желающих занять должность капитана и помощника капитана на торговом судне“, а двадцать восьмого июля 1842 года, через три недели после того, как ему исполнилось тридцать семь лет, Фицрой выступил в парламенте с речью по этому вопросу.

Это была хорошая речь, речь человека, сведущего в том, о чем он говорит, и заботящегося о благе своих ближних. Вкратце она сводилась к следующему.

Сперва Фицрой напомнил депутатам о существующем положении вещей. Во время наполеоновских войн английские пассажирские, торговые и промысловые суда ходили караванами в сопровождении эскорта военных кораблей, или по крайней мере, по два-три судна вместе, но теперь они стали ходить в одиночку. В торговом флоте насчитывалось двадцать тысяч судов, многие из них водоизмещением свыше пятидесяти тонн. Они плавали во все самые отдаленные уголки земного шара. Однако никакой проверки, достаточно ли квалифицированные люди управляют этими судами, нет.

То, что он собирается предложить палате, уже в течение долгого времени подготавливали эксперты в морском деле согласно рекомендациям, данным еще в 1813 году комиссией, занимавшейся расследованием причин кораблекрушений. Следует также напомнить distinguished депутатам, что от навигаторского искусства капитана зависит длительность плавания, а на пассажирском судне в открытом море и судьба пассажиров. Он, Фицрой, помнит, как однажды встретил в Тихом океане рыболовецкое судно, на несколько градусов сошедшее с курса, и как капитан заявил, что его интересует не курс корабля, а рыба.

Фицрой предлагал учредить во всех крупных английских портах постоянные квалификационные комиссии, правомочные давать специальные аттестаты, и вменить в обязанность всем капитанам торгового флота и их помощникам получение таких аттестатов. Затем шли указания насчет компетенции самих экзаменаторов, платы за экзамен и вознаграждения экзаменаторам, хотя, по мнению Фицроя, последние могли бы довольствоваться тем, что назначение на этот пост поднимает их престиж.

В заключение Фицрой сказал, что, внося на обсуждение этот законопроект, не надеется на его утверждение на па-

стоящей сессии парламента и лишь просит, чтобы его отпечатали и разослали депутатам во время перерыва в занятиях, так как это „даст возможность собрать все возражения, которые будут выдвинуты“. Когда Фицрой окончил, поднялся министр внешней торговли мистер Гладстон и, выразив удовлетворение разумными мерами, предложенными в законопроекте, дал ему официальное «благодарственное».

В результате в 1845 году была введена система, при которой аттестацию проходили по собственному желанию, и лишь в 1850 году согласно закону о торговом флоте получение аттестатов сделалось обязательным.

Парламентская деятельность не принесла Фицрою никаких конкретных выгод, однако упрочила его хорошую репутацию. Прежде чем весной 1845 года он получил назначение, которое положило конец его парламентской карьере и открыло перед ним новое поприще, Фицрою была поручена еще одна довольно неожиданная миссия, за что он должен был благодарить адмиралтейство. Учитывая компетенцию Фицроя во всех вопросах, связанных с морем, его аристократическое происхождение и личное обаяние, не приходится удивляться, что выбор лордов адмиралтейства пал именно на него. В Портсмут прибыл австрийский эрцгерцог Фридрих, и, пока ремонтировался его корабль, ему демонстрировали морскую и военную мощь Британии, а также ее промышленное могущество. Фицрой должен был сопровождать эрцгерцога в поездке по стране. В «Таймс», с третьего октября по девятнадцатое декабря 1842 года восемь раз сообщавшей о том, где был и что видел эрцгерцог, Фицрой упоминается в качестве «адъютанта и переводчика». Однако маловероятно, чтобы Фицрой знал немецкий язык. Он довольно неплохо владел испанским, о чем можно судить по его Отчету. Возможно, эрцгерцог, путешествовавший по всей Священной Римской империи, также знал испанский; однако известно, что обедню для него служил немецкий священник. Поэтому второй титул, данный «Таймс» Фицрою, остается под вопросом. А вот в качестве адъютанта ему, бесспорно, дела хватило.

Прежде всего эрцгерцог поспешил в Инвернесс, где накупил кустарных тканей и старинного оружия, как любой другой турист. Затем поехал в Глазго, а откуда отправился морем в Ливерпуль. Оттуда поездом в Манчестер

и обратно. Мимолетный взгляд на Честер и границу с Уэльсом. Затем Бирмингэм. Два дня в Оксфорде. Лондон. Брайтон. Портсмут. Естественно, он устраивал приемы или посещал приемы, устроенные в его честь именитыми людьми, в том числе премьер-министром и герцогом Веллингтонским. В Лондоне он побывал в политехникуме, на китайской выставке, а также в фотографическом ателье мистера Бэрда, где сфотографировался со всей свитой, причем «весьма заинтересовался процессом съемки и был поражен верностью изображения». После этого он перешел к более серьезным делам и, сопровождаемый старшими морскими офицерами, осмотрел верфи в Вулвиче, Арсенал, присутствовал на морских стрельбах и военных парадах. Затем нанес визит вежливости вдовствующей королеве на острове Уайт и завершил все инспекционными посещениями военно-морских судов. Двадцать первого декабря эрцгерцог отбыл на своем корабле, приведенном к тому времени в полный порядок, держа курс в Средиземное море. Фигурой, должно быть, чувствовал, что вполне заслужил право провести рождество в лоне семьи.

Трудное рождение колонии

Про министра колоний лорда Стенли говорили, что он никогда не торопится определять нового человека на освободившуюся должность, и, когда в 1842 году умер первый губернатор Новой Зеландии капитан Добсон, лорд Стенли не изменил своим привычкам.

Однако, когда он наконец принял решение и назначил на пост генерал-губернатора Роберта Фигурю, это представляется нам вполне естественным. Во время пребывания в парламенте Фигуря проявлял интерес к колониальным делам. Возвратившись из второго плавания, он докладывал специальной комиссии палаты общин об обстановке в Новой Зеландии. Он принадлежал к тому классу, откуда принято было выбирать губернаторов, к тому же был моряк, и он не получил достойной награды за труды в качестве мореплавателя и гидрографа, хотя его заслуги в этой области не подвергались сомнению. Притом к Фигурю благоволил секретарь английского Миссионерского общества, пользовавшийся тогда влиянием в министерстве колоний.

А вот Фицрой мог бы и призадуматься, принимать ему этот пост или нет. Однако ничто не указывает нам на какие бы то ни было колебания с его стороны. Его собственные письма и письма жены, посланные с дороги, дышат безмятежной бодростью и верой в свое предназначение. А ведь всякому, кто посвятит хотя бы пять минут знакомству с книгами и документами той поры, говорящими о положении в Новой Зеландии, станет ясно, что пост губернатора, ждавший Фицроя, отнюдь не был синекурой, и ему меньше всего предстояло развлекаться и устраивать приемы.

Чтобы лучше понять проблемы, стоявшие перед Фицроем, нужно немного вспомнить историю Новой Зеландии. В 1843 году острова-близнецы были очень молодой колонией, сильно страдавшей от болезней роста, вернее, даже не столько от болезней роста, сколько от того, что ее далекие «родители» совершенно пренебрегали своими обязанностями, а ближайшие соседи проявляли к ней усиленное и далеко не бескорыстное внимание.

Маори показали себя храбрыми и отважными людьми, гордыми и свирепыми; иногда они относились к белым дружески, но гораздо чаще нападали на них из-за угла. В 1772 году французский исследователь Марион дю Фреш был убит туземцами, хуже того — съеден; так весь мир узнал, что маори — людоеды. Поэтому, несмотря на открытия Тасмана и Кука, ни одна европейская страна не стремилась колонизовать Новую Зеландию.

Однако, когда стало известно, что в водах, омывающих Новую Зеландию, много тюленей и китов, жажда наживы превысила страх. Репутация туземцев помешала сделать страну местом ссылки. Из Порт-Джексона, бурно развивавшегося в то время торгового центра Австралии (расположенного поблизости от современного Сиднея, в местности, известной теперь как Ботани-Бей), который находился не так уж далеко от Новой Зеландии, сюда устремились люди, готовые на все ради богатства.

Тюлений и китобойный промысел стал развиваться бурными темпами. От людей, занятых в нем, требовались выносливость и жестокость, они и были выносливыми и подчас жестокими. Между белыми и маори завязывались более тесные связи, и хотя кое-кто из белых по-прежнему умирал насильственной смертью, число тех, кто становился «пахека маори», росло, они брали в жепы туземок и оседа-

ли здесь навсегда. Возле залива Айлендс на северной оконечности более густо заселенного Северного острова, где белые и туземцы нашли удобные для обеих сторон формы сосуществования, выросло небольшое поселение Корорарека, произведшее такое тяжелое впечатление на Фицроя и Дарвина. Как выразился один современник этих событий, «используя преимущества белого человека перед дикарем», первые поселенцы сумели сделать свое влияние в стране вполне ощутимым, и это влияние, хотя далеко не всегда хорошее, «в какой-то мере помогло,— как заметил другой комментатор,— сгладить острые углы варварства, помогло проложить дорогу для тех, кто принес нечто лучшее, чем могли дать они сами».

«Нечто лучшее» было принесено, по его мнению, миссионерами англиканской церкви, хотя вначале они, бесспорно, совершали ошибки и в течение какого-то периода страна находилась в худшем состоянии, чем прежде. Первым новозеландским миссионером стал Самуэл Мэрсден, приехавший из Австралии, где он был капелланом в колонии ссыльных возле Порт-Джексона. Его приезд задержался по настоянию австралийских властей, так как в Новой Зеландии произошел ужасный инцидент: вооруженные туземцы, пылая жаждой мести за преступление, о котором их несчастные жертвы не имели никакого понятия, напали на стоявший на якоре корабль «Бойд» и перебили всю команду и пассажиров, не пощадив ни женщин, ни детей. Этот инцидент отнюдь не усилил дружбу между белыми и маори в Корорарека, и с того времени их отношения становились все хуже и хуже, как увидел в дальнейшем Фицрой.

Мэрсден не взял с собой в Новую Зеландию ни одного священника и направил свои усилия главным образом на то, чтобы научить туземцев полезным ремеслам, считая это необходимой стадией, предваряющей насаждение христианства. Его практический подход и безусловная храбрость помогли добиться успеха. Правда, нужно сказать, что в одном отношении его успех был даже чрезмерным. Кто-то из взятых им учителей, или «практиков», как он их называл, убедил вождя, с которым был в дружеских отношениях, поехать в Англию и помочь ему в столь похвальном деле, как составление грамматики и словаря языка маори. Этот вождь оказался зловещей личностью, бросившей мрачный свет на историю Новой Зеландии.

Хонги, или Шонги, как его иногда называют, поразил не только барона де Тьерри, о чем мы уже рассказывали, но до какой-то степени и английского короля, с которым держался на равной ноге и от которого получил дорогие подарки. По прибытии в Сидней он обменял их в числе прочего на оружие.

Хонги не был против миссионеров. Его ошибка была в другом — в полном непонимании их миссии. В оружии белых он видел возможность стать неуязвимым и повернуть в свою пользу межплеменную войну — основное занятие вождя каждого племени. Когда, к его удивлению, миссионеры не захотели оказать ему прямую помощь, он использовал их косвенным путем. В результате, в течение восьми лет, до смерти Хонги в 1828 году, он вел весьма успешную войну, и на сторонний взгляд могло показаться, что своим вмешательством миссионеры добились лишь кровопролития, а не братской любви (то самое, в чем их упрекали на Таити).

Положение дошло до критической стадии, когда разразился скандал с торговой шхуной «Элизабет». Знакомство маори с огнестрельным оружием, а также взлет и падение Хонги, этого Наполеона в миниатюре, сумевшего это оружие применить, нарушили равновесие сил среди новозеландских вождей — на острове воцарилась анархия. А белые помогали усилению этой анархии весьма грубыми и прямолинейными методами. Капитан шхуны «Элизабет» вероломно предоставил свой корабль и предложил свои услуги одному вождю, сражавшемуся против другого. Капитан участвовал в военном набеге и был свидетелем пиршества людоедов, во время которого побежденный вождь заколел свою дочь, как это делали римляне, чтобы уберечь ее от участи, которую считал хуже смерти. Благодаря вмешательству Мэрсдена капитан «Элизабет» по прибытии в Новый Южный Уэльс (Австралия) был арестован, но за недостатком улик оправдан.

Этот эпизод затронул совесть Англии. Мэрсден настаивал на том, чтобы в Новую Зеландию был назначен британский представитель. Соперничество Франции, настоящее или воображаемое, сыграло ему на руку. В 1831 году тринадцать маорийских вождей написали английскому королю, что, по слухам, к ним движется «племя страны Марион» (Франция), желая захватить их землю, и что они предпочитают англичан в качестве друзей и защитников.

Примерно в то же время Эдвард Гиббон Вэкфильд, о котором речь впереди, начал свои сенсационные выступления. Он привлекал внимание общественности к тому злу, которое кроется в системе ссылки на поселение, и предлагал разумные меры для пропаганды и поощрения добровольной колонизации дальних стран. В результате в 1833 году в Новую Зеландию был назначен британский уполномоченный, тот самый Джемс Бусби, которого встретил там во время плавания на «Бигле» Фицрой. Это была весьма слабая мера, так как Бусби не имел реальной власти. Естественно, Фицрой был не единственным, кто это заметил, — маори уже успели дать Бусби прозвище «военный корабль без пушек». Незадолго до прибытия «Бигля» Бусби пытался создать конфедерацию племен, и Фицрой пришел тогда к заключению, что он еще больше сбил с толку местных вождей, не понимавших, в чьих же руках истинная сила. Присущая туземцам кровожадность уже несколько смягчилась под влиянием миссионеров. Но на островах-близнецах по-прежнему не существовало настоящей власти, и было ясно, что то время, когда какое-нибудь из европейских правительств захватит ее, — не за горами.

С возникновением на островах французской католической миссии угроза, что власть ускользнет из рук Англии, если та не примет решительных мер, возросла. Католическая миссия не ставила себе определенных политических задач, как пытаются изобразить некоторые французские историки, но, несомненно, ее возникновение не способствовало мирной жизни, если таковая когда-либо существовала в Новой Зеландии. Появление католиков сильно обострило земельный вопрос, который с первых дней колонизации был одним из наиболее щекотливых вопросов: бессемейные католические священники не были заинтересованы в земле, а протестанты, обремененные большим семейством, соответственно стремились завладеть большими земельными участками.

В Новой Зеландии создавалась напряженная обстановка, требующая принятия немедленных решений. Вместе с тем в самой Англии возникла очень активная группа политических идеалистов, возглавляемых вышеупомянутым Эдвардом Гиббоном Вэкфильдом, оказывавшая на британское правительство сильное давление. Вэкфильд, старший сын большой и влиятельной семьи, дал очко вперед барону де Тьерри, похитив одну молодую леди в свои юные годы

и другую, когда ему было уже тридцать лет. Однако, помимо романтической восторженности и склонности выступать на первых ролях, между ним и де Тьерри нет ничего общего. Вэкфильд был куда более крупной фигурой. К 1840 году, когда ему исполнилось сорок пять лет, он стал признанным специалистом по вопросу о колониальной эмиграции, с чьим мнением, правилось оно или нет, не могли не считаться, страстным проповедником новой по тем временам идеи, что земли, которые Англия «по рассеянности» взяла под свою эгиду, следует заселять лучшими гражданами метрополии, борцом против эгоистического и корыстного использования этих территорий в качестве свалки для отбросов общества.

При всем своем радикализме и идеализме, Вэкфильд не был свободен от шовинистических и реакционных взглядов: Он мечтал создать на новых землях плановое, образцовое хозяйство. Это должно было быть капиталистическое хозяйство, и уж, конечно, руководить им должны были белые, точнее, белые господа, на которых трудились бы и белые бедняки и черные. Он не забыл о маори. Им оставалась одна десятая часть земли, конечно, в том случае, если «туземцы смогут выжить при контакте с белыми цивилизованными людьми». Нечего удивляться, что миссионеры с самого начала относились к Вэкфильду и его последователям с подозрением. Им не по душе была аннексия Новой Зеландии, независимо от того, кто ее проводил — Британия или другая страна.

Э. Г. Вэкфильд был человеком нетерпеливым, а английское правительство не слишком спешило, во всяком случае, когда дело касалось колониальной экспансии. Естественно, Вэкфильд начал действовать первым, причем достаточно опрометчиво. Превратив Новозеландскую ассоциацию в акционерную компанию, Вэкфильд раздобыл деньги, частично от продажи будущим поселенцам земли, которая еще ему не принадлежала, снарядил корабль с соответствующим именем «Тори» и в мае 1839 года, не медля, так как боялся, что правительство может ему помешать, отправил «Тори» в Новую Зеландию. На борту корабля были брат и единственный сын Вэкфильда, которые должны были подготовить все к приему первой волны переселенцев.

Капитаном «Тори» оказался по случайному стечению обстоятельств бывший штурман «Бигля».

Этот шаг Вэкфильда вынудил английское правительство принять срочные меры. Оно заявило, что к Новому Южному Уэльсу присоединяются те участки территории Новой Зеландии, которые английские граждане приобретут у коренного населения; тем самым была официально признана независимость маори. В Новую Зеландию был назначен губернатор провинции в лице Вильяма Хобсона, бывшего капитана военно-морского флота (Хобсон служил раньше в Океании и проявлял, подобно Фицрою, большой интерес к Новой Зеландии).

Хобсон приступил к своим обязанностям в январе 1840 года. Он получил указание убедить вождей маори признать британский суверенитет, причем основным доводом в пользу этого служило то, что на их земле живут поселенцы, «не несущие ответственности ни перед какими судебными органами». Фраза эта, не очень льстящая английским колонистам, показывала, что английское правительство реалистически смотрело на вещи и что не только Фицрой был невысокого мнения о первых белых жителях Новой Зеландии. Хобсон был также уполномочен проверить все купчие на землю и в дальнейшем контролировать заключение сделок по купле-продаже земли.

Словно предчувствуя, что ему осталось прожить меньше трех лет, капитан Хобсон сразу взялся за дело. Пятого февраля, всего через неделю после приезда, он собрал большой совет на площади перед домом Бусби в Вайтанги, на заливе Айлендс. Присутствовали все вожди, а также главы двух соперничающих миссий — миссионер католической миссии епископ Монпелье и тот бывший военно-морской капитан Генри Уильямс, которого Фицрой, к его сожалению, так и не удалось повидать в первый приезд. Было прочитано послание королевы, затем последовали длительные и горячие переговоры между вождями, закончившиеся победой — отнюдь нелегкой — тех, кто стоял на стороне белых. Вернее сказать, тех, кто предпочитал законную власть белых беззаконию и темным сделкам. Был подписан пресловутый Вайтангский договор.

Такой была первая победа Хобсона, но победа эта мало ему дала. На практике договор никого не удовлетворил. Он великодушно предоставил маори защиту королевы и «все права и привилегии британских подданных» — фразу, которую Фицрой, став губернатором, никогда не забывал. Это было хорошо. Хорошо, во всяком случае на первый

взгляд, было и то, что вождям, согласившимся признать суверенитет Великобритании, обещали не оспаривать у них права на землю. Но тут-то и была загвоздка. Вожди могли, если хотели, продавать землю, но... не частным гражданам, а государству. Это вызвало недовольство белых — и земельных спекулянтов, находившихся в Корорареке, и переселенцев, и тех, кто еще собирался ехать сюда, поскольку ставило под угрозу их земельные сделки, существовавшие пока лишь на бумаге. Туземцы, ревниво оберегавшие свои владения и с большой осторожностью продававшие землю, прекрасно знали ей цену и вряд ли обрадовались, когда их лишили возможности пускать ее на открытый рынок. Они имели два основания быть недовольными договором, хотя, казалось бы, одно исключало другое: с одной стороны, они не получили достаточной защиты от белых, стремившихся захватить их владения, с другой — им мешали распоряжаться собственным добром. Так или иначе, вопреки ожиданиям, они почти перестали продавать землю. Капитан Хобсон оказался в незавидном положении. За три года губернаторства Хобсона обстановка создалась катастрофическая. Начнем с того, что за спиной губернатора не было настоящих вооруженных сил: прибыл он в сопровождении четырех конных констеблей, а число английских солдат, которых он мог выставить, не превышало сотни. Подданные Соединенных Штатов, составлявшие значительную часть китобоев и охотников за тюленями, отказывались его признавать, капитан французского военного судна, зашедшего в новозеландские воды, демонстративно «забыл» нанести ему визит, а вместе с тем всячески добивался расположения полностью дискредитировавшего себя барона де Тьерри. Что касается английских поселенцев, то, вместо того чтобы объединиться в связи со все растущим недовольством маори, они поступили как раз наоборот. Пока главы обеих миссий, склонные все же признать власть губернатора как меньшее из двух зол, с огорчением, но совершенно пассивно наблюдали за происходящим, между группой правительственных чиновников и все растущим числом эмигрантов, то есть между сторонниками Хобсона и сторонниками Вэкфильда, вражда становилась все сильнее.

По приезде в Новую Зеландию брат Вэкфильда, полковник Вильям Вэкфильд, и его сын Джернингем поспешили, естественно, купить землю, чтобы удовлетворить

взятые на себя обязательства. Они приобрели огромную территорию, занимавшую тысячи акров, которая простиралась от моря до гор, вершины которых были видны с палубы «Тори», где совершалась эта необычная сделка. Расплачивались они товарами, извлеченными из трюма, как только обе стороны пришли к соглашению.

Вскоре стал прибывать один корабль за другим. На переселенцев жалко было смотреть. Долгое плавание под парусами на другой конец земного шара было тяжелым испытанием, а порой оборачивалось трагедией. Многие заболели в пути, некоторые так никогда и не увидели новую родину. Стремясь уйти от экономической депрессии у себя на родине, они вновь встретились с депрессией в Новой Зеландии. А самое главное — они оказались в стране, совершенно не подготовленной к их приему.

Корабли пристали в проливе Кука между двумя островами, Северным и Южным, и в заливе Тасмана, и эмигранты, проявляя немало мужества, стали строить поселения (впоследствии получившие имена Веллингтон, Нельсон и Нью-Плимут), им на первых порах помогали туземцы.

Но где были те земли, ради которых они пустились в долгий и тяжкий путь? Возникла новая проблема, новая задержка. Хобсон, согласно полученным инструкциям, назначил специального уполномоченного, в обязанности которого входило проверить все уже совершенные сделки по покупке земли. Этот теоретически оправданный шаг на практике привел к проволочкам в весьма трудный момент. Хобсон вызвал раздражение вновь прибывших еще одной акцией. Он основал административную столицу Новой Зеландии в Окленде, на Северном острове, где жила большая часть маори, неподалеку от Корорарека, заселенного первыми белыми колонистами. Переселенцы приняли это как личное оскорбление.

Хобсон умер от удара десятого сентября 1842 года. Его обязанности временно взял на себя лейтенант Шортленд. Девять месяцев спустя произошел крайне неприятный инцидент. Само собой разумеется, он был вызван спорами за землю.

В Нельсоне переселенцам постоянно не хватало земли. Второй брат Эдварда Гиббона Вэкфильда, отставной капитан Артур Вэкфильд, делал все возможное, чтобы удовлетворить их нужду. В шестидесяти милях к северо-востоку от Нельсона, в долине Ваирау, была прекрасная земля, и

Артур Вэкфильд был абсолютно уверен, что его брат, полковник Вильям, в свое время ее купил. Земля эта принадлежала двум вождям — Те-Раупераха и Те-Рапгихаэта. Те-Раупераха был тот самый вождь, которому капитан шхуны «Элизабет» в свое время помог совершить предательское нападение на своего врага. Оба вождя были в свою очередь убеждены, что земля эта никогда не продавалась белым.

Артур Вэкфильд послал туда землемеров. Разъяренные маори не давали производить размежевку и в конце концов сожгли хижину, где те жили. Известие об этом дошло до Нельсона, и в долину Вапрау тут же был отряжен констебль с приказом арестовать обоих вождей. Вместе с ним отправился сам Артур Вэкфильд, несколько «джентльменов-добровольцев» и разношерстный, вооруженный чем попало «отряд» из крестьян-переселенцев.

Брат капитана Вэкфильда, полковник, позднее описал в письме домой все, что там произошло. Когда они прибыли к месту происшествия, констебль, отнюдь не великий стратег, попытался силой взять вождей под арест, несмотря на то, что туземцы стояли боевым строем. Неизбежный случайный выстрел вызвал ответный залп со стороны маори, и переселенцы пустились наутек. Констебль поднял белый флаг и потребовал перемирия. Но вожди, хотя и удивленные столь легкой победой, не изменили своим обычаям. Они выстроили оставшихся девятнадцать белых, которых считали теперь своими пленниками, и убили их всех до одного. «Только подумать, — кончал письмо Вэкфильд, — что бедный Артур расстался с жизнью из-за опрометчивого, неопытного человека... Газеты дадут этому событию различную окраску, но то, что я пишу, — неприкрашенная правда».

Однако все газеты единодушно выражали негодование по поводу случившегося. Роберт Фицрой в это время находился на корабле, направлявшемся в Новую Зеландию, где его ждал губернаторский пост. Когда он туда прибыл, негодование это еще не улеглось.

Губернаторство

Роберт Фицрой отбыл в Новую Зеландию восьмого июля 1843 года. Ему только что минуло тридцать восемь лет. С ним была жена, тесть и трое еще совсем маленьких

детей. Новый губернатор плыл не на военном корабле, как когда-то послы, которых сам он, еще мичманом, препровождал в Южную Америку. «Бангалора» была отличным судном, тем не менее на переход от Тор-бея до Сиднея потребовалось пять месяцев. На корабле были и другие, менее высокопоставленные пассажиры, также едущие в новую колонию; один из них оставил впоследствии записки, где упоминалось об услуге, оказанной ему Фицроем; сам Фицрой и его жена нашли переселенцев «довольно приятными» людьми. На корабле была также корова, подаренная зятем Фицроя, чтобы у детей было в пути молоко. Плавание затянулось, так как корабль зашел в Баию (Бразилия), чтобы пополнить продовольственные запасы. «Можете представить,— писал Фицрой своему зятю (Джорджу Райс-Тревору, женатому на сестре Фицроя, Фанни),— как рады мы с миссис Роберт». Она — тому, что увидела тропический порт, где в свое время побывал «Бигль», он — тому, что смог показать ей этот порт. На этом и кончились их развлечения. Фицрой, получивший от министерства колоний документы, касающиеся положения в Новой Зеландии, и экземпляры новозеландских газет, понимал, что его ждет. «Трудно сказать,— писал он с дороги Кингу,— что мне предстоит. Мы с женой едем туда по доброй воле, уповая на всевышнего и горя желанием принести пользу коренным новозеландцам. Не думаю, что с ними возникнут какие-нибудь затруднения, зато от белых я не жду ничего хорошего».

«Бедный Фицрой!» Теперь этот эпитет делается все более и более уместным. Дарвин употребил его, говоря о своих отношениях с Фицроем в тот период, который окончился отъездом в Новую Зеландию. Капитан Кинг в письме их общему другу, отправленном вскоре после окончания новозеландской эпопеи, пишет: «Бедняга, он оказался жертвой принципов. Я не знаю человека, который был бы в такой мере преисполнен благих намерений, но... он слишком твердо усвоил, что дважды два — четыре, и не умеет применяться к обстоятельствам». Возможно, капитанам парусных судов вообще не свойственно применяться к обстоятельствам, а если бы они это делали — неизвестно, были бы они хорошими капитанами. Хобсон на посту губернатора также не проявлял чрезмерной уступчивости. А что до «дважды два — четыре», то Кинг, видимо, намекал на некоторую, по его мнению, ограниченность и пря-

молинейность Фицроя. Но он, по крайней мере, не вторит Дарвину, раздраженно заметившему, что капитан всегда все видит в ложном свете.

Исторikki по-разному оценивают губернаторство Фицроя, однако все сходится на одном: ситуация, сложившаяся к тому времени в Новой Зеландии, была крайне сложной — он столкнулся с почти неразрешимыми трудностями. Вильям Гизборн, славившийся справедливостью, так выразил свое мнение о Фицрое (и нельзя сказать, что оно звучит слишком доброжелательно или оптимистично): «Даже если бы капитан Фицрой имел очень большие административные способности, вероятнее всего, при создавшихся обстоятельствах он потерпел бы крах, а при его характере крах этот был неминуем».

Современники также редко отзывались о Фицрое доброжелательно, а часто были и несправедливы к нему. Чему тут удивляться: еще до приезда Фицроя в Новой Зеландии кипели страсти, и, когда он вступал в должность, они далеко не улеглись. К тому же в новой колонии уже успел закрепиться обычай во всем винить губернатора — добрый колониальный способ борьбы с автократией. Больше всего о губернаторстве Фицроя мы узнаем от двух людей — Артура С. Томсона, майора медицинской службы пятьдесят восьмого пехотного полка, переведенного в Новую Зеландию из Сиднея в 1845 году, и Эдварда Джернингема Вэкфильда, прибывшего вместе со своим дядей на «Тори». Томсон старается быть объективным, хотя и не очень усердно, поскольку избрал для себя позицию снисходительного и насмешливого стороннего наблюдателя. Вэкфильд пылает гневом и не пытается это скрыть. Надо признать, у него были основания сердиться.

Кроме того, мы располагаем письмами миссис Фицрой, адресованными сестре мужа, Фанни; естественно, что она на все смотрела глазами Роберта Фицроя. Мэри Фицрой заслужила репутацию хорошей губернаторши. Ей, должно быть, приходилось не легче, чем мужу, хотя и в ином плане, но письма ее пронизаны наивным и благочестивым оптимизмом.

В первом письме Мэри Фицрой, отправленном через две недели после прибытия, спокойно говорится о «параде почтенных дам», ожидавших их на пристани Окленда. Майор Томсон даст об этом событии совсем иной и куда более иронический отчет:

«В декабре 1843 года капитан Фицрой прибыл в Окленд, и его высадка имела невероятно смехотворный характер.

Встречавших возглавлял некий джентльмен из туземного ведомства; он нес шест, увенчанный короной из кудели, на котором развевался новозеландский флаг. Взволнованный торжественной встречей, капитан Фицрой, ступив на берег, вскричал: «Я приехал в эту страну, чтобы отдать все свои силы ей на благо». Толпа, состоящая человек из пятидесяти, ответила на это доблестное заявление громким «ура», и офицер почетного караула скомандовал: «Быстрый марш». Мальчишки-барабанщики и флейтист немедленно грянули «Короля каннибальских островов», и под эту «подходящую» мелодию их превосходительство проследовали в губернаторский дом.

Нет сомнения, что проезд Хобсона можно было высмеять таким же образом. Но обратимся вновь к письмам Мэри Фицрой.

Они приехали двадцать третьего декабря, в субботу, так что воскресенье и рождество помешали Фицрою сразу приступить к делам.

«Оба дня подряд мы ходили в церковь и приносили горячую благодарственную молитву тому, чья ограждающая десница благополучно привела нас к этим берегам... Не могу сказать Вам, каким бальзамом для души была превосходная служба, куда лучшая даже, чем в Англии: здесь очень хороший пастор».

Мы слышим слово похвалы по адресу незадолго до того назначенного епископа Сельвина, крепко сложенного, волевого и ортодоксального по своим взглядам священника.

Затем, пожаловавшись золовке на неудобную планировку губернаторского дома и ужасное состояние, в котором его оставил прежний владелец («по мы все работаем не покладая рук, и теперь дом выглядит вполне уютно»), Мэри, эта любящая жена, переходит к делам, проблемам и здоровью мужа.

«Роберту нравятся его новые обязанности, и он вкладывает в работу всю душу. Встает он в пять часов утра и в девять уже принимает посетителей, при этом совсем не устает, так как заниматься ему приходится самыми разнообразными делами; он прекрасно выглядит и находится в хорошем настроении...

Роберт все это время был очень занят, ведь генеральный секретарь ушел в отставку почти сразу после нашего приезда.

На следующей неделе Роберт отплывает на «Норт Стар» («Северная звезда» — военный фрегат, на котором они прибыли из Сиднея) в Порт-Никольсон и Нельсон. Я надеюсь, что он пробудет в отсутствии не больше шести недель...

На этой неделе у нас состоятся два небольших званых обеда, но вообще-то здесь не приходится говорить о светской жизни, и в этом нет ничего удивительного, когда люди живут так далеко друг от друга и не имеют экипажей. Единственная семья нашего круга живет очень далеко от нас, а кроме них я пока не знаю никого, с кем мы могли бы общаться; правда, среди подчиненных Роберта есть симпатичные люди... Туземцы — очень умная и интересная народность, многие одеваются в европейское платье, и те, кого мы приглашали к обеду и ужину, вели себя безукоризненно... Судя по всему, они прекрасно осознают пользу предпринимаемых губернатором шагов».

Какие трудности, одолевавшие Фицроя со всех сторон, скрываются за этими простыми наивными фразами! Какие взрывы ненависти и предубеждения! Майор Томсон и молодой Джернингем Вэксфильд выражались куда более определенно. Возможно, «небольшие» званые обеды прошли хорошо (хотя маори продемонстрировали не только хорошие манеры, но и не всем приятную остроту ума), но уже на самых первых официальных приемах прозвучали диссонансирующие аккорды, о чем мы узнаем из многих отнюдь не дружеских высказываний, в том числе из писем двух основных критиков Фицроя.

«На следующий день, — писал Томсон, — на приеме у губернатора произошла презабавная сценка. Министерство колоний в Англии дало Фицрою в дорогу для ознакомления подшивку новозеландской газеты «Сазерн Кросс» («Южный Крест»), отличившейся нападками на мистера Шортленда (временно исполнявшего обязанности губернатора). И вот, когда редактора этой газеты представили губернатору, губернатор сказал во всеуслышание, что весьма одобряет принципы «Сазерн Кросс». Эта фраза, равносильная тому, что он назвал бы мистера Шортленда в правительственном бюллетене самонадеянным дураком, заставила генерального секретаря (второй титул мистера Шортленда) немедленно подать в отставку.»

Почему «самонадеянный» — нам не ясно. Но в общем-то критика Томсона справедлива. Лейтенант Шортленд был молод и неопытен, а ему в течение года и трех месяцев пришлось исполнять обязанности губернатора, не имея прав официально назначенного лица, что было на руку только смутьянам. Не получив финансовой поддержки от английского правительства и не сумев взять ссуду в сиднейском банке — Шортленду предлагали ее из пятнадцати процентов, — он пустил в обращение векселя, выписанные на английское казначейство, но ему было отказано в акцепте¹ этих векселей. Через год, умудренный горьким опытом, Фицрой, несомненно, высказал бы ему искреннее сочувствие, вместо того чтобы, хоть и косвенно, осуждать. Но никому не дано заглянуть в будущее. Шортленд был умиотворен назначением на пост губернатора островов Невис и почти сразу же отбыл туда на «Бангалоре», в той же каюте, по словам Мэри Фицрой, в какой Роберт Фицрой плыл в Сидней.

Джернингему Вэкфильду тоже предстояло вскоре покинуть Новую Зеландию, и чуть ли не с позором, но его чувства, вернее гнев, никто не собирался утихомиривать. Фицрой сделал ему публично очень строгий выговор.

Этэ произошло на другом приеме, в Нельсоне, куда, как писала Мэри, Фицрой отправился почти сразу после приезда. Из «приветственного адреса», поднесенного ему во время встречи в Окленде, он ясно понял, что прежде всего необходимо успокоить поселенцев, возмущенных кровавой резней в Ваирау. А Нельсон, естественно, был центром недовольства.

Джернингем Вэкфильд потерял в долине Ваирау родного дядю. И хотя раньше туземцы, а особенно туземки, были ему «по вкусу», после резни в Ваирау Вэкфильд написал против них несколько горячих и совершенно безответственных статей в местные газеты. А вот как он изображает встречу с Фицроем:

«Прием был организован кое-как. Ни часовых, ни констеблей — никакого караула, охраняющего вход в большой зал гостиницы, где остановился губернатор. В зале была толкотня и дэвка: вместе с двумя другими поселенцами меня вытолкнули чуть не под нос его превосходительства.

¹ Согласно произвести платеж по векселю, предъявленному к оплате. — *Прим. пер.*

Он только что кончил благодарить членов депутации от граждан города за поздравительный адрес по поводу его благополучного прибытия. Когда я оказался возле него и смог разобрать, что он говорит, он уже распространялся на другую тему, и по мере того как присутствующим становилась ясна его точка зрения, в зале делалось все тише, шумная толкотня сменилась оцепенением. Он сказал, что все могут рассчитывать на справедливое, и только справедливое отношение с его стороны. Затем в самых суровых выражениях осудил враждебные чувства, проявленные гражданами Веллингтона к местному населению, о чем де можно судить из газетных статей. Он сказал, что, насколько он понимает, повинны в этом молодые и легкомысленные люди, и надеется, что жизненный опыт научит их благоразумию. Он не так давно покинул Англию, и ему известно, как там относятся к эмиграции в Новую Зеландию. Ни один человек не поедет сюда, если не будет уверен в полном взаимопонимании между колонистами и туземцами, а для этого колонисты должны постараться снизить доверие и любовь маори, простить им прежнее и находить оправдание их поступкам, даже если те неправы, — потому лишь, что они аборигены здешних мест».

Заверив всех присутствующих («не обманывайтесь на этот счет»), что он приложит все старания, чтобы защитить туземцев, пока «имеет честь представлять здесь нашу повелительницу — королеву», и с подчеркнутой предупредительностью, как говорит Джеррингем, сказав несколько слов представленным ему вождям маори, Фидрой занялся молодым Вэкфильдом.

«Я поклонился и смешался с толпой, стоящей по другую сторону зала, но тут губернатор окликнул меня по имени. Я подошел и стал перед ним. Нахмурившись, тоном, каким командир фрегата распекает самого младшего из мичманов, он произнес буквально следующие слова: «Когда вы повзрослеете на двадцать лет, вы станете гораздо разумнее и осмотрительнее. Мои слова, обращенные только что ко всем присутствующим, относились в первую очередь к вам. Я крайне недоволен вашими статьями и поступками, направленными против коренных жителей Новой Зеландии. Я еще раз повторяю, что ваше поведение было крайне легкомысленно».

Я был так поражен, что не прерывая выслушал его речь до конца, за что получил незаслуженную похвалу друзей.

Пока он говорил, я глядел на него, не опуская глаз, затем повернулся и не поклонясь вышел из помещения».

Естественно, Джернингем Вэкфильд постарался сделать хорошую мину при плохой игре. Но когда капитан Фицрой «угощал горячим кофе», как выражались офицеры «Бигля», ни один молодой человек не осмелился бы его прервать, и не от удивления, а просто из страха. Понимая, что, пока у власти стоит Фицрой, ему «не смыть позорного пятна со своей репутации», Джернингем покинул Новую Зеландию еще до того, как Фицрой покинул Веллингтон.

В статьях, на которые ссылался Фицрой, Джернингем испустиленно писал о том, что «саксонская кровь поселенцев кипит от нанесенных обид и утолить их гнев может лишь полное истребление маори (численно превосходящих белых в сто раз), которых следует «раздавить как осу латной перчаткой цивилизации». Неудивительно, что Фицрой считал своим долгом «раздавить» самого Джернингема Вэкфильда. Однако метод публичной отповеди, который он применил, естественно, вызвал широкую волну недовольства, и прошло много времени, пока не заглохли отголоски этой истории. Во всяком случае, теперь Фицрой по-настоящему понял, какую ярость и ненависть зажгла в сердцах белых переселенцев резня в Ваирау. Он правильно полагал, что наиболее трудной проблемой новозеландской политики являются отношения между двумя расами. Это справедливо, когда речь идет о любой новой колонии, а в Новой Зеландии трудность еще усугублялась тем, что аборигены были от природы умны и храбры, а также тем, что на островах не было глубокой территории, куда они могли бы уйти. А после инцидента в Ваирау отношения между коренными и вновь прибывшими жителями претерпели существенные и малоприятные изменения, и не только потому, что белые впервые сильно рассердились на маори, но и потому что маори впервые усомнились в боевой доблести белых. От того, как Фицрою удастся уладить этот инцидент, от того, как он станет себя вести, всецело зависела его репутация губернатора в глазах и тех и других.

Прежде всего Фицрой встретился с чиновниками, подписавшими ордер на арест двух вождей, Рауперахи и Рангихеаты, после поджога хижины землемеров. По словам Томсона, Фицрой заявил им, что несправедливо было обвинять маори в поджоге, так как поджог — это уничтожение при помощи огня чужого имущества, а они сожгли хижину,

принадлежавшую им самим. «Эта речь, произнесенная раздраженным тоном, сильно поразила людей, все еще оплакивающих смерть братьев-колонистов».

Затем Фицрой отправился в «па» — деревню-крепость маори — для встречи с двумя вышеупомянутыми вождями. Мы позаимствуем описание этой встречи не у Томсона, а у Джернингема Вэкфильда, который приводит рассказ очевидца, менее предубежденного против Фицроя, чем он сам.

Губернатор приехал в деревню в воскресенье и не занимался никакими делами. Он присутствовал на церковном богослужении и выслушал ответы из катехизиса нескольких маори. С Рауперахой, лишь недавно обращенным в христианство, он не говорил.

На следующий день состоялась официальная встреча. На ней присутствовало человек пятнадцать белых — чиновники, миссионеры и несколько переселенцев — и около пятисот маори. Фицрой тщательно подготовил свою речь, учитывая своеобразную аудиторию, и заранее велел ее перевести.

Еще когда он приехал в Сидней, начал Фицрой, ему рассказали о том, что было в Ваирау. «Я очень рассердился, на сердце у меня стало темно, и душа преисполнилась мрака. Первой мыслью было отомстить за моих друзей¹ и других «пахека», убитых в Ваирау, и для этого привести сюда много военных кораблей — парусных и таких, которые движет огонь, — и солдат на них. И если бы я так сделал, все вы были бы убиты, а ваша деревня разрушена. Но когда я хорошенько подумал, я понял, что пахека во многом сами виноваты, и решил приехать сюда и выяснить, как было дело, чтобы понять, кто прав, кто виноват. Я был в Нельсоне и Веллингтоне и выслушал белых, теперь я приехал сюда и хочу послушать вас. Я сравню оба рассказа и тогда смогу судить, на чьей стороне правда».

Отвечать он попросил Раупераху, что тот сделал не очень охотно. По ходу его ответа Фицрой несколько раз задавал дополнительные вопросы. Вождь объяснил, почему они считали, что спорная земля принадлежит именно им, а не белым. Он подчеркнул, что маори долго терпели, что

---

¹ Вполне возможно, что Фицрой лично знал Артура Вэкфильда, поскольку он также был морским офицером, но утверждение Джернингема, что они служили мичманами на одном корабле, ничем не доказано.

перед тем, как поджечь хижины, они вынесли из нее все вещи. Описывая прибытие констебля, размахивающего наручниками, и его «армии», вождь объяснил, что угроза быть «связанным» — страшная угроза, это позорно для вождя, и он скорее согласился бы умереть. Он утверждал, что констебль первым дал команду стрелять, и даже при перекрестном допросе твердо держался своих слов. Он сказал, что несколько женщин и детей было ранено, и его собственная дочь чуть не погибла. Под конец он объяснил, что убивать пленников — освященный временем обычай маори. После этого он вновь сел.

Около получаса Фицрой обдумывал его ответ, то и дело консультируясь с переводчиком. Затем обратился к маори со следующей речью.

«Послушайте, о вожди и старейшины, мои слова. Теперь я знаю, что говорят о Ваирау маори и что говорят о нем пахека», и я принял решение. Белые люди первыми совершили ошибку. Они не имели права делить землю, которую вы им не продавали, пока мистер Спейн (уполномоченный по земельным делам) не проверил, была ли совершена сделка. Они не имели права строить на этой земле дома. Поскольку они были неправы, я не буду мстить за их смерть».

Последние слова он повторил несколько раз и приказал несколько раз повторить их на языке маори. Затем Фицрой укоризненно обратился к двум вождям:

«Но, хотя я не буду мстить за смерть пахека, убитых в долине Ваирау, я должен сказать вам, что вы совершили ужасное преступление, — вы убили людей, которые сами сдались вам в плен, полагаясь на вашу честь вождей племени. Белые никогда не убивают пленников. В будущем давайте жить в мире и дружбе — пахека с маори, маори с пахека, чтобы никогда больше не проливалась ничья кровь».

Кончил Фицрой обещанием немедленно разрешить сложный земельный вопрос и предупреждением, чтобы маори не мешали белым поселенцам. Затем губернатор призвал на всех божье благословение.

Каков же был результат? Белые назвали его слабовольным, сумасшедшим и трусом. Раупераха смеялся и говорил, что съест губернатора вместе с фрегатом, на котором тот приехал. Фицрой никому не угодил, его поступок никому не внушил уважения. С этого момента он потерял

всех друзей, кроме миссионеров и нескольких чиновников из ближайшего окружения.

Но что еще ему оставалось делать? Трудно сказать. Он мог, вероятно, отомстить вождям, конфисковав спорную землю, объявив, что она куплена ценой пролитой на ней крови белых. Это, возможно, вселило бы страх и уважение в туземцев, но вряд ли удовлетворило бы колонистов. И, конечно, чтобы пойти на такую меру, нужно было быть куда более холодным и рассудочным человеком, чем Фицрой.

По возвращении в Англию Фицрой защищал и обосновывал свой поступок в специальной брошюре. Его главный довод состоял в том, что арест вождей и суд над ними по прошествии долгого времени не только не принес бы пользы, но был просто опасен. «Вожди укрылись бы в своих цитаделях, куда не смогли бы проникнуть солдаты регулярных войск, к ним присоединились бы тысячи туземцев, начались бы враждебные вылазки против поселенцев, а это привело бы к жестокой войне и гибели людей, гибели при самых ужасных обстоятельствах». Фицрой не преувеличивал, но он знал, что большинство белых было с ним несогласно. «Никто,— жаловался он,— не хотел признать за туземцами храбрость и умение воевать, все, по-видимому, были уверены, что один орудийный расчет способен обратить их в бегство, и только и мечтали о столкновении». А для защиты семи небольших поселений колонии, отстоящих друг от друга на тысячи миль, было прислано семьдесят шесть солдат из восьмидесятого пехотного полка и пятьдесят шесть из девяносто шестого — и это все.

Теперь Фицрою, окруженному всеобщим недоброжелательством, предстояло, как он обещал, уладить земельный вопрос, а также пополнить совершенно оскудевшую казну. Вторая задача была даже более настоятельной. «В начале этого года [1844],— сообщает Фицрой,— у здешнего правительства было двадцать четыре тысячи долга, а государственный доход исчислялся в двадцать тысяч. Жалование служащим и прочие выплаты производились с опозданием в несколько месяцев; не было никакой надежды, что государственный доход покроет хотя бы две трети предстоящих обязательных издержек». Фицрой знал, что на помощь Англии рассчитывать не приходится, так как, по

мнению английского правительства, колонии должны самокупаться, а Эдвард Гиббон Вэкфильд утверждал, будто его система колонизации ничего не будет стоить метрополии. Соответственно на заимствования из государственной казны был наложен запрет. А ни один из австралийских банков не хотел давать Новой Зеландии деньги в долг. Чтобы предотвратить грозящее новозеландскому правительству банкротство, Фицрой поступил вопреки данным ему инструкциям и пустил в обращение бумажные деньги. «Было решено выпустить банкноты или облигации пятипроцентного займа сроком на год, и поскольку крупные дельцы отказывались принимать эти облигации в счет уплаты и займу грозил соответственно всеобщий бойкот, облигации объявили законным платежным средством». В результате все прочие деньги почти исчезли. «Сдачу мы получаем, — писала миссис Фицрой своей золовке, — только бумажными шиллингами и шестипенсовиками». Но по крайней мере появилась возможность выплатить жалованье и тому подобное, хотя и в половинном размере. Тяжелый кризис (который усугублялся тем, что фонды Новозеландской компании Вэкфильда, обязанной обеспечить работой своих колонистов, постепенно иссякали) был временно смягчен.

Теперь Фицрою надо было изыскать пути для увеличения годового дохода, чтобы расплатиться за государственный заем и внушить веру в платежеспособность Новой Зеландии. Его предшественник Хобсон от налога на земельные сделки (число которых катастрофически сократилось, как только продажа земли частным лицам была запрещена) обратился к налогу на импортируемые товары, другими словами — к таможенным пошлинам. Это вызвало сильное недовольство маори, в особенности искушенных в торговых делах жителей Корорареки и ее окрестностей. Однако Фицрою не оставалось иного выхода, как вновь увеличить таможенные пошлины.

Вот так из-за нехватки нескольких тысяч фунтов, из-за нежелания правительства Англии оказать временную поддержку, что в конечном счете окупило бы себя, Фицрой, выражаясь фигурально, вбил еще один гвоздь в крышку собственного гроба. С этого времени его отношения с маори, теми самыми людьми, которым он больше всего хотел помочь, неисправимо испортились. Они и без того уже утратили веру в самоуважение и мужество белых, а теперь

начинали терять веру в их справедливость и желание принести пользу стране.

А ведь Фицрой всегда поступал справедливо, пожалуй, даже впадал при этом в крайность. Ярким примером этому служит случай, когда он отменил решение уполномоченного по земельным делам. Вблизи Нью-Плимута на большой территории почти не было местного населения. Объяснялось это главным образом войнами, которые вел в тех местах Хонги, первым применивший в межплеменной войне огнестрельное оружие, и подражавший ему в этом Раупераха. Уполномоченный, вопреки своей обычной практике, и, возможно, руководствуясь соображениями выгоды, признал купчую на эту землю, приобретенную Новозеландской компанией у одержавших победу маори, юридически законной. Но затем истинные владельцы, изгнанные силой оружия, стали постепенно возвращаться на свои старые места. Они заявляли права на землю и прибегали к силе, чтобы изгнать белых поселенцев. Фицрой познакомился с решением уполномоченного и немедленно его отменил. Поступок этот, как и большая часть других его поступков, был смел, оправдан высшими принципами, но бестактен и не мог лично ему принести ничего, кроме вреда. В глазах белых колонистов Фицрой был попросту сумасшедшим.

Затем Фицрой решил прибегнуть к решительной мере, которую, надеялся он, одобрят все. Запрет продавать землю частным лицам, так называемое преимущественное право новозеландского правительства на покупку земли, привел к тому, что земельные сделки вообще прекратились, поскольку у правительства не было денег. Фицрой аннулировал запрет, установив в то же время налог в десять шиллингов с акра на все частные сделки. Таким образом он рассчитывал не только разрешить проблему продажи земли, но и утолить голод казны. К сожалению, налог был слишком высоким и подчас оказывался больше цены, предложенной за участок. Маори негодовали.

И вот тут начались неприятности, которых Фицрой пытался избежать в первую очередь, страх перед которыми заставлял его вести промаорийскую, а не проанглийскую политику, хотя он прекрасно знал, как тяжело приходится многим колонистам.

На 23 стр. «Заметок о Новой Зеландии», признавая, что правительству метрополии нелегко оказывать требуемую

от него военную поддержку, Фицрой пишет далее: «Регулярные отказы в более эффективной поддержке, получаемые каждым из вновь назначенных губернаторов Новой Зеландии, вынуждали их придерживаться политики терпимости и снисхождения, что, естественно, не могло продолжаться вечно и что вело с обеих сторон к покушению на чужие права и опасной для тех и других проверке, какая из них сильнее. Излишняя снисходительность — являющаяся результатом не столько мягкости характера губернатора, сколько абсолютной невозможности действительно проводить в жизнь закон, — часто граничит с жестокостью по отношению к колонистам...»

К тому времени процветавший некогда поселок Корорарека совершенно захирел, и маори весьма сожалели об этом.

Во главе племени, живущего неподалеку оттуда, стоял молодой вождь Хеке, породнившийся через жену с «великим воином» Хонги. Хеке не в пример Рауперахе отошел от христианства после того, как познакомился с его основными догматами. Подстрекаемый недовольными Фицроем белыми переселенцами и особенно американским консулом, который был не одинок в своей неприязни к англичанам, Хеке начал сеять смуту среди маори, благо у него был быстрый ум и хорошо подвешенный язык. На горе возле Корорареки стоял шест, на котором развевался английский государственный флаг. Хеке сказали, что флаг этот — символ губернаторской власти, которая, как известно, причиняет лишь вред. Желая так же, как его родич Хонге, прослыть великим воином и, возможно, придавая больше значения символу, чем он того заслуживал, Хеке задумал срубить флагшток и восьмого июля 1844 года успешно привел свой план в исполнение.

Символ власти — есть символ власти, и Фицрой понимал, что не может отделаться смехом. Он велел водрузить новый флагшток. Выходка Хеке была не единственным признаком готовившейся войны — в окрестностях других поселений также произошло несколько мелких инцидентов, а незадолго до того состоявшийся праздник, куда маори пригласили губернатора, был по сути дела демонстрацией их вооруженных сил. Это произвело на Фицроя соответствующее впечатление, и он сразу же послал в Сидней корабль за военным подкреплением. Однако плохая погода на целых две недели задержала выход корабля в море.

В связи с этим Фицрой решил, что благоразумие требует пойти на уступки. Он никогда не останавливался на полпути. Корорареку объявили открытым портом, таможенную закрыли. Фицрой был неправомочен так поступать, но «это его не остановило», как он пишет в «Заметках о Новой Зеландии». Затем он провел через законодательный совет полную отмену таможенных пошлин... опять-таки не согласовав это с правительством Англии.

Епископ Селвин одобрил его действия, и они, бесспорно, оправдали себя. Когда, получив наконец подкрепление (двести пятьдесят солдат), Фицрой стал готовить карательную экспедицию против Хеке, к нему обратились несколько вождей, в том числе давно перешедший в христианство Вака-Нене. Они обещали, что при условии отмены карательной экспедиции в будущем Хеке станет вести себя спокойно. Фицрой согласился отменить экспедицию. Приблизительно в то же время он пошел еще на одну уступку, уменьшив налог на землю с десяти шиллингов до одного пенса за акр. К сожалению, не зная о критическом положении дел в стране, английское правительство невольно помешало наладить мир. Хеке и его сторонники пронюхали о том, что в министерстве колоний собираются обложить налогом все свободные земли, принадлежащие маори, а в случае неуплаты конфисковать их в пользу Англии. Пылая справедливым негодованием, они возобновили партизанскую войну и... вновь срубили флагшток. Фицрой опять велел его установить и назначил награду за голову Хеке. Хеке назначил такую же награду за голову Фицроя.

Новый флагшток оковали железом и поставили возле пего стражу. Хеке воспринял это как личный вызов. Дальнейшие события приняли оборот, которого не ожидала ни одна из враждующих сторон. На рассвете одиннадцатого марта 1845 года примерно двести маори во главе с Хеке подошли к флагштоку. Они сумели отвлечь внимание охранявших его солдат, и под громкие ликующие крики флагшток в третий раз упал на землю. За этим последовал бой на побережье возле Корорареки с участием военного английского корабля «Хазард» («Шанс»), поддерживавшего солдат огнем бортовых орудий. Женщины и дети переселенцев, в том числе и американских, были укрыты на стоявших в гавани судах. По несчастному стечению обстоятельств у белых взорвался пороховой погреб, и они решили покинуть Корорареку.

В городке воцарился хаос. Пораженные неожиданной победой, маори принялись грабить дома, правда, «по-джентльменски», кое-что оставляя. Жители похрабрее вернулись, чтобы спасти свое добро, и можно было наблюдать, пишет Томсон, как «решительная переселенка вырывает из рук вооруженного туземца свое одеяло», и много других, столь же трагикомичных сцен. Детей, оказавшихся на берегу, маори рыцарски отправили к родителям. Само поселение сгорело дотла.

Битва при Корорареке легко могла перейти в настоящую войну. Однако этого не случилось, так как большинство вождей во главе с Вака-Нене стало на сторону Фицроя. Белые должны были благодарить за это губернатора, но они только порицали его за все.

Когда на берегах пролива Кука разнесся слух, что Хеке со своими воинами движется на юг, среди колонистов началась паника. Не лучше было и в Окленде. Радость горожан при виде трех кораблей, идущих, без сомнения, им на помощь, сменилась ужасом, когда они узнали, что вместо солдат на борту находятся раненые и беженцы из Корорареки. Правда, оправившись от неожиданности, жители городка сделали все, чего требовало от них положение: оказали необходимую помощь раненым и предоставили кров беженцам. Жена губернатора, несомненно, приняла бы во всем деятельное участие, если бы не ждала вскорости рождения четвертого ребенка. Она писала своей золовке, что очень плохо себя чувствовала все это время, а несколько недель была серьезно больна, что не прибавило спокойствия духа измученному Фицрою.

Однако Фицрой не позволял себе впадать в уныние. Жена сообщала: «Он выглядит прекрасно, не хуже, чем в самые благополучные дни».

Было ясно: время компромиссов прошло — создалась ситуация, которой так боялся Фицрой и против которой он с самого начала предостерегал переселенцев, понимая, что их непримиримость рано или поздно доведет до нее. Фицрой сделал два шага: вновь ввел пошлину на ввозимые товары и стал организовывать военную экспедицию против Хеке.

По крайней мере одно обстоятельство говорит в пользу Фицроя, свидетельствуя о том, что он проводил правильную линию: несмотря на военную победу Хеке, число его сторонников почти не возросло, а принявшие христиан-

ство вожди, возглавляемые Вака-Нене, не вышли из игры.

Зато ни организация, ни проведение военной кампании не принесли лавров Фицрою и не вписали славных страниц в анналы английской армии. Объединенные силы армейской пехоты (в их числе был майор медицинской службы Томсон, чьи весьма критические комментарии не раз приводились нами на предыдущих страницах) и их союзников маори двинулись в глубь острова, чтобы найти и уничтожить Хеке. Это было малоудачное сочетание, обе части «армии» с подозрением глядели друг на друга, у них не хватало артиллерии, а «па» Хеке оказалось неприступным. Потеряв во время первой же стычки сорок человек убитыми и ранеными, союзники вернулись обратно.

Хеке отправил Фицрою оскорбительное и малоуместное послание: «Цезарь, Понтий Пилат, Навуходоносор, Фараон, Никодим, Агриппа и Ирод были царями и губернаторами провинций; разве это пошло кому-нибудь во благо? И разве не они распяли Иисуса Христа?»

Взяв еще несколько пушек более современного образца, англичане решили повторить попытку. На этот раз операцию возглавлял другой офицер, полковник Деспард. Хвастливый, но удачливый Хеке также был вынужден отказаться от личного участия в боях из-за раны. Его место занял более опытный предводитель, укрывшийся в еще лучше укрепленной «па». Экспедиция Деспарда против этой «па», Охеаваи, закончилась полным разгромом белых. Вновь повторилась старая история: неопытные войска и нетерпеливый командир. После недостаточно мощной артиллерийской подготовки англичане атаковали Охеаваи, но не смогли прорвать оборону и были вынуждены отступить, оставив на поле боя убитых и раненых, а затем всю ночь слушать, говорит майор Томсон, стоны пленного, которого пытали за стенами «па». Военная кампания зашла в тупик. Англичане застряли на мертвой точке, а Хеке продолжал бомбардировать губернатора оскорбительными «сочувственными» посланиями.

Питающиеся слухами жители городков, расположенных на берегах пролива Кука, находились в полном унынии. Они уже успели послать в английский парламент петицию с просьбой отозвать Фицроя с его поста. Первого октября 1845 года они с радостью узнали, что губернатору предстоит их покинуть.

В Веллингтоне отпраздновали это известие праздничной иллюминацией; в Нельсоне устроили процессию, которая носила по улицам портрет Фицроя и еще двух чиновников, заслуживших немилость «защитой» туземцев. Закончилось шествие тем, что под одобрительные крики толпы изображение Фицроя сожгли.

«Мне нанесена глубокая и неисцелимая рана»

Жалобы колонистов не были, как часто утверждают, основной причиной отставки Фицроя, потому что решение снять его с губернаторского поста было уже принято, когда петиция колонистов пришла в Лондон. На это указывают даты первых двух петиций — подробно о них будет сказано несколько позже, — а третья, посланная «обитателями южных поселений», хотя и не датирована, упоминает о событиях, которые происходили через три месяца после того, как из Англии было отправлено письмо об отставке.

Непосредственной и куда более важной причиной падения Фицроя была реакция на его поступки того человека, которому он был подчинен, а через него реакция всех остальных членов кабинета министров. В глазах лорда Стенли, министра колоний, главная вина губернатора заключалась в том, что он действовал вопреки инструкциям или помимо них и не информировал или неполностью информировал английское правительство о своих действиях. Поскольку Фицрой вполне мог, если бы захотел, избежать этих ошибок, создается впечатление, что он сознательно стремился причинить себе зло.

Однако утверждать это было бы преувеличением. Суть заключалась в том, что Фицрой прежде всего отвечал за свои поступки перед собственной совестью и старался быть правым в собственных глазах, не особенно интересуясь тем, как посмотрят все другие. Мы уже упоминали, что бывший командир Фицроя, адмирал Кинг, писал: «Бедняга, он оказался жертвой своих принципов». Правильнее было бы сказать: «Бедняга, он сам принес себя в жертву принципам». Возможно, адмирал Кинг и имел это в виду.

Хотя при вступлении на пост губернатора Новой Зеландии Фицроя встретили большие трудности, он не мог пожаловаться на неприязненное отношение окружающих.

Конечно, члены правления Новозеландской компании вряд ли смотрели на него с особой симпатией, но большинство колонистов, так же как и «хозяева» Фицроя в Англии, относились к нему достаточно хорошо. Сообщение газеты «Нельсон экзампнер» от десятого февраля 1844 года о прибытии губернатора и о его ответе на приветственный адрес звучит вполне благожелательно; правда, автор несколько смущен тем, что его превосходительство при всеобщем к нему расположении со столь многими расходится во взглядах. Первая депеша лорда Стенли в ответ на донесение губернатора о мерах, которые были приняты по прибытии на острова, также полна похвал, хотя в ней и проскальзывают тревожные нотки,— так глядят ручного тигра за примерное поведение.

Эта депеша от одиннадцатого ноября 1844 года, посланная через два месяца после извещения, что жалование Фицроя увеличено до полутора тысяч фунтов, была ответом на донесение Фицроя о своей деятельности, отправленное в Англию в середине апреля. Вот сколько времени требовалось министру колоний и его губернатору для того, чтобы снестись между собой. Лорд Стенли надеялся получить от Фицроя еще одно донесение, прежде чем ответить ему, но, поскольку апрельская депеша шла пять месяцев и два дня, видимо, не приходилось на это рассчитывать.

«Я рад возможности,— писал лорд Стенли,— выразить Вам свое удовлетворение тем курсом, который Вы приняли». Он одобряет «глубокое чувство справедливости... искреннее желание уладить противоречия» и мужество, с которым Фицрой, «не медля, обнародовал свои взгляды и сумел при помощи энергичных мер найти выход из крайне затруднительного положения». Английское правительство прекрасно понимает: «от его представителя требуется величайшее благоразумие». Что касается инцидента в Ваирау, то это чрезвычайно сложный вопрос, но, учитывая все обстоятельства, лорд Стенли «пришел к заключению, что, решив не разбирать этот конфликт в судебном порядке, Фицрой сделал разумный, хотя, бесспорно, смелый шаг». Отмена запрета продавать землю частным гражданам, однако, санкционировалась с некоторым колебанием. А в депеше о повышении губернаторского жалования есть фраза, осудительный характер которой в другом, более осторожном и «чутком» губернаторе не вызвал бы сомнения,— о том, что о некоторых действиях Фицроя лорду

Стенли приходится узнавать из посторонних источников, например через канцелярию главного штаба. Это был хотя слабый, но недвусмысленный намек на будущие неприятности.

Первые депеши, где лорд Стенли явно выражает недовольство Фицроем, датированы февралем и мартом 1845 года. В них вновь, теперь уже с неприкрытым раздражением, говорится о том, что лорд Стенли узнает о всем происходящем в колонии косвенным путем. (Помимо вышеупомянутой правительственной канцелярии такие сведения могли исходить от некоторых членов парламента, имевших друзей и деловые связи в Новой Зеландии; не нужно забывать также новозеландские газеты, одна из которых, выходящая раз в две недели, «Нью-зипланд джернал», издавалась в Лондоне.) Чаще всего в этих двух депешах лорда Стенли повторялись слова «затруднительное положение». Действительно, молчание Фицроя поставило министра колоний в затруднительное положение. Выпуск облигаций, говорит лорд Стенли, был санкционирован и поддержан новозеландским правительством. Но как можно было откладывать хоть на день сообщение о столь важной операции? Затем отмена таможенных пошлин: «Не представляю, как вам пришло в голову принять подобную меру на свое усмотрение». Вторая депеша заканчивается выражением надежды, что Фицрой «сможет удовлетворить его требования». В противном случае министру колоний придется посоветовать ее королевскому величеству «лишить своего доверия столь отдаленное правительство». Эта короткая фраза звучит весьма многозначительно. Предупреждение лорда Стенли было, должно быть, ударом для Фицроя, отнюдь не смягченным тем обстоятельством, что, как он писал впоследствии, он этого ожидал.

Причины задержки донесений, приведенные Фицроем в свое оправдание, звучат несолидно, и было бы лучше, пожалуй, если бы он о них умолчал. Например, корабль, на котором были его депеши, задержался, мол, в Новой Зеландии, так как из-за какой-то поломки вынужден был через две недели вернуться в порт отправления. Во всяком случае, говорит далее Фицрой, оставляя непривычный ему извиняющийся тон, он отдает все свое время и силы служению обществу, к тому же ему не хватает штатов. Довольно много места в письме отводится защите против

некоторых членов парламента, критиковавших его, как ему стало известно, за отношение к белым проколониистской и антитуземной ориентации, в числе которых был Джеррингем Вэкфильд. Поскольку к тому времени это уже стало древней историей, о ней тоже лучше было бы умолчать. Однако людям свойственно отстаивать свою правоту. К сожалению, Фицроя еще более свойственно было стремление быть беспристрастным: он приводит доводы обеих сторон и в подробностях излагает претензии своих оппонентов, в результате чего нарисованный им автопортрет не очень льстит оригиналу.

Кончается письмо ссылкой на угрозу снять его с губернаторского поста и следующим бескомпромиссным заявлением.

«При создавшихся обстоятельствах прибытие более опытного и достойного доверия губернатора было бы для меня облегчением. Я не забываю, что мой предшественник был преждевременно сведен в могилу клеветническими измышлениями и противодействием дурных людей. Но мое здоровье; слава богу, не пострадало, и я с верой гляжу в будущее, на те перемены, которые принесет время и правдивая осведомленность о моих поступках».

Тут же было постановлено освободить Фицроя от занимаемого поста. Тридцатого апреля 1845 года ему было коротко сообщено об отставке; в депеше говорилось, что последние доклады лишь подтвердили создавшееся плохое впечатление. Через две недели пришла депеша, где отставка Фицроя обосновывалась более подробно.

Лорд Стенли не был злым человеком и сделал все возможное, чтобы позолотить пилюлю; однако, как указывал впоследствии Фицрой, никакие заверения в том, что его личные достоинства по-прежнему ценятся всеми очень высоко, не могли смягчить удар. Основные недостатки Фицроя как губернатора изложены очень кратко. «Вы должны были, прежде всего,— пишет лорд Стенли,— формулировать свои высказывания крайне осторожно, проводить необходимые меры с твердостью и докладывать о них пунктуально». Ни одно из этих требований не выполнялось.

Затем идут более частные претензии. Одна заключалась в том, что Фицрой попросил правительство Англии покрыть дефицит в десять тысяч фунтов, но никаких подробностей в депеше не приводится. Второй упрек лишний раз

показывает, какой вред причинил себе Фицрой тем, что информировал вовремя министерство колоний о своих действиях, и сведения о них просачивались в Англию в предвзятом, а то и просто в искаженном виде. «После того как на помощь Вам были посланы войска, — пишет лорд Стенли, — часть вождей сдалась в плен, однако Вы вернули им оружие! Значит, или присланные Вам войска были неуживчивы или Вы использовали их не по назначению». На самом же деле вожди, о которых идет речь, оставались верными Вака-Нене, их сдача оружия была символом дружбы, а его возврат Фицроем был таким же символическим актом, который увенчался успехом: они стали его союзниками и оказали существенную помощь. Этот шаг Фицроя был, возможно, самым удачным за время его правления.

Кончается обвинительный акт повторением той основной причины, по которой министр колоний был недоволен своим губернатором: с начала и до конца он ставил самого министра и весь кабинет в затруднительное положение. «Мы вынуждены были открыто признать перед парламентом, что не располагаем достаточными сведениями о положении в Новой Зеландии».

Десятого ноября 1845 года, всего за несколько дней до прибытия преемника, когда уже ничего нельзя было изменить, Фицрой отправил в ответ лорду Стенли длинное, подробное и менее резкое, чем обычно, письмо. В нем ощущается уязвленное самолюбие, но это письмо человека, обладающего чувством собственного достоинства, и очень грустное письмо.

Начинается оно с сообщения, что несколько депеш в министерство находятся в пути, и хотя, возможно, приведенные там объяснения не удовлетворят его светлость, все же «я думаю, честный человек, отдававший все силы на благо отечеству, заслужил отсрочки хотя бы на несколько дней.» Эта мольба слишком поздно раскаявшегося «границника» вызвала суровый, но, пожалуй, естественный комментарий лорда Стенли на полях письма: «Я ждал много месяцев.»

Фицрой прилагает все силы, чтобы не быть колким и пишет с непривычным для него благоразумием, но вся его защитительная речь пронизана твердым убеждением, убеждением, которым он руководствовался в своих поступках, что все, в том числе финансовые, вопросы менее важны, чем отношения между белыми и маори, и, следовательно:

по, прежде всего надо было избежать вооруженного столкновения с туземцами, поскольку «белые находились полностью во власти цветных.» Если он кидался из одной крайности в другую, продолжает Фицрой, это объяснялось необходимостью срочно предпринять хоть какие-то меры, которые помогли бы «сохранить мир». Если он действовал вопреки инструкциям, то лишь потому, что «стремился поступать наилучшим для страны образом, а не просто механически выполнять все указания». Если он задерживал донесения министерству, это было вызвано плохими путями сообщения в самой стране и трудностями связи с Англией, что, вероятно, не учитывали в министерстве (в этом он, видимо, был прав), но так или иначе «я предпочитал сперва действовать, а уж потом сообщать об этом». Что касается его просьбы прислать войска, то последние события показали своевременность его просьбы, а то, что он привлек к военной кампании в качестве союзников вождей маори, принявших христианство, получило одобрение людей, лучше других осведомленных о положении дел в стране, таких как епископ Келвин и верховный судья.

Заканчивая послание, Фицрой горячо призывает искать общий язык с маори и вновь повторяет, что стремлением выполнить эту задачу и предотвратить угрозу войны с туземцами он прежде всего и руководствовался в своих действиях. «Я смотрел на наши поселения, не защищенные ни стенами, ни частоколом, без убежищ для женщин и детей. Я вспоминал о семи испанских городах в Чили, разрушенных за одну ночь туземцами, далеко уступающими маори в военном искусстве и куда хуже вооруженными, и думал о бесплодности всех филиппинских мероприятий, если наши города будут разорены подобным же образом.» Последняя фраза звучит не менее многозначительно, чем приведенная выше выдержка из письма лорда Стенли. Кончается письмо следующими словами:

«Я должен выразить признательность Вашей светлости за Ваше благосклонное отношение и за то мнение правительства о моих личных качествах, которое Вы приводите в конце письма; однако никакие любезные слова, как бы высоко я их ни ценил, не могут изменить того факта, что мне нанесена глубокая и неисцелимая рана.»

Был ли лорд Стенли несправедлив по отношению к Фицрою? До некоторой степени да, но его можно оправдать,

если рассматривать этот вопрос с точки зрения политики, а Стенли прежде всего был политиком. Он мог, конечно, предоставить «проштрафившемуся» губернатору время и возможность самому подать в отставку вместо того, чтобы снимать его с поста. Но на Стенли и всю его партию оказывалось давление, а любой политик, которым руководит здоровое желание спасти свою шкуру, постарается избавиться от постороннего давления при первом удобном случае. Можно сказать даже, что лорд Стенли проявил терпимость. Пометки, сделанные на приведенном выше письме одним из чиновников министерства колоний, очевидно неприменным секретарем, звучат весьма нелестно для Фицроя:

«Судя по письму, его автор делал мучительные попытки выполнить задачу, которая была ему не по силам. Его со всех сторон окружали трудности, еще возросшие из-за его метода управления, ему пришлось столкнуться с противоречивыми интересами, примирить которые он не мог ввиду отсутствия решительности и упорства. Вследствие постоянной тревоги и бесконечной спешки он, очевидно, не имел ни сил принять разумные и твердые меры, ни спокойствия духа, которое позволяло бы ему без промедления информировать министра о своих действиях и их мотивах.»

Положение лорда Стенли стало особенно затруднительным уже после того, как Фицрою было отослано письмо, извещавшее об отставке. Однако ситуация была угрожающей уже давно. Недовольство тем, как обстоят дела в Новой Зеландии, все чаще выражавшееся и в парламенте, и вне его, достигло апогея во время трехдневных парламентских дебатов семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого июня 1845 года, о чем мы дальше расскажем подробнее.

В палату депутатов было прислано несколько официальных петиций: одна — Новозеландской компанией, другая — колонистами Новой Зеландии и еще одна — колонистами, «в настоящий момент временно проживающими в Англии», — видимо теми, которые издавали в Лондоне «Нью-зиленд джернал». Чтобы показать, что она не одинока в своей критике Фицроя, эта газета в номере от двадцать первого декабря с восторгом приводит выдержки из статей, появившихся незадолго до того в «Таймс» и «Морнинг кроникл». Они касаются финансовой политики Фиц-

роя, в частности объявления выпущенных им бумажных денег законным платежным средством. Статья «Таймс» рассердила лорда Стенли и, вероятно, вселила в него дурные предчувствия. «Министр колоний столь любезен, что готов поручиться «честью правительства» за выплату по этим драгоценным бумажкам. Мы весьма обязаны ему! Мы платим налоги, не позволяем себе никаких излишеств, стараемся жить по средствам — и все это, оказывается, только для того, чтобы отдать чужой долг. Чему еще старая Англия может научить Новую Зеландию?!»

«Морнинг кроникл» снисходит до тяжеловесного юмора. «Знает ли кто-нибудь, — спрашивает она, — капитана Фицроя, губернатора Новой Зеландии? Где он воспитывался? Где он жил до того, как стал губернатором? По правде сказать, мы не без причины задаем все эти вопросы; судя по тому, что нам известно о его деяниях, это редкий феномен, и то, как его взрастили, может представить немалый интерес. Нам известно, что, когда в колониях освобождается место губернатора, лорд Стенли никогда не спешит, но честно старается найти наименее компетентное лицо на этот пост. Однако мы не представляли, что он сумеет раздобыть в наши дни человека, способного на чудовищные нелепости, которые позволяет себе капитан Фицрой.» Обнаружив, что расходы колонии превышают доходы и в казне нет денег, продолжает автор статьи, «обыкновенный разумный правитель, каковыми бывали губернаторы во времена доброй королевы Бесс¹, счел бы естественным сократить расходы; казалось бы, двадцати тысяч фунтов в год должно хватить колонии, где живет менее пятнадцати тысяч душ... во всяком случае, если неоткуда взять больше. Но капитан Фицрой, очевидно, думает, что молодые колонии, как и молодые отпрыски аристократических семейств, должны начинать карьеру с долгов».

Даже менее преданный своему делу человек, чем Фицрой, без труда разобьет эти аргументы. «Пятнадцать тысяч душ?» А куда же девались коренные жители Новой Зеландии, маори, насчитывавшие около четверти миллиона? Очевидно, у них не было души. Конечно, газетные статьи в первую очередь стремятся произвести сенсацию, а это не всегда возможно, если точно придерживаться разумных фактов.

---

¹ Королева Англии Елизавета (1533—1603). — *Прим. пер.*

В петициях Новозеландской компании и бывших поселенцев, проживавших теперь в Англии, говорится о том времени, когда Фицрой еще не пришел к власти, и высказывается пожелание учредить в колонии более демократическое и менее «деспотическое» правление. В обеих петициях приводятся поступки Фицроя, свидетельствующие о «деспотизме». В петиции Новозеландской компании выражается недовольство слишком большим влиянием миссионерских организаций на министерство колоний, а в еще одной петиции «обитателей южных поселений» говорится о влиянии миссионеров на самого Фицроя. Это вряд ли справедливо; во время своего губернаторства Фицрой куда меньше считался с мнением миссионеров, чем можно было ожидать; единственным примером, подтверждающим это обвинение, служит его союз с принявшим христианство вождем Вака-Нене. Однако трудно было бы рассчитывать, чтобы петиция поселенцев оказалась вполне справедливой. С того дня, как Фицрой простил вождей, убивших белых пленников в долине Ваирау, колонисты возненавидели его, и ненависть мешала им быть объективными, что ясно видно из петиции. Фицрой, утверждали они, даже с худшими из туземцев ведет себя «с абсурдной вежливостью, демонстративно выказывая им внимание и уважение». Фицрой действует наперекор «общепризнанной практике обращения с туземцами». Какова же эта практика? «Не допускать никаких проявлений наглости, свойственной туземцам, ни в коем случае не внушать им мысль об их собственной значительности...» Даже куда менее филантропически настроенный губернатор, чем Фицрой, вряд ли удовлетворил бы людей, придерживавшихся подобных взглядов.

Наконец пужно подробнее рассказать о трехдневных дебатах в палате депутатов. Они происходили, когда Фицрою уже было отослано извещение об отставке, а находившийся под его началом полковник Деспард потерпел тяжелое поражение при Охеавап. Дебатировалось предложение «создать комитет, который расследует положение в Новой Зеландии и вопрос о Новозеландской компании», что членами обеих партий рассматривалось как вотум недоверия министру колоний.

Дебаты, как и петиции, захватывали куда более широкую сферу, чем губернаторство Фицроя. Закончились они заявлением премьер-министра, которое все прояснило, в

том числе намерения самого Пиля. У премьер-министра были более крупные неприятности, чем конфликт в Новой Зеландии, и он сохранял за собой право и в важных, и в мелких вопросах вести себя соответственно «требованиям момента». Его речь была не столько в защиту губернатора Новой Зеландии, сколько в защиту собственного правительства, которому вскоре предстояло пасть.

«Итак, по какому пути намерено пойти правительство при создавшейся ситуации, которая, не могу не признать, действительно критическая? Не одобряя действий губернатора, хотя лично к нему я питаю высочайшее уважение и учитываю трудности, с которыми ему пришлось столкнуться с самых первых шагов... (правильно! правильно!)... мы выказали официальным и авторитетным путем свое неодобрение тем, как он управлял делами колонии, и во исполнение своего долга, хотя и неохотно, сместили его с того поста, который он принял из самых высоких патристических побуждений (правильно! правильно!). Этим мы в первую очередь показали, что не намерены считаться с чувствами и интересами своих друзей, раз их действия пдут в ущерб колонии.»

Если Роберт Фицрой заметил: «Упаси меня, боже, от таких друзей», он имел полное право на это. Но премьер-министры не уходят в отставку ради губернаторов колоний... И тогда этого тоже не произошло, так как вотум недоверия был отклонен большинством голосов.

В ноябре 1845 года в Новую Зеландию прибыл преемник Фицроя. Это был Джордж Грей, позднее сэр Джордж Грей, так как он получил титул, не доставшийся Фицрою. Грей тоже был капитаном (правда, армейским, а не морским) и тоже обладал личным обаянием, — только эти черты и роднили двух губернаторов. Но он куда успешнее проявлял свое обаяние в Новой Зеландии, чем Фицрой. Что до остального, он был общительным, довольно умным, более того — хитрым и беспринципным человеком, а главное — политиком. Этого нельзя сказать о Фицрое, который, вероятно, приводил в отчаяние своих доброжелателей тем, что не только не умел избегать неприятностей, но и не хотел этому учиться.

Как всегда бывает в таких случаях, что вряд ли справедливо, Грей получил финансовую и военную помощь,

в которой отказали Фицрою. Хеке и его сторонники были побеждены, оборона «па» — прорвана (когда маори были на воскресной службе). Раупераха, у которого хватило смелости (или безрассудства) выступить против белых, был схвачен и брошен в тюрьму, где его держали, не особенно заботясь о законных основаниях. За несколько месяцев Грей завоевал такое уважение маори, какого Фицрой, несмотря на то, что держал их сторону, не смог добиться за все годы правления.

Надо сказать, что после отъезда Фицроя из колонии мнение новозеландцев изменилось в его пользу. Они говорили, что его сделали козлом отпущения за грехи непрактичного и бездеятельного министерства колоний. Но, как и прежнее мнение — слабовольный, а быть может, не совсем нормальный человек, — это было далеко от истины.

Фицрой прибыл в Новую Зеландию, когда колония, раздираемая междоусобицами, полностью обанкротилась. Ему не на кого было опереться, а сообщение с Англией требовало не менее пяти месяцев. Большая часть принятых им решений, если учитывать вызвавшие их обстоятельства, была абсолютно разумной.

Но он оставался все тем же Фицроем, что и в дни плавания на «Бигле». Точно так же, как он не мог ждать дозволения адмиралтейства купить или нанять шхуну, он не мог ждать дозволения министра колонии ввести новую валюту или налоги. И кто скажет, что в том или другом случае он был неправ? Ведь прежде всего он руководствовался интересами дела или искал выход из тупика. Беда заключалась в том, что он был неправ в глазах начальства. Но его это не волновало. В первом случае пострадал только его карман. Во втором — и здесь самопожертвование Фицроя дошло до такой крайней степени, что, казалось, он специально подставляет грудь под удары, — пострадала, и сильно, его репутация. С «Биглем» ему повезло, с Новой Зеландией — нет.

ВНОВЬ НАЧАЛО И ГОРЬКИЙ КОНЕЦ

Первооткрыватель

Сводный брат Фицроя, ставший генерал-губернатором Австралии, получил титул, получили его и старый друг Роберта, капитан «Челленджера» Майкл Сеймур и бывший лейтенант «Бигля» Саливан. Ко многим родственникам Фицроя титул переходил по наследству, многих его друзей из научного мира жаловали титулом за заслуги. Возможно, Фицрою было немного обидно, что они с женой так и остались просто мистером и миссис Фицрой. И уж наверняка его огорчало и тревожило то, что блестящие перспективы, открывавшиеся перед ним в 1842 году, подернулись туманной дымкой, что он вновь капитан без корабля, обремененный большим семейством, и не только не приобрел богатства, но лишился большей части своего состояния. (Три тысячи фунтов он, как известно, выложил из кармана на приобретение шхуны; много денег, по свидетельству Дарвина, Фицрой потерял в Новой Зеландии.)

Однако за Фицроем сохранилась репутация превосходного моряка, высококвалифицированного штурмана, гидрографа, знатока морских судов и моря. Он не утратил ни способности работать не щадя сил, которую отмечал еще Дарвин, ни способности, признанной самим лордом Стенли, самоотверженно, вкладывая всю душу, выполнять свой долг... как он его понимал.

Вскоре по возвращении в Англию Фицрой, державшийся передовых взглядов в области науки и техники (чего нельзя сказать об его религиозных воззрениях), заинтересовался применением пара на кораблях. Конечно, он не был здесь первым, хотя использовать паровые двигатели

на воде стали куда позже, чем на суше, а внедрить их на кораблях военно-морского флота оказалось и того труднее. Лишь незадолго до приезда Фицроя Брунел¹ закончил спор с лордами адмиралтейства, продемонстрировав преимущества гребного винта перед лопаткой гребного колеса и предоставив им самим делать выводы. Лорды оказались не столь консервативными, как полагал Брунел, и приказали построить первый военный пароход «Эррогант» («Дерзкий») с винтовым двигателем. Весной 1848 года Фицрою, за шесть месяцев до этого назначенному на должность управляющего верфями в Вулвиче, было поручено провести испытание парохода.

Свидетельств о том, как прошли испытания, почти не осталось. В течение 1849 и 1850 годов «Эррогант» находился то в вулвичских, то в портсмутских доках, где производились многочисленные мелкие доделки, чему не приходится удивляться, ведь Фицрой всегда и во всем стремился к совершенству. Немного больше нам говорит тот факт, что в мае 1853 года Фицрой прочитал лекцию в военно-морском училище об использовании паровых двигателей на военных судах. По существу лекция была посвящена технической стороне вопроса, но лектор сделал ряд отступлений, касавшихся таких проблем, как командование, маневрирование и стратегия во время войны. В архивах адмиралтейства «Эррогант» упоминается очень редко, возможно из-за излишней скромности Фицроя. Однако он стоит в перечне кораблей, на которые «приятно взглянуть», благодаря внесенным усовершенствованиям; а также есть ссылка на несколько небольших поломок в связи с тем, что в лопасти винта попадали посторонние предметы. Фицрой был все же недостаточно прозорлив, чтобы вообразить корабль, приводимый в движение одним лишь паровым двигателем, и считал двигатель придатком к парусам, или в крайнем случае паруса необходимым дополнением к паровому двигателю. Ему принадлежит афоризм: «Искусство мореплавания так же необходимо морскому офицеру, как искусство верховой езды всаднику.» Видимо, он имел в виду офицеров-механиков, чересчур увлеченных техникой. Фицрой проявляет, правда немного паивно, свою

---

¹ Изолибар Брунел (1806—1859) — английский инженер, мостостроитель, изобретатель гребного винта для пароходов.—
Прим. пер.

гуманность, говоря, что механики должны столоваться вместе с прочими офицерами, хотя порой они будут приходить к столу немного грязными, а также предлагает переименовать кочегаров в котельных машинистов, как в Америке, считая, что это звучит более почетно.

Однако настоящие интересы Фицроя лежали в другой области, менее новой, не так связанной с техникой и более близкой его предыдущему опыту командира гидрографического корабля, — в такой области, которая открывала перед ним возможность удовлетворить его главную и всепоглощающую страсть — приносить пользу ближним. В 1850 году он вышел в отставку, объяснив это плохим здоровьем и необходимостью уладить личные дела. Казалось, будущее не сулит ему ничего интересного.

Первый шаг на новой стезе был сделан, когда на следующий год Фицроя избрали членом Королевского общества. В анкете было написано, что он капитан флота ее величества, член Королевского географического общества, автор (вместе с Кингом) Отчета о плавании «Бигля», изобрел и усовершенствовал геодезический квадрант, прекрасно знаком с гидрографией и мореходной астрономией, прославился как мореплаватель-ученый, произведший хронометрические определения расстояний между меридианами во время кругосветного плавания. Его кандидатуру поддерживали тринадцать членов Королевского общества, среди них главный гидрограф адмиралтейства Бофорт и бывший натуралист «Бигля» Чарльз Дарвин. За три года до того в докладе парламенту Бофорт воспользовался случаем высоко оценить вклад Фицроя в развитие гидрографии.

В 1853 году произошло два важных события, первое из которых, понятно, затмило второе. Между Россией и Турцией начались столкновения, которые в результате привели к Крымской войне. Это событие, позволившее бывшему лейтенанту Фицроя Салливану показать себя блестящим морским командиром, на Фицрое отразилось не очень сильно. Он получил пост, от которого был бы рад отказаться: в течение нескольких месяцев он исполнял обязанности личного секретаря лорда Хардинга, главнокомандующего сухопутными силами Великобритании.

Вторым, менее важным событием была конференция главных морских держав в Брюсселе, посвященная использованию метеорологии на море. Это отразилось на Фицрое весьма существенно — он получил пост, который занимал

до конца своих дней. Английское правительство, понимая, что если оно хочет удержаться у власти, ему следует в первую очередь серьезно подходить ко всем вопросам, связанным с флотом, ассигновало Торговому совету определенную сумму денег на осуществление рекомендаций конференции. Торговый совет, не зная точно, что от него требуется, обратился за помощью в Королевское общество, и это высокое учреждение дало две рекомендации. Первая была очень короткой: поставить во главе дела Роберта Фицроя. Торговый совет немедленно последовал этой рекомендации; Фицроя назначили главным метеорологом-статистиком и выделили ему штат из трех человек, что не совсем соответствовало громкому званию.

Вторая рекомендация Королевского общества была куда более развернутой, и получил ее совет лишь некоторое время спустя. Королевское общество решило сперва узнать мнение иностранных специалистов. В их числе был лейтенант М. Ф. Мори, служивший в американском военноморском флоте, несколько ранее занявший в Америке такую же должность, как Фицрой, и в большой степени способствовавший созыву Брюссельской конференции. Мори вызывал в сердце Фицроя зависть тем, что у него был штат служащих из двадцати человек.

Мнения специалистов подверглись тщательному рассмотрению особой комиссией, куда, в частности, входил Дарвин. Наконец, в феврале 1855 года Королевское общество передало Торговому совету обоснованные рекомендации. Главный метеоролог к тому времени уже развил бурную деятельность, и три месяца спустя представил первый официальный отчет.

Фицрой начал с того, что разослал циркуляры на все корабли военного и торгового флота и снабдил капитанов, выразивших желание ему помогать, проверенными и надежными приборами. Он детально сопоставлял получаемые от них сведения о ветрах, атмосферном давлении, температуре и влажности воздуха и на их основании уже на этом раннем этапе построил серию диаграмм, названных им «звезды ветров». (Теперь говорят — «розы ветров»). Это были диаграммы, напоминающие формой звезду, откуда и пошло их название. Они наглядно показывали направление и силу ветров на определенном участке океана размером в десять градусов в длину и в ширину за определенный период времени, от нескольких месяцев до

нескольких недель. Конечной целью, вернее мечтой, Фицроя было покрыть весь Мировой океан на карте такими «звездами ветров».

Значительная часть первого доклада Фицроя и посвящена построению и использованию «звезд ветров». Но он позволяет себе также остановиться на важности знакомства с основами метеорологии для всех мореходов и обращается с призывом к морякам не жалеть сил для овладения необходимыми знаниями. По правде сказать, в докладе явственно слышны отголоски его речи в парламенте. Благополучный переход корабля из порта в порт в равной мере зависит от навигаторского искусства капитана, говорит Фицрой, и от знаний, которые позволят капитану «использовать попутный ветер и течение». Затем в докладе начинают звучать более грустные нотки. Фицрой, судя по всему, вспоминает о Новой Зеландии и своем провале там. Умение проложить правильный курс корабля, утверждает он, не только избавляет от лишних трат, оно может избавить людей от несчастья. «Если фрегат с важными депешами прибудет в место своего назначения на несколько дней позже условленного времени, последствия могут быть губительными». Хорошее знание течений и ветров поможет сберечь жизнь людей хотя бы тем, что это сократит сроки плаваний, всегда сопряженных с опасностями. И наконец, в этом докладе есть пункт, указывающий, в каком направлении будет развиваться дальнейшая деятельность Фицроя. Все капитаны судов, пишет Фицрой, обязательно должны проводить наблюдения за погодой, в частности снимать показания барометра, записывать их и сообщать ему, так как «сравнение этих данных и разумные выводы дадут возможность предвидеть, каковы будут погода и преобладающие ветры в ближайший период времени». Вскоре Фицрой заменит слово «предвидение» своим любимым словом «предсказание».

Второй год работы Фицроя был, вероятно, занят совершенствованием бланков или журналов, в которые капитаны заносили для него сведения, и методики регистрации этих сведений. В то же самое время кто-то из его «хозяев» в Торговом совете вновь написал в Королевское общество как раз по этому сугубо частному поводу. Королевское общество дипломатично ответило, что этот вопрос входит в компетенцию главы вновь сформированного департамента, добавив: «Руководство этим ведомством со

стороны Торгового совета ведется таким образом, что капитан Фицрой справедливо спрашивает, действительно ли он может считать себя его главой, несущим полную ответственность за деятельность вверенного ему учреждения». Похоже, что на этот раз битву выиграл Фицрой. Возможно, повышение в чине — как раз в это время он был произведен в контр-адмиралы — помогло, если не расширить его полномочия, то хотя бы улучшить моральное состояние. В отчете того года Фицрой констатировал: «Мы делаем успехи». Но основное внимание Фицрой уделяет тому, что считал своей основной обязанностью и что было ближе его сердцу.

Фицрой думал о рыбаках, английских и чужеземных, о маленьких людях, выходящих в море на маленьких суденышках, которые больше, чем кто-либо, страдали от неожиданных штормов. Этим людям нужны были барометры и несложные инструкции, как ими пользоваться. Фицрой получил поддержку нескольких частных благотворителей, а также возникших незадолго до того английского и шотландского метеорологических обществ и общества спасания на водах, в комитеты которых он был кооптирован и стал одним из их самых активных членов. Вскоре во все рыбацкие городки и деревни Англии стали поступать простые и надежные барометры — известные с тех пор как барометры Фицроя и по сей день находящиеся в употреблении. За ними последовало Руководство по пользованию барометром (цена — один шиллинг), в котором четким и общедоступным языком излагались все имеющиеся сведения о том, как применять барометр и другие приборы для предсказания погоды. До сих пор не забыты двуступня, придуманные Фицроем еще в дни плаванья на «Бигле» (вроде: «Дождь сперва и ветер вслед понаделают нам бед»), с советами морякам.

Фицрой с головой ушел в свое дело и был настолько им поглощен, что ни в 1859, ни в 1860 и 1861 годах не нашел времени для отчета о своей деятельности — поступок, вернее проступок, напоминающий о его злосчастном губернаторстве. Но теперь это никого особенно не тревожило. Осенью 1859 года произошел случай, еще больше утвердивший Фицроя в мысли о том, что он избрал правильный путь и что надо следовать им до конца.

После исключительно сухого и жаркого лета (из-за чего обмелевшая Темза стала издавать страшное злово-

ние) разразился ужасный шторм, во время которого пострадало много судов, в частности вблизи острова Энглсн разбился корабль «Роял чартер» («Королевская хартия»). Не спасся ни один человек. Эта трагедия глубоко потрясла Фицроя. Он давно был убежден в том, что такие катастрофы должно и можно предотвращать, для чего нужно смелее, а главное быстрее использовать все возможности предвидеть погоду. Он был не одинок в этом убеждении — состоявшееся в том же году собрание Британской ассоциации содействия развитию науки было посвящено тому же вопросу. Но инициатива исходила от Фицроя. Он понимал, что главным препятствием на пути эффективного использования доступной информации было время: все сведения, на основании которых он мог предсказать погоду на будущее, попадали к нему от капитанов, естественно, лишь после того, как корабли приходили в порт. И тут, словно специально для него, появилось изобретение Морзе — электрический телеграф, который стали применять не только на его родине, в Соединенных Штатах Америки, но и во многих странах мира. Использование телеграфа могло в корне изменить положение.

Фицрой был убежден в двух вещах. Первое — чего не хотели понять другие ученые — что метеорологические приборы, в частности барометры, не только говорят о состоянии погоды в тот момент, когда на них смотрят, но и о том, какой она будет в ближайшем будущем, и что фактически эту вторую задачу они выполняют лучше первой. Второе убеждение Фицроя — и его тоже трудно было разделить ученым, не одержимым, как он, страстным желанием приносить людям добро, — состояло в том, что возможность предсказывать погоду по метеорологическим приборам нужно использовать немедленно, не откладывая до того времени, когда приборы будут технически усовершенствованы, и что не сделать этого — непростительный грех.

Фицрой пошел по сравнительно скромному, зато реальному пути — он занялся предсказанием погоды для побережий Англии. Вложив в это много времени и труда, он основал двенадцать четыре метеорологические станции, информация с которых по телеграфу поступала к нему, в центральную службу погоды, в Лондон. Девятнадцать станций находились на побережье Англии, Шотландии и Ирландии, остальные пять — в Копенгагене, Хелдере (Голландия), Бресте, Байенне (Франция, побережье Би-

скайского залива) и Лиссабоне. Затем он начал выпускать карты, названные им (и называемые до сих пор) синоптическими. На этих картах цифрами и условными значками нанесены результаты метеорологических наблюдений, произведенных в один и тот же момент на сети метеорологических станций: указаны направление и скорость ветра, проведены изотермы и изобары. Эти карты показывают состояние погоды в определенных местах и в определенное время. С их помощью Фицрой составлял прогноз погоды на ближайшие несколько дней и передавал его на метеорологические станции для распространения среди моряков и рыбаков. Впоследствии он связался с газетами, в том числе с «Таймс», которая впервые в истории человечества начала публиковать ежедневные прогнозы погоды. Примерно тогда же Фицрой сделал свой второй крупный вклад в метеорологию — он разработал систему штормовых сигналов — конусов, которые поднимались на мачте в портах, гаванях и рыбацких деревнях в случае приближения бури.

Фицрой достиг вершины своей славы. Имя его стало известно далеко за пределами Англии. В годовых отчетах он с гордостью писал о том, что к нему обращаются представители правительств многих стран и что Италия, Германия и особенно Франция организовали метеорологическую службу по его образцу. Два события увенчали, так сказать, его достижения. Королева Виктория попросила Фицроя предсказать погоду на тот день, когда она собиралась отправиться на остров Уайт, о чем нам известно со слов его младшей дочери Лоры, приведенных в предисловии к этой книге. (В другой раз к Фицрою обратились с подобной же просьбой, когда одна из принцесс должна была совершить несколько более длительную поездку по морю из Фоукстона в Булонь. Фицрой передал камергеру следующий прогноз: «Погода в пятницу (4 марта 1863 г.) благоприятствует плаванию по морю — умеренная — мягкая — облачная, возможны небольшие осадки».) И в 1862 году произошло куда более важное событие: была опубликована написанная Фицроем «Книга о погоде».

Как сказал сам Фицрой одному из друзей, чтобы написать ее, ему понадобилось всего четыре месяца. Хотя большая часть материала была подготовлена раньше, учитывая, что в книге триста сорок страниц текста, более ста страниц приложений, шестнадцать карт и диаграмм, Фиц-

рой, видимо, по-прежнему был феноменально трудоспособен и упорен в достижении цели — черта, так поразившая когда-то Дарвина.

В книге есть несколько отступлений. Так, Фицрой упоминает о том, что его сын-моряк привез из Японии любопытную машинку, которая, как говорят, заранее сообщает своему владельцу о приближающемся землетрясении. Фицрой не позволяет себе здесь выказывать родительскую гордость, как в письмах, которые он писал другу молодости, главному астроному Джону Гершелю. Зато он не скрывает своей гордости, говоря о громоотводах, которые он прикрепил на мачтах «Бигля», когда переоснащал корабль для второго плавания; тогда все считали это пустой затеей, теперь не было никого, кто бы ставил под сомнение приносимую ими пользу. В книге есть горестное признание в том, что, не придав должной важности признакам приближающейся бури, один «очень молодой капитан» потерял двух матросов. Это был намек на «памперо», который чуть не погубил «Бигль» в Ла-Плате всего через несколько дней после назначения Фицроя на корабль. Наконец, в качестве примера, из которого следует извлечь урок, приводится эпизод, случившийся во время «утомительно медленного» возвращения в Англию из Новой Зеландии в 1846 году. Несмотря на подавленное состояние духа, Фицрой, должно быть, показал себя таким, каким был на «Бигле» и при спасении команды «Челленджера».

Капитан корабля не считал нужным должным образом подготовиться к встрече со штормом, который, согласно показаниям барометра, бывшего у Фицроя, должен был вскорости их настичь. Ночь была обманчиво спокойной, но когда в полночь давление сильно упало, Фицрой взял инициативу в свои руки. «Заручившись поддержкой штурмана и нескольких матросов, пишущий эти строки (моя семья также была на борту корабля) велел бросить второй якорь и вытравить якорный канат. Затем стал ждать.» Все считали, что он ошибается, но около двух часов пополудни раздался рев ветра и грянула буря. «Если бы буря застала судно врасплох, спастись было бы невозможно, разве по воле провидения кто-нибудь остался бы в живых и был бы выброшен на отдаленные и дикие берега, где живут одни каннибалы.»

Все три приведенные Фицроем случая из его личной практики имеют одну и ту же мораль: шторм можно пред-

видеть и заранее принять нужные меры; не сделать так — преступление. Эта мысль пронизывает всю его книгу, и Фицрой верит в нее столь же свято, как он верил, что необходимо спасти Новую Зеландию от войны между маори и белыми, как верил, что команде потерпевшего крушение корабля надо во что бы то ни стало прийти на помощь, как верил в буквальную истинность Библии.

Коротко говоря, «Книга о погоде» — это научное исследование явлений погоды и ее изменений, преподнесенное в доступной форме, и вместе с тем практическое руководство для неспециалиста, желающего научиться предсказывать погоду; это итог работы, проделанной автором в качестве главного метеоролога-статистика для Торгового совета; описание самых сильных штормов, известных ему из книг и по личному опыту, и попытка выяснить их природу. А главное, это призыв, обращенный к ученым всех стран, приложить все силы к тому, чтобы сделать предсказание погоды более эффективным. Книга начинается с утверждения (порадившего его современников, но с тех пор повторяемого в каждом учебнике), что мы живем «в воздушном океане» и что все изменения погоды зависят в первую очередь от солнечного излучения — весьма существенный факт. Через всю книгу проходит тезис: «Нужно все время помнить, что состояние воздушного океана скорее говорит о будущей погоде, чем о погоде в настоящий момент».

«Книга о погоде» имела заслуженный успех, и, к радости Фицроя, ровно через год после ее выхода в свет издатель Лонгмен, Грин и К^о выпустили второе издание. По сути дела, книга эта была попыткой объяснить широкой публике то, чего, к раздражению и огорчению Фицроя, не хотели видеть его собратья-ученые, а именно, что сбор сведений о погоде должен служить целям предсказания погоды на завтра, а не констатации того, какая она сегодня.

Senex ¹

Благополучная картина, нарисованная в предыдущей главе, имела свою обратную сторону, вернее сказать, ее можно рассматривать с разных сторон.

---

¹ Senex (лат.) — старик.— *Прим. пер.*

Что касается работы в Метеорологическом департаменте,— Фицрой все меньше и меньше делал то, что от него требовали, и все больше и больше то, что сам считал нужным, и все же им постепенно овладевало разочарование в своих успехах.

За это время произошел ряд печальных событий. В 1852 году Фицрой потерял Мэри, мать его четверых детей, старшему из которых недавно минуло тринадцать лет. Два года спустя он женился вторично на дальней родственнице, Марии Смит, заменившей его детям родную мать. В 1856 году умерла его старшая дочь, «красивая и прелестная девушка лет шестнадцати-семнадцати», как писал, соболезнуя ему, Дарвин, незадолго до того понесший такую же утрату. Но с подобными печальными превратностями приходилось в те времена сталкиваться многим мужьям и отцам.

В 1857 году Фицрой обратился в Торговый совет с просьбой предоставить ему должность начальника департамента торгового судоходства, но ему предпочли его бывшего подчиненного, Саливана, который тактично попросил, чтобы метеорологическая служба не была у него под началом. Однако и с такими неприятностями почти всем приходится сталкиваться на том или ином этапе своей карьеры.

Ощущение краха, терзавшее Фицроя, было вызвано иными, куда более глубокими и сокровенными причинами. Если его печалила и сердила невозможность спасти человеческую жизнь во время кораблекрушения, невозможность спасти человеческие души печалила и сердила его во сто крат сильнее. Фицрою, да и не одному ему, казалось, что люди все больше погружаются в море недоумения, захлебываются в водоворотах, образованных столкновением старых и новых научных теорий, наталкиваются на острые скалы материального прогресса и тонут в бездонной пучине атеизма.

1859—1860 годы были тяжелыми годами для Фицроя. В 1859 году появилась книга Дарвина «Происхождение видов» — «механистическая, атеистическая» теория эволюции органического мира путем естественного отбора — именно такими эпитетами награждали ее в те годы. Палеонтологи, или, как они более благозвучно назывались тогда, «археологи», наглядно доказывали бессмысленность буквального толкования Библии на примере людей каменного

века, живших в незапамятные времена. В начале декабря этого богатого событиями года Джон Эванс¹ стал печатать в «Таймс» «открытые письма» об орудиях труда людей палеолита. Их прекрасно отшлифованные топоры были найдены на берегах реки Соммы в наносах, оставшихся после отступающих льдов последнего ледникового периода.

В ответ ему появились статьи за подписью «Senex». Если камни, найденные на берегах Соммы, — орудия труда, вышедшие из рук людей, почему же не найдено никаких других орудий? Нет, эти каменные топоры вовсе не были созданы людьми, жившими 14 000 лет назад, как утверждают Хорнер² и Дарвин, их оставили племена кочевников, утративших свою цивилизацию. «В каких только сложностях не запутываются те, кто пытается доказать, что человечество возникло много раньше, чем полагают ученые и разумные люди, которые следуют слову священного писания и лучшим традициям». Ответ Джона Эванса звучал нескольконисходительно: «Забавно познакомиться с мнением людей, которые категорически не желают видеть того, что само собой очевидно». Senex, в свою очередь, ответил Джону Эвансу. Ему тоже было забавно наблюдать хитроумную игру словами и применение старого испытанного приема — нападать (чтобы не сказать оскорблять) на противника, отстаивая неправое дело.

Дарвину, вероятно, было нетрудно угадать, что за подписью «Senex» стоял Фицрой. Посылая экземпляры «Таймс» с «письмами» обоим противникам своему старому другу (и заклятому врагу Фицроя) Лайелю, Дарвин замечает: «Жаль, что он не привел тут гипотезы о причинах вымирания мастодонтов и прочих гигантских доисторических животных, — они же не могли пролезть в двери Ноева ковчега». Этот намек на последнюю главу Отчета о плавании «Бигля» нельзя осуждать слишком строго, поскольку он был сделан в частном письме, но все же он показывает, как далеко разошлись пути бывших друзей. Фицрой посетил Дарвина в 1853 и 1857 годах — второй раз, когда был в его краях проездом. И это последние их встречи,

---

¹ Джон Эванс (1823—1908) — английский археолог и коллекционер древностей. — *Прим. пер.*

² По всей вероятности, Леонард Хорнер (1785—1864), шотландский геолог и педагог-теоретик, который однажды взял Дарвина на собрание Королевского общества, где председателем в тот день был Вальтер Скотт.

о которых нам известно. Дарвин пишет о них в письмах своему старому слуге, включенных Кэвином де Биром в «Неопубликованную переписку Чарльза Дарвина». «Письма» Джона Эванса, по-видимому, серьезно беспокоили Фипроя — мы дважды встречаем упоминание о них в переписке Фипроя с Гершелем, которому он все откровеннее поверял свои мысли. «В последнее время много болтают о каменных орудиях, найденных в ледниковых наносах», — пишет он в 1861 году. И затем приводит тот же аргумент против их «древности», что и Senex (не древние, мол, а *современные* кочевые племена оставляют на стоянках свои каменные орудия), тем самым подтверждая догадку Дарвина.

Именно Дарвин, на беду, оказался главным врагом всех, кто свято верил в божественное происхождение и буквальную истинность Библии. Если бы Фипрою явилась возможность выступить против теории бывшего друга, он бы, несомненно, ее не упустил.

И такой случай ему выпал, хотя для него самого все это было полной неожиданностью.

Двадцать пятого июня 1860 года Фипрой писал генералу Эдварду Сэбайну, президенту Королевского общества, что намерен привезти «диаграммы ветров» на заседание Британской ассоциации содействия развитию науки, которое должно было состояться в Оксфорде, и предоставить их в распоряжение секретаря ассоциации. Двадцать девятого июня, в пятницу, он читает на заседании ассоциации доклад, посвященный штормам, в которые попадали английские корабли. Он начинает с исторического обзора от времен Дефо, подробно останавливается на шторме, во время которого погиб «Роял чартер», и делает свои обычные выводы; ссылается на мнение других специалистов, скромно вспоминает о том, что Франция пытается соперничать с английской службой погоды. Это хороший, квалифицированный доклад. Но он ничем не выделяется из числа всех прочих.

Этого нельзя сказать о двух докладах, прочитанных до и после доклада Фипроя. Названия их вполне академичны: «О половом размножении растений» и «Об интеллектуальном развитии Европы». Но... и у одного, и у другого названия есть добавление, звучащее менее приятно: «в связи со взглядами мистера Дарвина» и «с особой ссылкой на работу мистера Дарвина «Происхождение видов».

Гексли, автор первого из них, стоявший на продарвиновских позициях, старался вести аргументацию в спокойном, деловом тоне. Придерживавшийся ортодоксальных взглядов профессор Оуэн¹, автор второго, напротив, вступил в самую яростную полемику с Дарвином. В зале поднялось волнение. Страсти разгорелись еще больше, когда прошел слух, что оксфордский епископ Вильберфорс, в прошлом капеллан королевы Виктории, принимавший ассоциацию в Оксфорде на правах «хозяина», собирается в субботу «предать анафеме» сподвижников и приверженцев Дарвина.

Субботний доклад малоизвестного и совершенно безобидного профессора Дрейпера из Нью-Йорка становится общественным событием, долгожданным развлечением. Все студенты, еще не разехавшиеся на летние каникулы, валом валят в лекционный зал. К ним присоединяется местное духовенство (с женами). Народу собирается так много, что приходится перейти в другое, более просторное помещение. Зал гудит, предвкушая удовольствие. Порхают платочки дам. На председательском месте Хенслоу, в свое время рекомендовавший Дарвина в качестве натуралиста на «Бигль». В зале находятся Гексли и второй крупный сподвижник Дарвина Джозеф Хукер².

В течение часа профессор Дрейпер бубнит свой доклад. Так говорится в отчетах, помещенных, естественно, не в официальном органе ассоциации «Атенеуме». Возможно, он «бубнит» не больше, чем все остальные ораторы, выступавшие всю неделю, но его судили согласно иным, новым требованиям, возникшим в тот день. Затем поднимается некий мистер Дингл и идет к доске, чтобы проиллюстрировать правоту дарвинской теории. У него забавный метод аргументации и не менее забавный акцент. «Предположим, что точка А — человек, — возглашает он, — а точка В — обезьяна». «Обезьяна, обезьяна!» — с восторгом кричат студенты, и больше ему не удастся произнести ни слова. Наконец на кафедру выходит «звезда» всего спектакля, епископ Вильберфорс. Он был хорошо «натаскан» противником Гексли профессором Оуэном. Его получасовая

---

¹ Ричард Оуэн (1804—1897) — английский анатом, зоолог и палеонтолог. — *Прим. пер.*

² Джозеф Хукер (1817—1911) — английский ботаник, участник экспедиции Росса в Антарктику, помогал Дарвину в подготовке его труда «Происхождение видов». — *Прим. пер.*

речь, — сообщает один из свидетелей, противник епископа, — была столь же горяча, сколь бессодержательна и несправедлива. Однако большинство слушателей встречают речь с энтузиазмом. Увы, епископ Вильберфорс совершает промах. Он прибегает к тяжеловесному юмору. Обратившись к Гексли, он спрашивает, не может ли distinguished профессор сообщить ему, по какой линии он произошел от обезьяны — по отцовской или по материнской. Гексли, в первый момент растерявшийся, хлопает себя по колену и шепчет Хукеру: «Господь бог отдал мне его прямо в руки!»

Наконец Хенслоу представляет Гексли ответное слово. Тот начинает спокойно приводить обоснованные доводы в защиту дарвинизма. Затем заявляет: он не стыдится того, что самый первый его предок — обезьяна; но ему было бы стыдно оказаться в родстве с человеком, который использует дарованные ему способности для сокрытия истины! В зале содом. Какая-то дама падает в обморок.

Мало-помалу устанавливается порядок, кульминационный момент остается позади. Выступают еще несколько человек из числа слушателей. Один из них — Фицрой. Мистер Фицрой, сообщает «Атенеум», «выразил сожаление о том, что мистер Дарвин опубликовал свою книгу, и несогласие с утверждением профессора Гексли, будто теория мистера Дарвина логически вытекает из фактов». Фицрой, говорится в другом отчете, «сказал, что он часто увещевал своего старого друга, прося его пересмотреть взгляды, идущие вразрез с первой главой книги Бытия».

В ту же субботу в доме Добени¹, делавшего доклад в четверг, состоялся вечер членов ассоциации. На вечере царило веселое возбуждение, героем его был Гексли. Но Фицрой вряд ли присутствовал на нем. Скорее всего, он находился на пути домой, в Лондон, и настроение у него, вероятно, было самое мрачное. Спору нет, большинство присутствовавших в тот день придерживалось тех же взглядов, что и он, и считало, что епископу «нагрубили», а не разбили его наголову. Спору нет также, что он был прав, выступая против чересчур механистического понимания дарвинской теории, которая с течением времени

---

¹ Чарльз Добени (1795—1867) — английский химик и натуралист. — *Прим. пер.*

все более искажалась людьми, вроде Герберта Спенсера¹ или Геккеля², трубившими об «естественном отборе», — кстати, автор этого термина не Дарвин. Однако ничто не могло облегчить терзаний Фипроя. Хотя он принципиально выступал против теории Дарвина, он, вероятно, не был в восторге, что его сторонниками оказались в основном священники-консерваторы и их жены. В конце концов он тоже был ученым-новатором, он тоже был членом Королевского общества, и не было бы ничего удивительного, если бы Фипрой стремился к известности, во всяком случае хотел бы находиться в первых рядах ученых. Может быть, и нехорошо об этом упоминать, но в письмах Фипроя Сэбайну и Гершелю ощущается некоторое преклонение перед его знаменитыми адресатами (правда, ему вообще свойственна изысканная викторианская вежливость).

Мы можем представить себе его суровую фигуру, когда он едет в Лондон в купе первого класса. Возможно, на нем фрак, как на фотографии, что была сделана в это время. Лицо его уже утратило юношескую тонкость черт, нет и надменности, отличавшей его в зрелые годы. И если в мозгу этого человека с непроницаемым лицом роились горькие мысли, если его мучили зависть и разочарование, это можно понять и извинить. Но еще сильнее Фипроя мучило чувство, что все его усилия были тщетны, что он потерпел полный крах. Он был не единственным из друзей Дарвина, знакомых с естественными науками, кто испытывал душевное смятение. Пути Хенслоу и Дарвина довольно скоро разошлись, даже великий Лайель не остался с ним до конца. Фипрою с самого начала было с Дарвином не по пути. И все же где-то в глубине души у него, возможно, таился страх, что он не только не в авангарде научной мысли, но, напротив, среди тех, кому суждено проиграть. А если так, если выиграют атеисты, люди, восставшие против традиционных верований, что же ждет человечество, к чему все это, Фипроя, попытки принести пользу людям? Фипрою было всего пятьдесят лет, но он поставил под своим письмом в «Таймс» подпись «Senex»

---

¹ Герберт Спенсер (1820—1903) — английский философ, сподвижник Дарвина, пытался применить эволюционную теорию для объяснения социальных явлений. — *Прим. пер.*

² Эрнст Генрих Геккель (1834—1919) — немецкий биолог и философ, первым в Германии выступил в защиту эволюционной теории. — *Прим. пер.*

и, возвращаясь из Оксфорда в Лондон, вероятно, действительно чувствовал себя стариком.

Вносила ли его работа в Метеорологическом департаменте реальный вклад в науку? Добился ли он настоящих успехов? Может ли он рассчитывать на поддержку ученых, в частности членов Королевского общества? Должно быть, последние годы вопросы эти все больше и больше терзали Фицроя. Мы вновь сталкиваемся с фактом, которому не должны удивляться, уже достаточно зная характер Фицроя: он опять занимался в основном не тем, чем обязан был заниматься, а тем, чем хотел, — что считал своим долгом.

«Можно обтесывать камни, можно класть кирпичи, но если тебе не ясно, для чего, если ты не видишь здания, которое будет построено из них, — как мало удовлетворения принесет этот тяжкий труд, даже если тебя воодушевляет вера в то, что в будущем это даст свои результаты». Так писал Фицрой в «Книге о погоде». А ведь должность, которую он занимал, называлась: метеоролог-статистик. Мы видели, что Фицрой был раздосадован, когда Торговый совет вторично обратился к Королевскому обществу за инструкциями. Но от первой инструкции Общества Фицрой нетерпеливо отмахнулся, сказав: «Слишком сложно»... и так оно и было. Однако главное в том, что в этой инструкции говорилось в первую очередь о сборе и накоплении сведений. Нельзя сказать, чтобы она полностью игнорировала вопрос применения полученных сведений; капитаны судов, например, «должны уметь отличить циклон от шторма, сопровождающегося изменением ветра». Но тут же следует указание, что для обеспечения этого новое ведомство должно собирать статистические данные о местонахождении и повторяемости штормов. В остальном же инструкция требует приумножать и классифицировать факты, с чисто научной целью улучшить знакомство с метеорологическими условиями на морях и океанах — и больше ничего.

Первые год-два Фицрой делал так, как было сказано в инструкции. Затем он заупрямился. Фразе о кладке кирпичей в «Книге о погоде» предшествует куда более прозрачный намек: «До последнего времени метеорология занималась в основном статистикой и имела слишком теоре-

тический уклон, чтобы полученные данные можно было применить на практике с пользой для людей и для оказания им непосредственной помощи; чем больше накапливается данных, тем труднее становится их практическое использование». Фицрой сместил акцент в своей работе со сбора сведений на применение их. Сдвиг этот стал еще резче, как мы видели, после кораблекрушения «Роял чартер», потрясшего Фицроя и заставившего его мучиться угрызениями совести.

Не в том дело, что ему не хватало терпения. Главная причина крылась в его характере: он был в первую очередь филантроп, а во вторую — ученый. Говоря это, мы вовсе не хотим проводить обидных сравнений. Просто Фицрой никогда не смог бы ждать двадцать лет, как Дарвин, чтобы собрать достаточное количество фактического материала для подкрепления своей теории. Никакое известие об утонувших людях не заставило бы Дарвина действовать, если бы он считал, что с научной точки зрения это преждевременно и подвергает риску успех дела. Но сердце Фицроя никогда не подчинялось голове.

Он знал, какая его подстерегает опасность. «Понятно, — пишет он в «Книге о погоде», — что истинный ученый склонен относиться недоверчиво к такому предмету исследования, который нельзя исчислить, взвесить и измерить. Его не устраивают взгляды, предположения и гипотезы, если они не основаны на фактах, судить о которых другие могли бы не хуже, чем сам теоретик, стоящий, возможно, на ложном пути. Без сомнения, по этой причине некоторые математики недооценивают метеорологию как науку, считая ее слишком эмпирической для предсказания погоды и полагая, что ее цель — наблюдение и регистрация фактов.» Однако Фицрой вовсе не относит себя к теоретикам, стоящим на ложном пути, напротив, он делает вывод, что неправы «математики» и что предсказание погоды можно поставить на научную основу.

При всем том ему мало нравилось носить клеймо «эмпирик». Точно так же, как обвинить современного актера в том, что он игнорирует метод Станиславского, или средневекового астролога, что он умаляет значение планет, обвинить Фицроя в эмпиризме значило нанести ему жестокую обиду. Явно в ответ на такое обвинение Фицрой в более поздних отчетах изо всех сил старается объяснить научную сторону своих методов и торжественно заявляет,

что его прогнозы погоды не «предвидения» и делаются на основе исследований. Он вынужден даже, пожалуй, слишком настойчиво, доказывать свою правоту. Он говорит о том, как много он получил благодарственных и хвалебных писем, и приводит в Приложениях выдержки из них. Вот адмирал Эванс сообщил о внезапной буре в районе реки Мерси, и начальник порта успел принять необходимые меры, вовремя обратив внимание на штормовые сигналы. Вот пеккий джентльмен, отправлявшийся в Ирландию с больной дамой, благоразумно отказывается от путешествия по морю, хотя «в момент отплытия погода в Лондоне была прекрасной». Вот более печальный случай, когда владелец корабля послал капитана навстречу гибели потому только, что не оправдался предыдущий прогноз.

Фицрой прекрасно понимал, что один из источников оппозиции составляли «все заинтересованные в денежной прибыли: торговые компании и отдельные лица, которые предпочитают, чтобы рыбаки, не обращая внимания на предостережения, с риском для жизни продолжали заниматься своим опасным делом, лишь бы не платить за простой судна и не пропустить улов рыбы для лондонских рынков». Эта выдержка взята из отчета 1863 года, и далее Фицрой говорит о том, что существует не менее четырех групп сознательных противников предсказания погоды и введенной им системы штормовых сигналов, и «они должны быть известны». О первой уже сказано. Ко второй относились те, кто пытался сам выпускать бюллетень погоды. Потерпев неудачу, они «делают все возможное, чтобы устно, в письмах и при помощи самой изощренной критики в газетах и периодических изданиях преувеличить недостатки и преуменьшить достоинства Метеорологического департамента. В третью входили «лица, которые с момента возникновения службы погоды были против нее из теоретических соображений», а в четвертую те, «кто из-за недостатка времени и невозможности досконально познакомиться с нашей деятельностью продолжает недооценивать ее и называет ее балаганом».

«Балаган» звучало еще хуже, чем «эмпирик», во всяком случае для широкой публики. Возможно, Фицрой был слишком обидчив, возможно, оппозиция и критика казались ему более серьезными, чем были на самом деле, — трудно сказать. Очевидно одно — он был глубоко уязвлен. Даже ранее благожелательная «Таймс» стала относить-

ся к нему придирчиво. Редакционная статья от одиннадцатого апреля 1862 года начинается так: «Наши читатели, вероятно, заметили — кто с интересом, а кто, как мы опасаемся, и со злорадством, — что каждое утро мы делаем попытку предсказать погоду на ближайшие два дня. Не вменяя себе в заслугу отдельные успехи, мы вместе с тем не желаем нести ответственности за частые неудачи этих прогнозов. В последнюю неделю природа, видимо, получила особенное удовольствие, опровергая догадки науки».

Затем приводится признание самого Фицроя: «Хотя суждения наши могут быть неверны, а выводы ошибочны, законы природы всегда истинны. Это неоспоримо. Просто мы еще не научились их правильно объяснять». Дальше он говорит, что для более точного предсказания погоды необходимо иметь больше данных (то же самое, без сомнения, сказало бы и Королевское общество, если бы к нему вновь обратились). Кончается статья, однако, ободряющим: «Не сдавайтесь!»

И Фицрой не сдается. Он работает не щадя сил. Появляется зловещий признак переутомления — его некогда четкий красивый почерк, став расплывчатым и крупным в донесениях из Новой Зеландии, теперь в письмах Сэбайну и Гершелю еще более смазан. Восемнадцатого июля 1864 года «Таймс» печатает статью, посвященную последнему официальному отчету Фицроя. Особенно доброжелательной ее не назовешь.

«Как бы далеко ни ушла вперед наука, — говорит автор статьи, — ни один заслуживающий доверия ученый, которому дорого его доброе имя, не рискнет предсказывать погоду. Адмиралу Фицрою все еще предстоит убедить широкую публику в своей правоте, и над этой задачей он который год трудится с достойным всяческой похвалы прилежанием».

Фицрой, продолжает статья, сам признается в некоторых неудачах. При всем том, «бесспорно, из того, о чем говорится в прогнозах адмирала Фицроя, что-нибудь — не одно, так другое — обязательно происходит», и, так как служба погоды почти ничего не стоит налогоплательщикам, «Таймс» не хочет становиться в ряды ее врагов.

Но сразу же вслед за тем Фицрою наносится тяжелый удар. Возможно, продолжает автор, скептическое отношение к прогнозам погоды, без сомнения существующее среди наших читателей, вызвано «на редкость неуклюжим и

туманным языком, которым написаны объяснения адмирала». Что, к примеру, означает такая фраза: «Факты уподобляются почве, телеграфные провода — корням, а центральная служба погоды — стволу, предсказания — ветви дерева и штормовые сигналы — фрукты этого самого молодого дерева знания»? «Если мы правильно расшифровываем эту метафору, — продолжает статья, — адмирал хочет сказать, будто он в состоянии установить, что происходит в воздухе в нескольких сотнях миль от Лондона при помощи диаграммы воздушных течений, циркулирующих над столицей».

Кому придется по вкусу, когда издеваются над делом твоей жизни?! Фицрой в ответ лишь глубже погружался в работу.

Даже М. Ф. Мори отвернулся от него. Судя по всему, Фицрой испытывал к нему противоречивые чувства. В письмах Гершелю Фицрой обвиняет Мори в «саморекламе», в том, что он не отдает должного своим предшественникам, что он «прежде всего политик». Все так, однако Мори действительно был пионером метеорологии и крупным ученым. И вот теперь от него стали приходиться расхолаживающие письма, о которых в отчете за 1864 год адмирал грустно говорит, что они «не имеют прогрессивного характера». «Капитан Мори, видимо, не вполне понимает, что своей низкой оценкой прогнозов погоды, которые составляются сейчас в Англии и Франции, он подорвет доверие к телеграфным предупреждениям об опасности.»

Только предупреждениям, заметьте, а не предписаниям, что делать дальше. Неужели никто никогда его не поймет, даже Мори? Неужели он так и не сможет реабилитировать себя большей точностью прогнозирования? Фицрой все глубже и глубже погружался в работу.

В апреле 1865 года жена Фицроя писала одному из родственников, что в последнее время здоровье мужа находится в плохом состоянии. «Все доктора единодушно предписывают прекратить работу и отдохнуть. Ему предоставили отпуск, но беспокойный характер и чрезмерная совестливость мешают ему употребить отпуск себе на пользу: он не может допустить, чтобы другие делали то, за что он получает деньги. Он все время находится в нервном возбуждении, но как только ему становится немного лучше, спешит в департамент, а когда приезжает туда, убеждается, что не может по-настоящему работать».

В другом письме заботливая и напуганная жена говорит о тяжелом состоянии мужа — «упадке сил и угрозе паралича» и признается, что уже с января этого года она советуется с врачами «относительно его бедного рассудка».

Самоубийство всегда удар для близких, даже когда есть основания его опасаться. О причинах можно только догадываться. «Нарушение душевного равновесия» — ничего не говорящая общая фраза.

Как и в дни плавания на «Бигле», Фицрой пришлось испытать сильное разочарование, а такие люди, как он, не легко примиряются с крушением надежд и утратой веры в самого себя. На «Бигле» его удалось успокоить и вновь вселить в него волю к жизни, и он был молод тогда, теперь же иллюзии его были разбиты, он уже Senex, к тому же упадок сил и нервное истощение оказались на этот раз сильнее.

Утром тридцатого апреля 1865 года Фицрой вошел в туалетную комнату, взял бритву и перерезал себе горло.

Приводим выдержки из «Записок» его вдовы, где говорится о последних днях Фицроя.

Верхний Норвуд.

Пятница, 21 апреля. Весь день лежал. Самочувствие очень плохое.

Суббота, 22. Все еще в постели. Чувствует себя лучше. Очень благодарен за то, что начинает оправляться. Воскресенье. Встал с постели. Очень слаб и недужен, не в состоянии выйти из дому, однако сошел вниз и попросил дать ему Библию и молитвенник на то время, что мы будем в церкви. Когда мы вернулись, сказал мне, что читал до тех пор, пока был в состоянии сосредоточиться.

Понедельник, 24. Все еще очень слаб. Небольшая прогулка в коляске с адмиралом Кэри немного приободрила его, и он посидел со мной в саду, пока девочки играли в крокет.

Вторник, 25. Значительно лучше. Решил поехать в Лондон... Делами не занимался, вернулся вскоре после полудня, случайно встретила его неподалеку от дома миссис Телмсон, к которой мы с девочками шли с визитом, не за-

хотел присоединиться к нам и направился домой выпить чашку крепкого бульона, который я велела для него приготовить. Пошел повидать адмирала Кэри, подождал нас, присоединился к нам и вернулся домой. Вечером играл в вист, судя по всему, с удовольствием.

Среда, 26. Поехал ненадолго в Лондон, но в Метеорологический департамент не заходил.

Четверг, 27. Жаркий день. Сразу после завтрака отправился в Лондон, чтобы пораньше приехать обратно и успеть повидать генерала и миссис Вуд; вернулся вскоре после двенадцати очень усталый и прилег отдохнуть. К ленчу спустился вниз. Днем вышел погулять с нами и полковником Смитом, долго разговаривал с поймавником и со мной о наших делах. Затем встретился с доктором Хетти и имел с ним («долгий» вычеркнуто) разговор относительно своего здоровья,— их последний разговор. Вечером казался спокойным и довольным, разговаривал со мной; казалось, твердо решил тихо пожить здесь некоторое время и укрепить свое здоровье. Когда мы собирались ложиться спать, пришло письмо от мистера Тремлетта; он приглашал нас обоих к себе на три дня, с субботы по понедельник, чтобы в последний раз повидаться с капитаном Мори. Письмо совершенно вывело его из равновесия, он разрывался между желанием принять это приглашение и только что выраженным вслух намерением посидеть спокойно дома. Понятно, он плохо спал в эту ночь; я посоветовала ему сделать то, что ему больше по сердцу.

Утром в пятницу поехал в Лондон, в департамент, вернулся успокоенный, так как написал мистеру Тремлетту и отклонил приглашение (как он мне сказал). После ленча удалился к себе в комнату, чтобы писать письма, и вскоре встревоженно позвал меня; я застала его крайне расстроенным тем, что скопилось огромное количество писем и приглашений на званые обеды, на которые необходимо было давным-давно ответить. Я постаралась успокоить его и помогла ответить на несколько самых неотложных писем, затем он согласился ненадолго выйти с нами на воздух... Пошел повидать адмирала Кэри, который проводил его обратно до дверей. Вечером опять играл в вист, по-видимому, с удовольствием. Утром в субботу зашел ко мне в комнату и сказал, что ему хотелось бы еще раз повидаться с Мори. Я ответила: пусть делает, как ему хочется; он ответил, что

абсолютно не способен ни на какое усилие, может лишь лечь и попытаться уснуть. Попросил меня устроить его поудобнее, что я сделала. После ленча почувствовал себя немного лучше и вышел прогуляться с двумя старшими девочками; поехать со мной в коляске не захотел, так как решил, что пешая прогулка скорее пойдет ему на пользу. Вернувшись домой, я обнаружила, что он оставил девочек и отправился в Лондон; вернулся он лишь в восемь часов вечера, страшно усталый и возбужденный; с тех пор как мы переехали сюда (в Норвуд) из Лондона, я еще ни разу не видела его в таком нервном состоянии. Казалось, он был совершенно не способен сосредоточиться, дать членораздельный ответ или сделать осмысленное замечание. После обеда он немного оправился и упомянул, что был у мистера Тремлетта, где и произошло событие, которое так сильно нарушило его душевное равновесие. Он упомянул также, что мистер Тремлетт просил его вновь приехать в воскресенье. Я выразила удивление, так как в пятницу утром сама написала письмо, отправленное затем дневной почтой, где благодарила мистера Тремлетта за приглашение и вместе с тем объясняла, что самой большой услугой его другу будет, если он оставит его в покое и перестанет соблазнять его поездками в Лондон, так как после этих поездок ему неизменно делается хуже, а стоит ему спокойно пожить денек-другой в Норвуде, его состояние резко улучшается.

Я предложила поиграть в вист, он сказал, что сыграл бы с огромным удовольствием, но разговор с мистером Тремлеттом и капитаном Мори настолько его взволновал, что он не может думать ни о чем другом. Обычно после обеда он ложился вздремнуть, но в этот вечер он ни на минуту не сомкнул глаз. Когда девочки пошли спать, он сказал, что хотел бы обсудить со мной вопрос, ехать ли ему в воскресенье в Лондон, чтобы еще раз повидаться с Мори. Я спросила: разве он уже не попрощался с капитаном? Он ответил утвердительно. Тут я сказала ему, что очень устала и хочу спать, и самое лучшее — пойти сейчас и лечь, а о поездке поговорить завтра утром. Он согласился со мной, сказав, что у меня очень усталый и измученный вид. Я пошла наверх, затем вновь спустилась, так как он все еще был внизу и не поднимался к себе в туалетную комнату. Он поблагодарил меня за заботу и сказал, что идет наверх; он стоял перед столом, на котором лежала развер-

путая газета; сразу вслед за тем он поднялся к себе. Когда он вошел в спальню, я уже была в постели. Он обошел кровать с моей стороны, спросил, удобно ли мне, поцеловал меня, пожелал спокойной ночи и лег. Было ровно 12 часов пополуночи. Я быстро уснула, а когда проснулась, сказала, что, надеюсь, он выспался, так как спал он спокойно. Он ответил, что хотя он и спал, сон его не освежил. Он пожаловался, что свет режет глаза, и я сказала: надо что-нибудь придумать, чтобы затемнить окна. В это время часы пробили шесть. С шести до семи мы не разговаривали, видимо, оба были в полусне. Вскоре после того, как часы пробили семь, он спросил, почему так поздно нет служанки. Я ответила, что в воскресенье она всегда приходит позднее, так как нет нужды торопиться с завтраком, чтобы поспеть на десятичасовой поезд, как в будние дни. В половине восьмого служанка зашла к нам. Он встал с постели до меня, не скажу точно, когда, видимо, было без четверти восемь, и пошел к себе в туалетную комнату; проходя мимо Лоры («через ее комнатку» — добавлено позднее), он поцеловал ее. Сперва он не запер дверь туалетной комнаты . . . . .

Реабилитация и прощение

Куда лучше служить неблагодарному отечеству,
чем самому отказаться от славы. Потомки
воздадут вам по заслугам.

Горацио Нельсон

Место действия: ежегодное собрание Королевского географического общества. На кафедре президент общества сэр Родерик Мёрчисон.¹ Начав с того, что адмирал Фицрой его старинный друг — не кто иной, как он, вручил капитану «Бигля» золотую медаль почти тридцать лет назад, — Мёрчисон продолжает:

¹ Родерик Мёрчисон (1792—1871) — крупный английский геолог. — *Прим. пер.*

«Оплакивая утрату этого выдающегося человека, которого и его прежний начальник, король навигации сэр Фрэнсис Бофорт, и его преемник ставили чрезвычайно высоко, я позволю себе выразить предположение, что, если бы на Фицроя не возлагали тяжелой ответственности за предсказания погоды, если бы его не винули бесконечно, когда они не оправдывались,— а этому не приходится удивляться при нашем непостоянном климате,— бесценная для нас жизнь адмирала была бы сохранена.»

Таково было мнение одного лица, по лица, занимающего высокий пост и отвечающего за свои слова. Вдова Фицроя, видимо, испытывала такие же чувства. Она твердо решила не допустить, чтобы самоубийство бросило тень на его репутацию, чтобы его плодотворная работа была предана забвению, решила опровергнуть мнение тех, кто был не согласен с сэром Мёрчисоном, и пресечь их происки. Она стала собирать благодарственные письма и вербовать сторонников.

Естественно, те, кто пишут пекрологи, особенно по заказу, не скажут об усопшем ничего, кроме хорошего. Но, как увидела вскоре вдова, нашлись желающие преуменьшить достижения Фицроя. Перед нами язвительное и негодующее письмо миссис Фицрой некоему члену парламента, мистеру Августу Смитту:

«Сэр. Не удовольствовавшись тем, что Вы фактически свели в могилу хорошего и благородного человека, Вы стараетесь теперь опорочить и погубить дело служения людям, которому он посвятил всю свою жизнь. Однако факты говорят за себя. Если введенная им система штормовых сигналов так бесполезна и несовершенна, почему же другие страны спешат заимствовать ее у нас? Почему раздастся крик рыбацких жен с северного побережья Шотландии: «Кто теперь позаботится о наших мужьях?» Почему рыбаки здесь, на юге Англии, вздыхают: «Мы понесли тяжелую утрату?» И они, и многие другие, о ком я здесь умолчала, имеют в виду безвременную кончину человека, отдавшего родине *все* и не оставившего семье ничего, кроме доброго имени. Я не думаю, чтобы Вы действовали из личных побуждений, выступая против того, кто никогда никому не причинил зла. Возможно, Вами движет желание завоевать некоторую популярность в палате, проявив себя особо бережливым членом парламента. Но хотя ему Вы больше не в состоянии сделать больно, Вы можете до-

бавить еще одну каплю горечи в и без того переполненное ею сердце несчастной вдовы, вдвойне чувствительной к каждому порицанию его трудов и вдвойне благодарной за все заслуженно хвалебные слова. Тысячи людей тепло отзываются об этих трудах и будут отзываться, когда меня уже не станет, когда похвала или порицание будут мне столь же безразличны, как они сейчас безразличны ему самому.

С уважением *Мария Фицрой.*»

Дело в том, что восьмого июня того же 1865 года, во время обсуждения в палате общин вопроса о годовом бюджете, член парламента от Труроу мистер Август Смит выступил в дебатах по поводу ассигнований, предоставленных на нужды метеорологии. Выразив недовольство тем, что расходование суммы, о которой идет речь, контролируется слишком многими организациями, не имеющими друг к другу отношения, он спросил далее, собирается ли Торговый совет теперь, когда метеорологический департамент остался без руководителя, продолжать прогнозирование погоды.

Согласно официальным отчетам за предыдущий год, — утверждал он, — две трети «предвидений» (Фицрой перевернулся бы в гробу, если бы услышал это слово) оказались неверными. «Что нам предсказывали на прошлой неделе? Северо-восточный ветер, свежий, умеренный. А что было на самом деле? Над северными районами Англии пронесся страшный ураган, нанесший огромный материальный ущерб, причем шел он отнюдь не оттуда, откуда его ждали». Добавив, что почти все сильные штормы начинались до того, как о них предупреждала служба погоды, он в конце своего выступления выразил надежду, что место Фицроя займет «высококомпетентный джентльмен».

Президент Торгового совета в своем ответе благородно взял под защиту главу Метеорологического департамента. Его достопочтенный друг мистер Смит недооценивает репутацию, которой Фицрой пользуется в ученом мире. «Он выражает не только свое личное мнение, но и мнение тех, кто лучше его может судить о данном вопросе, считая, что покойный адмирал Фицрой сослужил стране большую

службу, усовершенствовав и продвинув вперед метеорологию как науку». Переход от сбора сведений к их практическому использованию произошел по инициативе адмирала Фицроя, но «с согласия и одобрения парламента и Королевского общества».

Несмотря на это утверждение в результате дебатов было решено создать комиссию, которая совместно с Королевским обществом должна была проверить работу Метеорологического департамента и решить его будущее.

Доклад этой комиссии,¹ появившийся в следующем году и занимающий сорок три страницы большого формата плюс еще почти столько же страниц приложения, заканчивается следующими словами: «Мы были бы несправедливы по отношению к самим себе, если бы позволили создаться ложному впечатлению, будто мы недооцениваем то, что покойный адмирал Фицрой пытался и успел сделать». Такая заключительная фраза была просто необходима, так как весь доклад написан критически, порой даже слишком критически.

Не нужно забывать, что Королевское общество назначило Фицроя на должность Главного статистика. Комиссия, проявив полное незнание и непонимание характера Фицроя, видимо, была удивлена, что он меньше всего занимался своими прямыми обязанностями. (Все равно, что удивляться, как это из Чарльза Диккенса не получился Джон Стюарт Милль².) Комиссия обнаружила, что данные, поступавшие от капитанов морских судов в первые годы существования службы погоды, были использованы недостаточно, а в последние годы их сбор почти прекратился. Фицрой переключил свое внимание на другое, а именно на предсказание погоды при помощи сведений, поступающих с метеорологических станций по телеграфу, и на штормовые предупреждения.

Первое комиссия подвергла резкому осуждению: «Насколько нам известно, в настоящее время вряд ли хоть один опытный метеоролог станет утверждать, будто метеорология достигла такого состояния, когда мы можем ежедневно предсказывать погоду на ближайшие двое суток

---

¹ «Доклад комиссии, назначенной рассмотреть некоторые вопросы, касающиеся Метеорологического департамента Торгового совета», 1866 г.

² Джон Стюарт Милль (1806—1873) — английский философ и политэконом. — *Прим. пер.*

в любой точке земного шара». Что касается штормовых предупреждений, то, как выяснила комиссия, они сделались весьма популярными и вызывают повсюду похвалу. Видимо, они «приносят некоторую пользу». После чего следовали рекомендации.

В связи с тем, что было обнаружено комиссией, интересно познакомиться с двумя письмами. Одно написано мистером Т. Х. Бэбингтоном, помощником Фицроя, который продолжал его дело до тех пор, пока не были введены изменения, рекомендованные комиссией. Другое — главным гидрографом адмиралтейства (именно с ним комиссия советовалась по поводу предложенных ею рекомендаций).

Бэбингтон пытается защищать своего бывшего начальника от обвинения в том, что тот запустил статистическую работу, что в ней, говоря попросту, хотя он не употребляет этого выражения, царит полный хаос. «Как могло быть иначе? — спрашивает Бэбингтон. — У адмирала Фицроя почти не было людей, которые занимались бы технической обработкой материалов. В течение значительного периода мысли его были, естественно, заняты созданием совершенно новой службы — службы погоды, систематизацией ее функций и организацией труда. Ему в конце концов удалось в этом преуспеть... ценой своей жизни. В последнее время перед смертью его светлый и энергичный ум, ослабленный и затуманенный бесконечным нервным напряжением и беспокойством, стал неспособным к длительным усилиям. У него был очень маленький штат служащих, и он просто физически был не в состоянии сделать больше того, что сделал. Я однажды слышал, как Мори (компетентный судья в таких вопросах) сказал, что он поражается тому, какую колоссальную работу проделал Фицрой.»

Письмо, вернее меморандум, главного гидрографа является попыткой объяснить, как произошло, что первоначальные цели Метеорологического департамента «так сказать, отошли на второй план». Некоторое изменение первоначальной установки только на сбор фактических сведений являлось правильным и даже необходимым по той причине, что районы главных водных путей были в основном изучены. Во всяком случае, вряд ли какая-нибудь правительственная комиссия достаточно компетентна, говорится в меморандуме, чтобы руководить работой

научного учреждения. Королевское общество не имело возможности давать указания службе погоды, оно могло лишь, если его спрашивали, высказывать свое мнение.

«Метеорологический департамент был предоставлен в полное распоряжение адмирала Фицроя, который сам намечал задачи управляемого им учреждения и, несомненно, выполнял их так, как считал наиболее соответствующим интересам общества, — его заслуги перед наукой ни у кого не вызывают сомнения.»

Рекомендации комиссии были таковы:

1) все данные, полученные на море капитанами кораблей и пересланные в службу погоды, должны быть соответственным образом классифицированы и обнародованы; дальнейшие наблюдения, хотя и не в таком масштабе, должны быть возобновлены;

2) ежедневные предсказания погоды должны быть прекращены;

3) штормовые предупреждения, «столь важные и популярные и обещающие принести такую большую практическую выгоду, что было бы неверным отказаться от них», следует продолжать, но на «научной и благотворной основе».

Что бы комиссия ни подразумевала под словом «благотворный», выводы, сделанные из рекомендаций комиссии, оказались еще менее удовлетворительными для защитников памяти Фицроя, чем можно было ожидать. Руководство службой погоды — научным учреждением, которое нашли прискорбно ненаучным, — было предложено без всяких ограничений Королевскому обществу, вернее, постоянному комитету Общества. Предложение было принято, а рекомендации комиссии — нет. Несмотря на то что ответы на анкету, разосланную во все основные порты, где поднимали штормовые сигналы Фицроя, были, за одним исключением, в их пользу, было заявлено следующее: «Президент и совет Королевского общества придерживаются взгляда, что „в настоящее время эти предупреждения основываются преимущественно на эмпирическом методе“, поэтому дальнейшее их распространение под эгидой такой ученой корпорации, как Королевское общество, представляется невозможным. Следовательно, штормовые сигналы, как и ежедневные прогнозы погоды, необходимо прекратить; возможно, через какое-то время, когда боль-

ший объем знаний позволит обеспечить большую точность, они будут возобновлены.»

Указания Королевского общества были должным образом учтены. Другими словами, те, кто сетовал на «эмпиризм», выиграли битву.

Обошлась ли жизнь с Фицроем слишком сурово? Если говорить о деле, которому он посвятил последние годы, несомненно да. Его вдова сохранила, в числе прочих, следующее письмо:

«Сэр. Я только что получил циркуляр от двадцать девятого числа истекшего месяца и с большим сожалением узнал, что с седьмого числа текущего месяца вывешивание штормовых сигналов будет временно прекращено.

Я надеюсь, что это ненадолго, так как сигналы приносят колоссальную пользу на наших берегах; я думаю, если бы президент и совет Королевского общества своими глазами увидели, какое значение им придают моряки и рыбаки и насколько обычно точны эти предупреждения, они не рекомендовали бы обществу отказаться от них даже на короткое время. За текущий год метеорологическая станция в наших краях получила тридцать три телеграммы, предупреждающие о приближении шторма, и в двадцати шести случаях шторм пришел именно оттуда, откуда его ждали».

Автор этого письма, присланного из Силлота, графство Камберленд, сам был членом Королевского общества, одним из тех его членов, которых не испугал «эмпиризм».

Если бы вдова Фицроя имела доступ к архиву Торгового совета, она бы узнала, что того же мнения придерживались страховая компания в Ливерпуле, манчестерская торговая палата и служащие портов в Гринвиче, Глазго, Эдинбурге, Лите и Данди.

В письме из Данди, в частности, говорится: «несомненно, углубление знаний будет способствовать в будущем лучшему их практическому применению, но это отнюдь не значит, что нужно отказываться от мер, которые приносят пользу в настоящем». В следующем, 1867 году появилось два памфлета, авторы которых, расходясь с Фицроем по частным теоретическим вопросам, в целом очень высоко оценили его вклад в науку. В особенно-

сти это относится к автору более обстоятельной работы, Кристоферу Куку (в прошлом поверенному лондонского Астрометеорологического общества). Кук потратил немало труда, чтобы доказать статистически, что, вопреки утверждениям мистера Августа Смита, прогнозы покойного адмирала были чаще правильными, чем неправильными. Горьким пафосом звучат его слова: «Если появляется новое изобретение, проект или план, автор их — это уж в природе вещей — подвергается осуждению глупых и мстительных людишек, неспособных его понять». Сообщив, что кое-кто позволял себе сравнивать Фицроя с астрологами, он продолжает: «Никто из мыслящих людей не сомневается в том, что, проживи адмирал Фицрой дольше, его методы прогнозирования были бы усовершенствованы, и сами прогнозы стали бы более точными». Затраты на работу Метеорологического департамента не превысили за девять лет сорока пяти тысяч фунтов. «Если царица морей и океанов Британия хочет сохранить свое могущество, ей, бесспорно, не пристало экономить столь скромную долю национальных средств за счет тех, кто трудится ей во благо».

В Новой Зеландии Фицрой по собственной вине впал в немилость министра колоний. Будучи во главе службы погоды, он вел себя точно так же, как будучи губернатором, однако «хозяева» ни разу не дали ему понять, что они недовольны его деятельностью. Но он ушел вперед своего времени и был готов принести себя в жертву ради того, чтобы положить начало делу, в которое вкладывал душу, не думая, преждевременно оно или нет. И он стал жертвой. Такие люди не задерживаются надолго в нашем жестоком мире.

Конечно, Фицрой о многом не знал. По сравнению с современными метеорологическими приборами (и средствами связи — *ред.*), технические средства, которыми он располагал, были крайне несовершенны. Он, например, абсолютно ничего не знал и не мог знать о высоких слоях атмосферы. Однако он был хорошо и досконально знаком с основами естественных наук, в частности физики. Он пострадал из-за того, что Королевское общество также недостаточно знало. И этот недостаток знаний привел к непониманию того, что его научный метод, на который Общество так ополчилось, не мог не быть эмпирическим, что и после Фицроя эмпиризм царил в метеорологии добрую

сотню лет, и при всем том она колоссальными шагами шла вперед.

Обошлась ли жизнь слишком сурово с Фицроем во всем остальном? Если говорить о губернаторстве в Новой Зеландии, то, вероятно, нет. Но об этом достаточно было сказано. А вот о плавании «Бигля» следует кое-что добавить. Воспоминание о конфликте с адмиралтейством по поводу вспомогательных шхун засело занозой в сердце Фицроя. Фицрой был, судя по всему, щедрым, иногда даже слишком щедрым человеком; возможно, он подсознательно затаил обиду на адмиралтейство как своего рода алиби, оправдание того, что он вечно нуждался в деньгах. После смерти Фицроя, говорит Дарвин, его долги были заплачены друзьями, а его вдова получила вспомоществование от королевы.

Если говорить о плавании «Бигля» в более общем плане, то приходится признать, что достижения Фицроя все же не были оценены должным образом. Мы уже упоминали, что официальные некрологи не всегда бывают искренними, однако некролог, написанный по просьбе вдовы главным гидрографом адмиралтейства — тем самым Джорджем Генри Ричардсом, который защищал память Фицроя в своем меморандуме по докладу Королевского общества, — не только показывает осведомленность в вопросе, но и написан от чистого сердца. Приведем из него выдержку:

«Среди должностных лиц адмиралтейства существовало и существует единое мнение относительно заслуг адмирала Фицроя. Ни один военно-морской офицер не сделал столько для развития навигации и не принес такой практической пользы коммерции, как он, причем с такими примитивными вспомогательными средствами и минимальными затратами, которые в наше время даже трудно представить.

На маленьком суденышке, водоизмещением немногим больше двухсот тонн, при содействии находившихся под его командой способных и усердных офицеров, многие из которых сформировались под его влиянием и достигли в дальнейшем больших степеней, Фицрой проводил исследования и гидрографические съемки побережий Южной Америки.

Магелланов пролив — до того времени книга за семью печатями — стал благодаря ему столбовой дорогой для

торговых судов всех наций. В результате тяжелых трудов, которые сказались на физическом и душевном здоровье многих из тех, кто проводил там изыскания, появилось около ста карт, подписанных Фицроем и его офицерами, а также лучшие, пожалуй, из всех существовавших до того навигационных инструкций, которые уже успели выдержать пять изданий.

Его деятельность — самый хороший и прочный памятник ему, так как плодами его трудов будут пользоваться еще не родившиеся поколения».

Что касается религиозных убеждений Фицроя, то тут жизнь обошлась с ним особенно сурово, хотя нужно сразу же добавить, что это было неизбежно, и он оказался не единственной жертвой. Дарвинская теория нанесла ему удар ниже пояса и сбила с ног — точно так же, как современная мощная машина сбивает велосипедиста, или, еще точнее, трогательно старомодного пешехода и, не заметив этого, промчалась мимо, оставив его барахтаться на земле.

Но от таких серьезных и мыслящих людей, как Фицрой, нельзя просто отмахнуться. Стоит привести здесь несколько строк из письма Фицроя Гершелю. Изучая труды своего друга (Гершеля) и астрономию и физику вообще, пишет Фицрой, он вывел нечто вроде философской теории, которая помогает, «хотя бы мельком увидеть неведомую и непостижимую силу, породившую все доступное нашему разуму и органам чувств и поддерживающую жизнь в своих творениях. В связи с такими моими взглядами лично я считаю, что астрономия и геология убедительным образом доказывают богоданность Ветхого завета (если читать его и размышлять о прочитанном *без предубеждения*)». Не он один придерживался тогда таких взглядов.

Но хватит защищать и оправдывать Фицроя. Если мы будем чересчур подчеркивать то, что жизнь обошлась с ним слишком сурово, это только унизит его.

Чего еще можно было ожидать? Первооткрывателям никогда не бывает легко, как сказал Христофор Колумб. А также и тем, кто, будучи хорошим хозяином, не может быть хорошим слугой. Тем, кто сам для себя закон и не умеет применяться к обстоятельствам. Кто узко понимает свой долг и следует ему, не сворачивая с пути; кто не скры-

ваает своих мыслей и не придает значения тому, что думают о нем другие; кто страстно ненавидит отдельных, конкретных людей, вставших им поперек дороги, и так же страстно любит весь род людской, в особенности тех, кто нуждается в их помощи. Тяжелая наследственность, погубившая Фицроя, проявилась не в слабости, а напротив, в крепости духа, в несговорчивости и упорстве, которые делали его абсолютно неспособным идти на компромисс и заставляли всегда поступать в ущерб самому себе.

В номере «Таймс» от второго мая 1865 года было много других известий, помимо сообщения о смерти адмирала Роберта Фицроя. Большое место по-прежнему было уделено откликам на убийство Авраама Линкольна, происшедшее за две недели до того. Целая страница была посвящена отчету о речи министра финансов относительно чайной пошлины. Жизнь, со всеми ее крупными и мелкими событиями, продолжалась.

Жизнь Метеорологического управления (как его теперь называли) на некоторое время почти замерла, так как помощник Фицроя Бэбингтон подал в отставку. Конечно, впоследствии она вновь возобновилась, хотя теперь считают, что эта остановка задержала открытие таких, например, важных природных процессов, как образование атмосферных фронтов. В наши дни служба погоды Англии тратит миллионы фунтов стерлингов там, где Фицрой обходился сотнями.

В Новой Зеландии при преемнике Фицроя столкновения с маори стали еще более ожесточенными; впоследствии сэр Джордж Грей стал премьером и благополучно дожил до старости. Лорд Стенли, бывший во время губернаторства Фицроя министром колоний, через год после его смерти в третий раз был избран на пост премьер-министра. Джерингем Вэкфильд, некогда достаточно навредивший Фицрою, вернулся в Новую Зеландию, но был там не в чести и умер сравнительно рано.

А как сложилась судьба молодых офицеров, сформировавшихся, как сказал в некрологе главный гидрограф, под влиянием Фицроя? Скайрингу, которого он сменил на «Бигле», и в дальнейшем не очень везло с карьерой, умер он от руки дикарей на африканском побережье. Викем сделался губернатором Квинсленда, Стокс, назначенный

капитаном «Бигля» после Викема, совершил гидрографическую экспедицию к Новой Зеландии между 1847 и 1851 годами, написал об этом книгу, а затем вышел в отставку и прожил остальные годы в своем поместье. Мичман Меллерш, заявивший некогда Дарвину, что он читал Байрона и никого не боится, доказал впоследствии, что его заявление не было пустой похвалой — он успешно сражался с пиратами в Китайских морях и вышел в отставку в чине адмирала за год до смерти Фицроя, которого он пережил на тридцать лет, Саливан, чей жизненный путь чаще, чем у всех прочих, перекрещивался с путем Фицроя, в год его смерти оставил департамент торгового судоходства и дожил до преклонных лет, осыпанный наградами и почестями.

Даже корабль «Бигль» оказался куда долговечнее своего капитана. Вернувшись в Англию из четвертой и последней гидрографической экспедиции, он стал нести таможенную службу в прибрежных водах. В 1870 году корабль был продан за 525 фунтов с аукциона в Японию, где до 1881 года его использовали в качестве учебного судна. Только в 1888 году корабль пошел на слом.

Джемми Баттон умер за год до смерти того, кто некогда совершил в канале Бигля необычную сделку, перевернувшую жизнь маленького огнеземельца. Он пал жертвой эпидемии, которая унесла многих его соплеменников и была первой из эпидемий, которые за последующие сто лет почти совсем стерли огнеземельцев с лица земли.

Что касается Дарвина, то писать здесь о нем хотя бы в самых общих чертах было бы превышением задачи, поставленной в этой книге. Он пережил друга своей юности на семнадцать лет, став великим ученым, изменившим мировоззрение целого столетия.

Но, помимо того, что Дарвин был великим ученым, он был настоящим человеком, добрым и отзывчивым по натуре человеком, который ценил доброту и отзывчивость в других и понимал, что такое верность другу. Поэтому будет только справедливо, если мы дадим ему последнее слово.

В одном из донесений, отправленных с «Бигля», Фицрой писал Бофорту: «Я думаю, Вы согласитесь, что мой сотрапезник с лихвой заплатил за место на борту корабля». А Дарвин писал Фицрою после окончания плавания: «Я считаю одной из самых больших удач своей жизни то,

что мне удалось воспользоваться предоставленной Вами возможностью стать натуралистом „Бигля“». Последнее и главное, что отмечает Дарвин, говоря о Фицрое в своей Автобиографии: «Чрезвычайно великодушен... искренний друг всех, кто находился под его началом». Перед нами два больших человека, достаточно прозорливых, чтобы увидеть лучшее друг в друге, и достаточно благородных, чтобы сказать об этом вслух.

Возможно, иногда Фицрой казался чересчур суровым и резким человеком, поступки которого нельзя заранее предугадать, человеком, который любил своих ближних в целом и терпеть не мог каждого в отдельности. Но так казалось лишь на первый взгляд. Истинный Фицрой совсем иной. Дарвин употребил в применении к своему старому другу очень верный эпитет: ревностный. А тот, кто ревностно относится к своему делу, достоин уважения и даже зависти.

ПРОРОК СОВРЕМЕННОЙ СИНОПТИКИ

Закончена увлекательная повесть о беспокойной, плодотворной и несчастливой жизни и о трагической смерти одного большого человека, человека мужества и долга: сложного и прямого; трудно выносимого и обаятельного; крутого морского капитана и дон-кихота на губернаторском посту; верующего христианина, до смешного преданного библейской доктрине, и смелого пролагателя новых путей в метеорологии. За ярким индивидуальным обликом Роберта Фицроя легко различить черты человека своей эпохи, своего народа, своего класса: не в вакууме сформировался такой характер. И автор книги с большим мастерством рассказал о жизни Фицроя именно на фоне его времени и окружения: Англия морских традиций и колониальной политики, вигов и тори, близких аристократов и пронизательных ученых живет вокруг его героя.

Но остается впечатление чего-то недоговоренного — и о смерти, и о посмертной судьбе героя. Печальный конец Фицроя остается загадочным; волнующие строки из дневника жены, говорящие и о физической, и о психической депрессии Фицроя в дни, предшествовавшие самоубийству, не вскрывают причин депрессии. И, вероятно, мы уже никогда не узнаем, о чем велись предсмертные разговоры с Мори, заставлявшие Фицроя волноваться до каторги самообладания.

Меллерш цитирует еще письмо вдовы Фицроя, в котором она сообщает, что уже в январе консультировалась с врачами по поводу его психического состояния. А что было в предшествовавшие годы?

Британская энциклопедия объясняет смерть Фицроя психической депрессией на почве переутомления. Трудно сказать — все ли объяснение в этом; не играла ли роль в психическом состоянии Фицроя и тяжелая наследственность, о которой говорится в книге? Потерю душевного равновесия у Фицроя объясняли, конечно, и влиянием недоброжелательной критики его прогнозов. Но таков ли был характер Фицроя, чтобы малодушно уйти со сцены — под влиянием ли неудачных прогнозов или их критики с чьей бы то ни было стороны? Скорее всего, и переутомление, и неприятности с прогнозами попали на давно подготовленную почву поколебленной психики.

Да и прогнозы были не столь уж неудачными, и критика вовсе не была слишком резкой, убедительной или авторитетной (вторым, однако, что нам неизвестно содержание разговоров с Мори, но они происходили уже накануне самоубийства). Официальное же отношение к Фицрою в этот период было достаточно благожелательным.

Меллерш почему-то не упоминает, что в начале 1863 года, за два года до смерти Фицроя, Торговый совет обратился к Королевскому обществу с просьбой сообщить Совету свое мнение о том, позволяет ли состояние науки метеорологии «с пользой допустить постоянную систему штормовых сигналов и ежедневное предсказание погоды» и не лучше ли вместо этого тратить ассигнованные парламентом средства «на первоначальную цель, имевшуюся при учреждении Метеорологического департамента», т. е. на собирание и обработку судовых наблюдений. Королевское общество ответило, что, по заявлению адмирала Фицроя, «первоначальная цель» никогда не упускалась из виду, и что «новые обязанности, взятые на себя департаментом, не мешают ее осуществлению; что Общество с удовольствием увидело, что из портов Королевства поступило (в ответ на анкету) только три неудовлетворительных отзыва на 46 благоприятных, что учрежденная Фицроем система телеграфирования дает возможность констатации новообразования и движения циклонов и, следовательно, полезных штормовых предупреждений (здесь дана ссылка на мнение сэра Джона Гершеля). Что же до предсказаний погоды, публикуемых в газетах, Общество не имеет каких-либо данных для заключения о них, но узнало от адмирала Фицроя, что эти предсказания почти ничего не стоят правительству, а потому и не подходят в разряд вопросов, по которым требовался бы ответ».

Переписка по этому поводу опубликована в приложении к «Книге о погоде» в том же 1863 году. Таким образом, всего за два года до смерти Фицроя Королевское общество фактически поддержало его инициативу и, во всяком случае, не вступало с ним в какой-либо открытый конфликт. Объяснения Фицроя были приняты с пониманием (по крайней мере внешне) и без возражений.

В то же время, в 1862 и 1863 гг., вышла двумя изданиями «Книга о погоде», и ее успех должен был бы способствовать укреплению уверенности Фицроя в правильности избранного им пути.

А успех, несомненно, был, и не только в Англии. Заметим, кстати, что в том же 1865 году, когда погиб Фицрой, в Петербурге вышел хороший перевод «Книги о погоде» на русский язык, сделанный капитан-лейтенантом Н. Тресковским и изданный морским ведомством («Практическая метеорология контр-адмирала Фицроя, чл. Кор. уч. общ. Спб., 1865).

И тем не менее наступил печальный конец. Неужели его единственной причиной были безответственные газетные пересуды?¹

¹ Видимо, у современников были и другие версии о причинах смерти Фицроя. Откуда-то ведь взялось «объяснение», данное уже в 1902 г. в русском «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона в статье о Фицрое, подписанной Ю. Ш. (Ю. М. Шокальским). Мы там читаем: «Он покончил жизнь самоубийством, удрученный неудачами южных штатов Северной Америки в междоусобной

Конец был еще более печальный, чем это следует из книги Меллерша. Неудачи преследовали Фицроя и после смерти. Теперь это была неудача его последнего дела. И еще большая неудача — забвение его научных достижений. Ни современники, ни ближайшее потомство не смогли по достоинству оценить Фицроя как ученого.

В книге почти не говорится о посмертной оценке деятельности Фицроя. Возникает вопрос: Была ли эта оценка вообще? И если была, — в какой мере она справедлива? Самый факт появления первой биографии Фицроя почти через сто лет после его смерти заставляет скорее предположить недооценку.

Конечно, имя Фицроя вошло в историю вместе со вторым плаванием „Бигля”. Но и „Бигль”, и его капитана обессмертило лишь то обстоятельство, что на борту „Бигля” находился Чарльз Дарвин: слава капитана „Бигля” — лишь скромное отражение всемирной славы его ученого соотрапезника. Не было ли, однако, у Роберта Фицроя и собственных прав на память потомства?

Эти права были. Не в том, что Фицрой был выдающимся моряком-гидрографом: Англию трудно удивить отличными капитанами и, в конце концов, Фицрой — не Кук. И не в том, что второй губернатор Новой Зеландии оказался белой воропой среди колониальных администраторов старой Англии. Вечную память обеспечивают Фицрою те последние двенадцать лет его жизни и работы, которые наименее подробно освещены у Меллерша в небольшой четвертой части его книги.

Комиссия 1866 года, о которой сообщается в книге, пришла к более суровым выводам, чем совет Королевского общества при жизни Фицроя. И хотя комиссия все же с оговорками согласилась на продолжение штормовых предупреждений, Общество на этот раз рекомендовало воздержаться даже и от них. В 1867 г. вместо Метеорологического департамента было организовано Метеорологическое управление (Meteorological office) под руководством Королевского общества и составление синоптических карт в Англии

войне их против северных». Об отношении Фицроя к гражданской войне в Соединенных штатах у Меллерша ничего не говорится, но все неправдоподобие такой «причины» для самоубийства вряд ли нужно доказывать. Однако и в 1957 г. редактор русского перевода дарвинского «Путешествия натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“» написал (или переписал своими словами из Шокальского?), что Фицрой якобы был «защитником рабства негров». Предоставим читателю судить, вяжется ли это с отношением Фицроя к огнеземельцам и новозеландским аборигенам. Планаций же в южных штатах Фицрой, как известно, не имел.

Увы, Фицрою не повезло в указанном переводе. Мы находим там еще и такой отзыв редактора о нем как о губернаторе Новой Зеландии: «Его реакционная политика, тяжелое финансовое бремя, наложенное им на население, предоставление им чрезмерной власти миссионерам вызвали протесты поселенцев в английский парламент, который был вынужден потребовать у правительства отзыва Фицроя с поста губернатора». Мы видели, что и как было в Новой Зеландии. Поселенцы-то были белыми и недовольны были именно гуманной политикой Фицроя по отношению к аборигенам.

прекратилось — именно тогда, когда служба погоды была уже организована, кроме Франции, еще в нескольких европейских странах и близка была ее организация в России.

Но уже в 1869 г. составление синоптических карт пришлось возобновить, так же как и штормовые предупреждения: требования жизни оказались сильнее академического скептицизма. Регулярные прогнозы общего пользования, однако, снова вопли в практику лишь много лет спустя, к концу 70-х годов.

Заслуги Фицроя в организации службы погоды его страны должны были поэтому получить хотя бы запоздалое признание. На обложке английского журнала «Meteorological Magazine» десятки лет печатался среди портретов других корифеев английской метеорологии также и портрет Фицроя. Вне Англии о нем знали меньше и, случалось, не упоминали в самых авторитетных исторических изложениях: его заслонял более удачливый Леверье.

Теперь Фицрой стоит в нашем представлении рядом с Леверье, как провозвестник и зачинатель службы погоды. Как и Леверье, он не захотел предоставить метеорологии и обществу спокойно дожидаться теперешней гидродинамики и электронных машин; он сразу же поставил новую идею на службу цивилизации. Он был ученым практической складки и не побоялся прогнозировать погоду теми скудными средствами, которые были в его распоряжении. История его оправдала. Служба погоды на ее столетнем пути стала неотъемлемым достоянием человечества. Хотя „эмпиризм“ доселе остается главной ее методологической основой, в Англии, как и во всем мире, не боятся тратить на службу погоды не тысячи, как во времена Фицроя, а миллионы, зная, что эти затраты многократно окупятся.

Но организация службы погоды — не все, что сделал Фицрой в метеорологии. Сравнительно недолгий опыт работы над синоптическими картами (вместе с опытом плаваний) и поистине блестящая интуиция привели его уже на этой ранней стадии службы погоды к целой системе представлений о синоптических процессах (макромасштабных атмосферных процессах), на несколько десятилетий опередившей науку его времени. Он был здесь поистине пионером.

Эта система изложена в „Книге о погоде“, ставшей научным завещанием Фицроя. Однако, людей, слишком опередивших свое время в науке, часто, может быть даже неизбежно, забывают до тех пор, пока дальнейшее органическое развитие науки не приводит к тем же выводам на расширенной основе. Если бы Фицрой не умер преждевременно, то, возможно, ему удалось бы дальнейшей работой добиться признания своих идей и открытий и тем ускорить развитие метеорологии. Но этого не случилось.

Фицрой был членом Королевского общества и призванным гидрографом, но никогда не считался выдающимся ученым. Воздавая должное его организаторскому рвению, о научных его заслугах просто не упоминали. „Книгу о погоде“ иногда вспоминали, иногда отзывались о ней в общем лестно, но вряд ли ее много читали уже вскоре после смерти Фицроя. Она осела на дальних полках библиотеки. Конечно, это обычная судьба старых научных книг, за исключением тех, которые отмечены печатью гения. Но прежде, чем

книга сходит со сцены — все ценное из нее извлекается учениками и последователями, учитывается в дальнейшем развитии науки. Вот этого-то и не произошло с „Книгой о погоде”.¹

Быстро пришли другие времена: методология Фицроя, не успев расцвести, уступила место иному направлению синоптического анализа — изобарической синоптике, развившейся в те же годы на континенте. Именно она стала на десятки лет основой службы погоды. Но она не стимулировала и не могла стимулировать понимания тех замечательных открытий и прозрений, которые заключались в „Книге о погоде”; она надолго сделала эту книгу ненужной. Справедливую оценку Фицрой как ученый получил спустя три четверти века после смерти, когда возникновение в синоптической метеорологии нового направления — фронтологического — позволило прочесть и понять в „Книге о погоде” то, чего ближайшие потомки не читали и не понимали.

В 1931 г. немецкий метеоролог В. Дикман в краткой заметке в «Naturwissenschaften» обратил внимание на одну схематическую карту из книги Фицроя. На ней можно было ясно различить серию циклонов в современном ее понимании, как пограничное образование между полярным и тропическим воздухом. Ничего подобного не встречалось в метеорологической литературе от Фицроя и до 20-х годов нашего века. В 1932 г. в „Журнале геофизики” я опубликовал статью „От Дове к синоптике (Фицрой)”, а в 1933 г. в „Das Wetter” другую статью: „Метеорологическая система адмирала Фицроя”. После этого значение Фицроя, как ученого, пошло быстрое признание среди специалистов: настолько говорила сама за себя его книга современному читателю. Уже с 40-х годов почти в любом изложении исторического развития службы погоды и синоптической метеорологии можно найти более или менее правильное освещение пионерской роли Фицроя в нашей науке.

Открытия Фицроя возникли не на пустом месте и не только на основе немногих лет опыта с синоптическими картами. Фицрой исходил из популярного тогда учения немецкого климатолога Г. В. Дове о последовательных сменах так называемых полярного и экваториального течений, как о причине изменений погоды в умеренных широтах. Около середины прошлого века Дове заслуженно считался крупнейшим авторитетом в метеорологии и климатологии; у него, между прочим, учился молодой Воейков; по его пути пошел в конкретном анализе климата Москвы и московский профессор М. Ф. Спасский (1847).

Меллерш вряд ли был прав, предполагая, что Фицрой, хотя и был переводчиком у австрийского эрцгерцога Фридриха, не знал немецкого языка. В „Книге о погоде” Фицрой многократно ссылается на Дове. Он наверняка был лично знаком с Дове: последний в

---

¹ В связи с этим заметим, что экземпляр книги Фицроя в оригинале оставался в библиотеке Московского университета неразрезанным до 1931 года, когда он попал в руки автору этих строк. Тираж русского издания полностью не разошелся; уже после революции его остатки были обнаружены в Адмиралтействе. В метеорологической литературе на русском языке в первые три десятилетия XX века нет, по-видимому, никаких упоминаний о русском издании книги Фицроя.

1854 г. приезжал в Лоддон, чтобы принять участие в обсуждении в Королевском обществе вопроса об организации Метеорологического департамента.

Но Фицрой не просто воспроизводил в своей книге идеи и выводы Дове. Он сделал больше. Дове никогда не работал с синоптическими картами; он делал выводы из анализа материала наблюдений на отдельных станциях. Фицрой синоптически интерпретировал учение Дове, положив его в основу своей методики синоптического анализа. Он сумел при этом разглядеть полярный и экваториальный потоки Дове (или то, что соответствует им в действительности) на синоптических картах, несмотря на всю их тогдашнюю скудость. При этом и обнаружилось те замечательные структурные особенности в атмосферных процессах, о которых рассказывается в „Книге о погоде“ и которые снова стали известны метеорологам лишь в двадцатом столетии из работ так называемой бергенской школы, уже на более совершенной технической и более глубокой теоретической основе.

Другой вопрос: читал ли Дове Фицроя и понял ли он, что Фицрой расширяет и углубляет его учение? Дове до конца жизни (1879 г.) „не признавал“ синоптического метода, может быть и потому, что на материке этот метод с самого начала основывался на иных представлениях, далеких от представлений и самого Дове, и Фицроя. Синоптический анализ принял форму так называемой изобарической синоптики и сводился преимущественно к формальному анализу одного только поля давления. Весь характер погоды ставился в связь с распределением давления, прогноз погоды также сводился к прогнозу распределения давления. Так было от времен Леверье и до двадцатых-тридцатых годов нашего века.

Если бы Дове заинтересовался синоптическим методом, он, может быть, и сумел бы внедрить в него концепции свои и Фицроя. Но его позиция лишь быстро привела к падению его собственного авторитета. На его широкие и в основном правильные обобщения синоптики того времени начали смотреть как на нечто отжившее. Вместе с ними был забыт и пионерский синоптический опыт Фицроя.

По Фицрою, синоптическая карта дает возможность „исследования перемен и порядка изменений в атмосферных течениях“. В результате анализа карт Фицрой смог сделать вывод об „очевидном существовании, непрерывной смене и борьбе больших более или менее параллельных, почти горизонтальных полярных и экваториальных (тропических) течений атмосферы“. Здесь Фицрой как раз дает ссылку на „закон штормов“ Дове.

Фицрой указывает, что течения эти „весьма длинные, в несколько сот миль шириною и в 2—3 мили высотой“. Полярные и тропические течения могут идти в умеренных широтах бок о бок по поверхности земли, но могут и находиться одно над другим, причем тропические течения располагаются над полярными. Иногда полярное течение может длительно господствовать на огромном пространстве, но чаще происходит смена полярных и тропических течений. Перемешивание воздуха происходит медленно, и потому воздушные течения надолго сохраняют присущие им температуру

и другие свойства, как влажность, прозрачность, электрическое состояние. Это позволяет „проследивать каждое воздушное течение по его особенностям на протяжении обширной сети наблюдательных станций”. Иными словами, полярные и тропические течения Фицрой — это современные воздушные массы с их консервативными свойствами. В „Книге о погоде” эти свойства описываются. При этом Фицрой даже пользуется термином „воздушная масса” наряду с термином „течение”.

Фицрой не ввел понятия атмосферного фронта. Однако он подчеркивает, что резкие смены погоды происходят только при смене течений. Он понимает и то, что со временем эти свойства все же должны меняться, и с полной ясностью намечает современную концепцию трансформации воздушных масс при их движении над различной подстилающей поверхностью.

Для Дове его полярное и экваториальное течения были лишены пространственной конкретности. Фицрой свои полярные и тропические течения увидел и описал. При этом ему, очевидно, пригодился его опыт гидрографа: аналогию между океаническими и атмосферными крупномасштабными явлениями встречают у него не раз.

Этого мало: Фицрой подошел вплотную и к фронтальному происхождению циклонов, связав циклоническую деятельность с взаимодействием своих воздушных течений. Именно этого не смог сделать Дове, считавший низкое или высокое давление свойством самого течения (низкое давление в экваториальном течении, высокое в полярном). Фицрой вполне определенно говорит об образовании циклонов в средних и даже в полярных широтах на границах между тропическими и полярными течениями. Он объясняет этот процесс завихриванием при „встрече”, или „столкновении”, течений вследствие „расстройства равновесия в каком-либо месте”. К такому месту „продвигаются оба течения по направлениям, представляющим наименьшее сопротивление”.

Фицрой ясно также, что циклоны возникают, говоря современным языком, семействами или сериями. В описании такой серии есть подробности, поразительно близкие к позднейшим представлениям уже нашего века.

Хотя Фицрой и не вводит понятия фронта, мы находим у него самую конкретную картину полярного фронта, испытывающего перемещения и колебания вследствие циклонической деятельности. Полярные массы проникают при этом к югу, а тропические к северу „наподобие колеблющихся языков пламени”. При этом полярный воздух может достигать субтропиков и входить в пассаты, а тропический воздух, поднимаясь над полярным, продолжает движение в высоких слоях. Таким образом, не только полярные и тропические течения, но и циклоническая деятельность оказывается у Фицроя включенной в систему общей циркуляции атмосферы.

Из самих описаний в „Книге о погоде” можно убедиться, что Фицрой *видел* все, о чем писал, что это зрительные впечатления, полученные от карт. Карты линий тока, приложенные к книге и закрашенные совсем по теперешнему — полярный воздух синим, тропический красным, также это подтверждают. На картах мы различаем даже процесс окклюзии циклона, т. е. вытеснения тепло-го воздуха в циклоне в высокие слои.

Мы находим в „Книге о погоде” и очень точное описание смены погоды при прохождении циклона, вполне сопоставимое с нашей теперешней моделью фронтального циклона. Из современной системы представлений фронтологической синоптики едва ли не единственное, чего Фицрой не предвидел,—объяснение циклонов как фронтальных волн.

Конечно, в наше время модели и закономерности, найденные Фицроем, установлены заново точнее, на более широкой базе наблюдений, и объяснены на более глубокой теоретической базе, созданной десятками лет предшествовавшего развития динамической метеорологии. Но это только подчеркивает исключительную научную проницательность Фицроя.

Вместе с Дове Фицрой был и зачинателем динамической климатологии. Климатографические главы его книги начинаются так: „Представив общие черты большого атмосферного круговращения (общей циркуляции атмосферы — С. Х.) и видимого соотношения главных течений воздуха, посмотрим теперь на действия, которые эти течения производят на земном шаре”. Под действием Фицрой понимает здесь именно климатообразование. Климат любого района в любых широтах рассматривается в „Книге о погоде” как результат воздушных (а также и морских) течений, господствующих в данной местности.

В „Книге о погоде” рассматриваются также основные принципы и техника синоптической работы, даются соображения о степени объективности и о возможностях синоптического анализа, о формулировках прогнозов, о будущем внедрении математики в анализ атмосферных процессов, и многое другое. Фицрой поистине вырастает в наших глазах в пророка современной синоптики.

Именно в метеорологической работе с наибольшим блеском раскрылись творческие возможности этого замечательного человека. И как грустно думать, что здесь беспокойного адмирала постигла самая тяжелая из его неудач: его научный подвиг не был завершен и остался без влияния на последующее развитие науки.

С. П. Хромов

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные даты и события, произошедшие во время второго плавания «Бигля» в южноамериканских водах

Дата	Основные переходы и события
	1832 год
28 II	Приход в Баю (Бразилия)
26 III	Осмотр островов Абральос
4 IV	Приход в Рио-де-Жанейро. Окраска корабля. Команда отпущена на берег
10 V	Возвращение в Баю и вновь в Рио-де-Жанейро для проверки хронометров. Смертные случаи от малярии
19 VI	Состязания в гавани Рио-де-Жанейро
23 VII	Высадка в Монтевидео вооруженного отряда с „Бигля”
7 IX	Посещение пбсты в Аргентине. Дарвин находит ископаемых
11 IX	Наем и переоборудование двух вспомогательных тендеров
Сентябрь — ноябрь	Гидрографическая съемка к югу от Рио-де-Жанейро
4 XII	Плавание к Огненной Земле
15 XII	Первая встреча с туземцами
	1833 год
23 I	Метьюз и его подопечные огнеземельцы высаживаются возле канала Бигля (Вуллия)
4 II	Метьюз возвращается на корабль
1 III	Приход на Фолклендские острова
8 III	Покупка вспомогательной шхуны, переименованной в „Адвенчер”
26 IV	Возвращение в Монтевидео
Май — октябрь	Проведение гидрографических съемок. Переоборудование «Адвенчера».
16 XII	Отплытие из Монтевидео для повторного посещения Огненной Земли и Фолклендских островов
25 XII	Веселое рождество в порту Десеадо

1834 год

Январь	Выход экспедиции из Сан-Хулиана на поиски пресной воды (вместе с Дарвином)
Февраль	В Магеллановом проливе. Снова в канале Бигля
5 III	Последняя встреча и последнее расставание с Джемми Баттоном
Март	Второе посещение Фолклендских островов
Апрель — май	Возвращение к берегам Патагонии. Ремонт «Бигля»; экспедиция на баркасах вверх по реке Санта-Крус
9 VI	Окончательное расставание с Огненной Землей
22 VII	Прибытие в Вальпараисо.
Август — октябрь	«Бигль» на рейде в Вальпараисо; Фицрой заканчивает карты и т. д. Стоянка задерживается из-за болезни Дарвина
Октябрь	Продажа «Адвенчера». Болезнь капитана.
21 XI	Прибытие в Чилоэ
Декабрь — январь	Продолжение гидрографической съемки на западном побережье. Унылое рождество

1835 год

5 II	Уход с Чилоэ к северу для продолжения съемки
20 II	Большое землетрясение
17 IV	Уход из Концепсьона к северу
16 VI	Известие о крушении «Челленджера» Фицрой отправляется на выручку
2 VIII	Фицрой возвращается на «Бигль»
2 IX	Вспомогательная шхуна остается для съемки побережья Перу; «Бигль» покидает Южную Америку и направляется к Галапагосским островам

БИБЛИОГРАФИЯ

Для тех, кто хочет более досконально изучить биографию Фицроя, ниже предлагаются книги, которые могут оказать в этом наиболее существенную помощь.

О родословной Фицроя мы узнаем из книги Бернарда Фолка «Фицрой — потомки королей» (Хатчинсон, 1950) — Bernard Falk: «The Royal FitzRoys» (Hutchinson, 1950); и книги «Роберт Стюарт, виконт Каслри» маркизы Лондондерри (Артур Хамффри, 1904) — «Robert Stewart, Viscount Castlereagh», by the Marchioness of Londonderry (Arthur Humphries, 1904). О ранних годах Фицроя во флоте рассказывается в книге Генри Н. Саливана «Жизнеописание и письма адмирала Б. Д. Саливана» (Марри, 1816) — «Life and Letters of Admiral Sir B. J. Sullivan», by Henry H. Sullivan (Murray, 1816), а также в «Снотти, истории мичмана» Г. Пенна — «Snotty, the Story of the Midshipman» by G. Penn и «Хронике королевского английского флота» Майкла Льюиса. — «A Social History of the Royal Navy» by Michael Lewis.

Основным источником, из которого можно почерпнуть сведения о первом и втором плавании «Бигля», является, конечно, «Отчет о плавании кораблей Его Величества «Адвенчер» и «Бигль», содержащий описание производившегося ими в 1826—1836 годах обследования южных берегов Южной Америки и плавания «Бигля» вокруг света» (Генри Колбурн, 1839) — «The Narrative of the Surveying Voyages of H. M. S. Adventure and Beagle» (Henry Colburn, 1839), в трех томах с приложениями. Первый том, где говорится о первом плавании «Адвенчера» и «Бигля», написан в основном Кингом, с частичным использованием материалов, предоставленных Стоксом и Фицроем. Второй том — отчет самого Фицроя о втором плавании «Бигля», а третий том принадлежит перу Дарвина. Из трех томов Отчета переиздавался лишь этот том под новым названием «Дневник изысканий» — «Journal of Researches» by Ch. Darwin.

Другие сведения о пребывании Дарвина на «Бигле» находятся в трехтомном «Жизнеописании и письмах», и двухтомных «Письмах», изданных его сыном Фрэнсисом (Марри, 1887 и 1903) — «Life and Letters» and «More Letters» (Murray, 1887, a 1903).

Дарвинский Путевой дневник путешествия на «Бигле» был отредактирован и издан его внучкой Норой Барлоу в 1933 году — «Diary» by Charles Darwin, ed. by Nora Barlow. «Дневник» послужил основой III тома Отчета о путешествии «Бигля», но в

нем больше материала, касающегося Дарвина лично, и записи даны в хронологическом порядке. Леди Барлоу напечатала также книгу «Чарльз Дарвин и путешествие на «Бигле» (Пайлот Пресс, 1945). — «Charles Darwin and the Voyage of the Beagle» (Pilot Press, 1945), куда она включила относящуюся к этому периоду переписку, характеристику Фицроя, данную Дарвином, отрывки из его «Записных книжек», полный текст «Автобиографии» Дарвина (Кэллинз, 1958) — «Autobiography» (Collins, 1958), а также посвященную Фицрою статью в журнале «Корнхилл Мэгазин» от апреля 1932 года (Cornhill Magazine of April, 1932). Превосходной и незаслуженно забытой является биография Дарвина «Чарльз Дарвин, многогранный человек» Джеффри Уэста (Дж. Рутлефф, 1937) — «Charles Darwin, the Fragmentary Man» by Geoffrey West (Geo. Routledge, 1937), где большое внимание уделено Фицрою; автор имел возможность получить многие сведения непосредственно от дочери Фицроя от второго брака.

В «Воспоминаниях о старых друзьях (1835—1875)» Кэролайн Фокс (Смит-старший, 1882, в 2-х т.). — «Memoirs of old Friends, 1835 to 1871» by Caroline Fox (Smith Elder, 1882, two vol.) содержится два упоминания о Фицрое; Кэролайн Фокс дает ясное представление о развитии научной мысли и моральной атмосфере своего времени, знакомит нас с крупными учеными и литераторами тех дней. Не менее полезной является книга Мюриел Джегер «До королевы Виктории» (Чатто и Уиндус, 1956) — «Before Victoria» by Muriel Gaeger (Chatto & Windus, 1956).

О парламентской деятельности Фицроя мы узнаем из «Парламентских дебатов» Хэнсарда (серия 3, тома 59—63) — Hansard's Parliamentary Debates, 3rd Series, vols. 59 to 63.

С ранней историей Новой Зеландии нас знакомит «Краткая история Новой Зеландии» Кондлиффа и Эйри (Н. З., 1954) — «A Short History of New Zealand» by Condliffe and Airey (N. Z., 1954). О бароне де Тьерри мы узнаем из «Новозеландских биографий», а о Эдварде Гиббоне Вэкфильде — из его жизнеописания, принадлежащего перу Поля Бломфильда (Лонгман, 1961) — «New Zealand Biographies» и «Edward Gibbon Wakefield» by Paul Blomfield (Longman, 1961).

Записки майора Томсона, являющиеся в большей или меньшей степени свидетельством очевидца событий, под названием «История Новой Зеландии, прошлое и настоящее» были напечатаны Марри в 1859 г. — «The Story of New Zealand, Past and Present — Savage and Civilized» (J. Murray, 1859), а книга Эдварда Джерингема Вэкфильда «Приключение в Новой Зеландии» была переиздана в 1908 году Вайткомбом и Томсом — Edward Gerningham Wakefield: «Adventure in New Zealand» (Whitecombs and Tombs, New Zealand, 1908).

Куда более полные сведения о губернаторстве Фицроя в Новой Зеландии можно почерпнуть из книги А. Х. Маклинтока «Королевское колониальное правительство в Новой Зеландии» (Веллингтон, 1958) — «Crown Colony Government in New Zealand» by Dr. A. H. Mc Lintock (Wellington, 1958).

«Заметки о Новой Зеландии» самого Фицроя были опубликованы В. и Х. Уайтами в Лондоне в 1846 г. — Fitz Roy: «Remarks on New Zealand» (W. & H. White, London, 1846).

«Книга о погоде» Фицроя была опубликована издательством Лонгмана в 1862 году — «Weather Book» by Fitz Roy (Longman, 1862). С атмосферой, в которой проходили последние годы жизни Фицроя, мы знакомимся в книге Дэвида Бранта «Столетие со дня основания Метеорологического ведомства» — «Centenary of the Meteorological Office» by Sir David Brunt.

«Доклад комиссии, назначенной рассмотреть некоторые вопросы, касающиеся Метеорологического Департамента Торгового Совета», был напечатан в 1866 г. Управлением по изданию официальных документов — «Report of a Committee appointed to consider certain questions relating to the Meteorological Department of the Board of Trade (H. M. S. O. 1866).

Книга Кристофера Кука «События и неудачи в жизни Фицроя» была опубликована в 1867 г. Х. Холлом — Christopher Cook: «Fitz-Roy's Facts and Failures» (H. Hall. London, 1867).

В книге Д. Л. Стокса «Открытия в Австралии» (Т. и Н. Був, 1846, 2 т.) — J. Lort Stokes: «Discoveries in Australia» (Т. & N. Boone, 1846) дается отчет о дальнейших плаваниях «Бигля».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ — 5

ОТ АВТОРА — 8

КАК ДЕЛАЮТСЯ КАПИТАНАМИ — 9

Семья и традиция — 9

Подготовка капитанов — 12

Первые дни на «Бигле» — 20

Потеря к лучшему — 30

ВЕЛИКОЕ ПЛАВАНИЕ — 40

Необычная причина второй экспедиции — 40

На сцене появляется Дарвин — 47

Искусство и удача — 57

Возвращение огнеземельцев — 72

Неодолимое желание, несбывшаяся надежда — 87

Взаимное недовольство и взаимная помощь — 94

Тяжелая наследственность — 108

В чем состоит их долг — 114

Там, где сокрыто твое сокровище — 125

ПЫЛКИЙ ФИЛАНТРОП — 143

Создание книги — 143

Позорный эпизод — 155

«Благословение» мистера Гладстона — 162

Трудное рождение колонии — 166

Губернаторство — 175

«Мне нанесена глубокая и неизлечимая рана» — 192

ВНОВЬ НАЧАЛО И ГОРЬКИЙ КОНЕЦ — 203

Первооткрыватель — 203

Senex — 212

Реабилитация и прощение — 227

ПРОРОК СОВРЕМЕННОЙ СИНОПТИКИ — 240

ПРИЛОЖЕНИЕ — 248

БИБЛИОГРАФИЯ — 250

Меллерш Г.
М 47 Фидрой — капитан «Бигля». Л. Гидрометеониздат, 1975.
256 стр. с илл. + вкл. (8 стр.)

Роберт Фидрой обессмертил свое имя дважды: как капитан «Бигля», которому принадлежала инициатива приглашения в то время начинающего натуралиста Чарльза Дарвина в пятилетнее плавание, и как смелый новатор в метеорологии, стоявший у колыбели службы погоды Англии. У этого человека — ученого, гуманиста, философа — была трудная судьба. Плавание на «Бигле» не только принесло ему громкую славу, но и расстроило здоровье, а деятельность его в Метеорологическом департаменте окончилась трагически. Автор привлек обширные материалы — переписку своего героя, воспоминания его жены, архивы адмиралтейства, Королевского общества и т. д.

Представляет интерес для широкого круга читателей.

М 20901-118 58-75
069(02)-75

Г. Меллерш

ФИЦРОЙ — КАПИТАН «БИГЛЯ»

Редактор Л. П. ЖДАНОВА
Художник В. А. КУБАСОВ
Художественный редактор Б. А. ДЕНИСОВСКИЙ
Технический редактор В. И. СЕМЕНОВА
Корректор И. В. ЖМАКИНА

Сдано в набор 5/XI 1974 г. Подписано к печати 4/VI 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2 и мелованная. Печ. л. усл. 13,86 (в т. ч. вкл.). Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 200 000 экз. Индекс ПЛ-106. Заказ 1649. Цена 78 коп.

Гидрометеиздат. 199053. Ленинград, 2-я линия, 23.

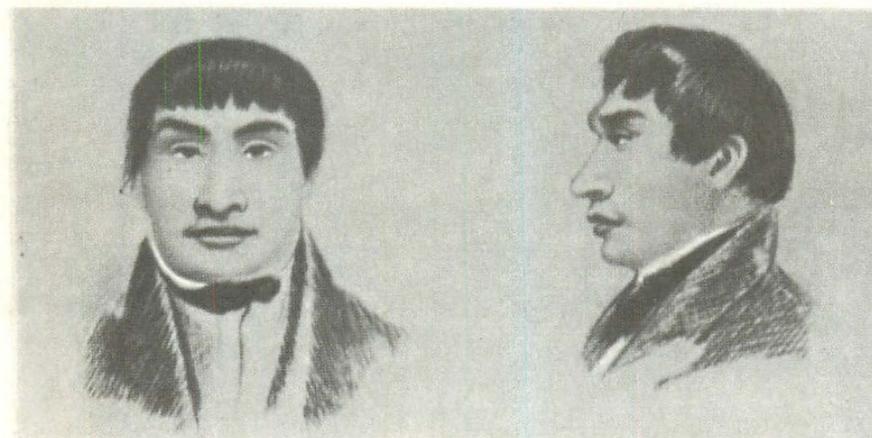
Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

Фицрой в дни плавания на «Бигле».

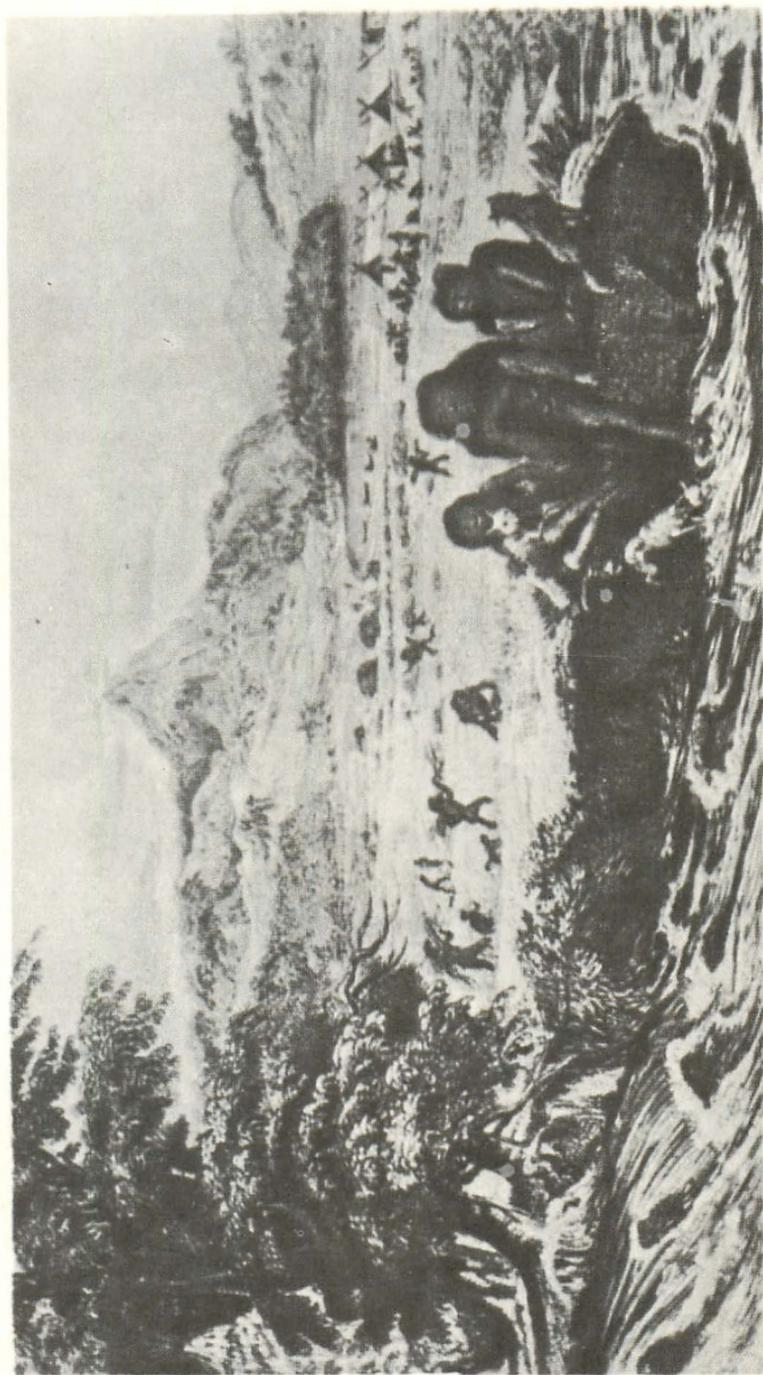

Чарльз Дарвин в молодости (с акварели А. Ричмонда).

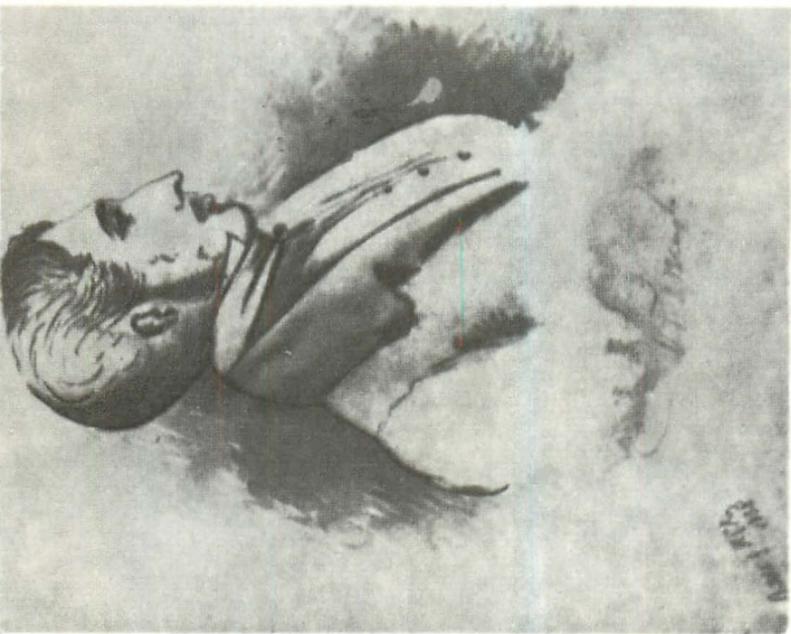

Огнеземельцы Фицроя.

Левый ряд (сверху вниз) — Фуззия Баскет в 1833 году, Джемми Баттон в 1834 году, Йорк Минстер в 1832 году, правый ряд (сверху вниз) — жена Джемми в 1834 году, Джемми в 1833 году, Йорк в 1833 году.

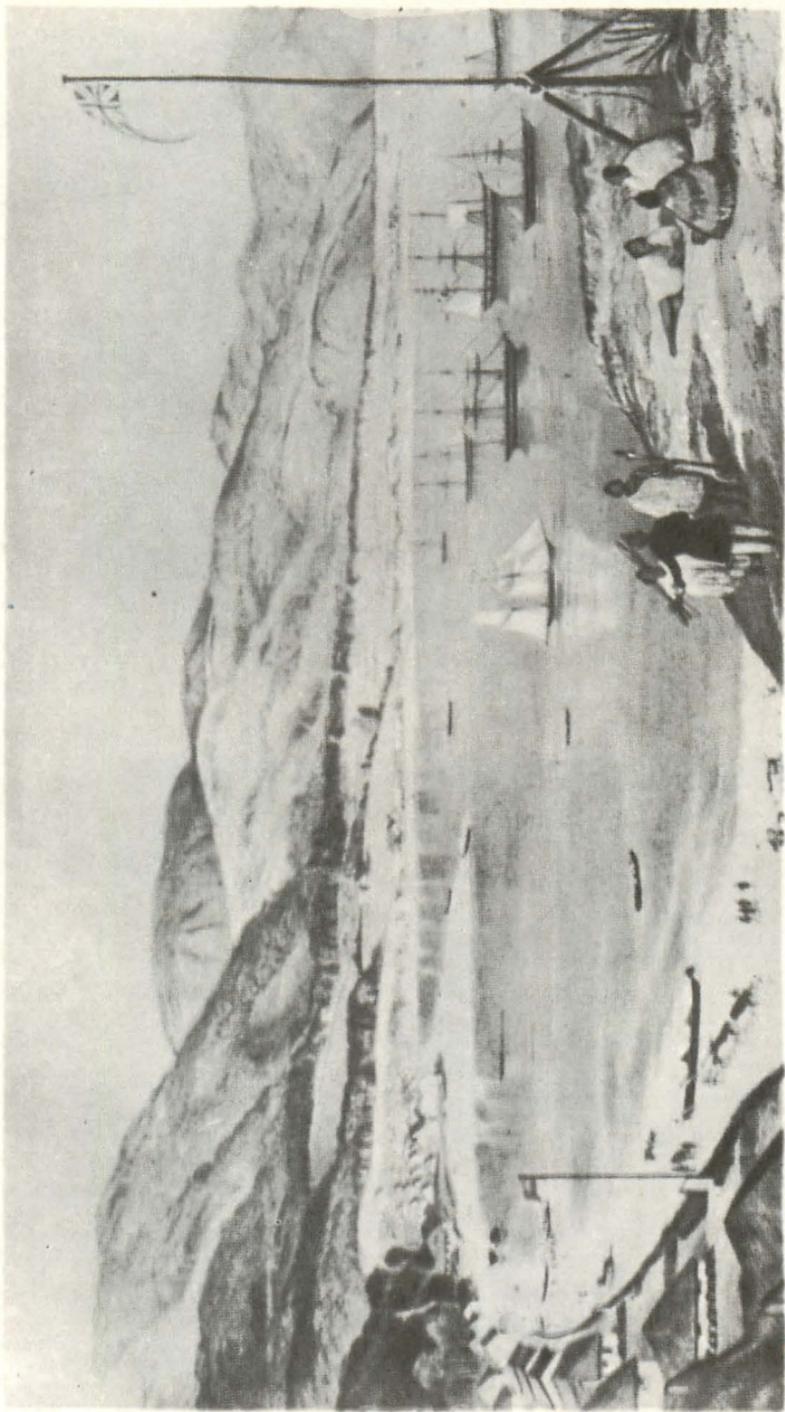
Вуллия (набросок Фицроя, строительство миссии).

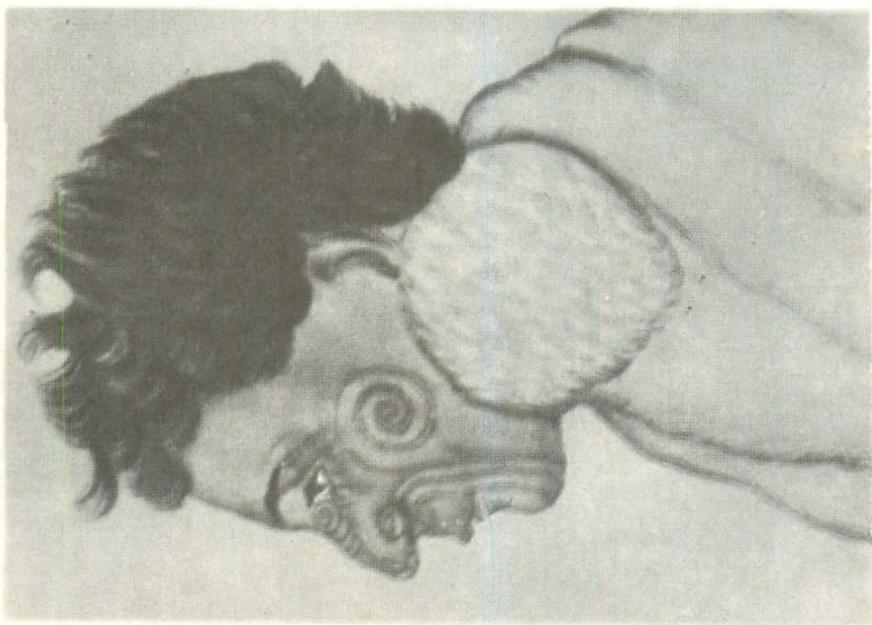
Фицрой во время второго плавания «Бигля»
(набросок мичмана).

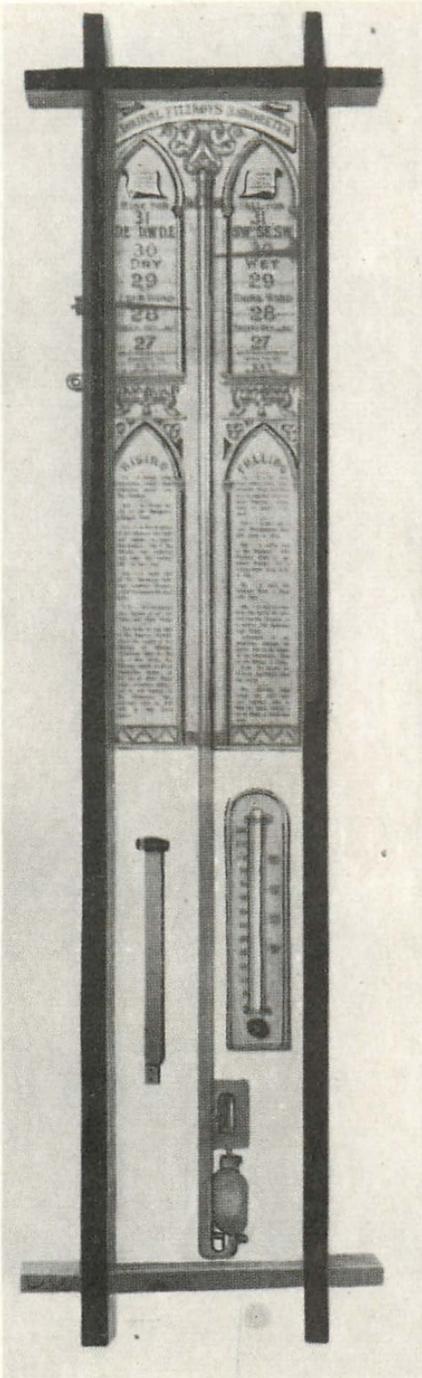
Фицрой во время первого плавания «Бигля»
(набросок старшего офицера).

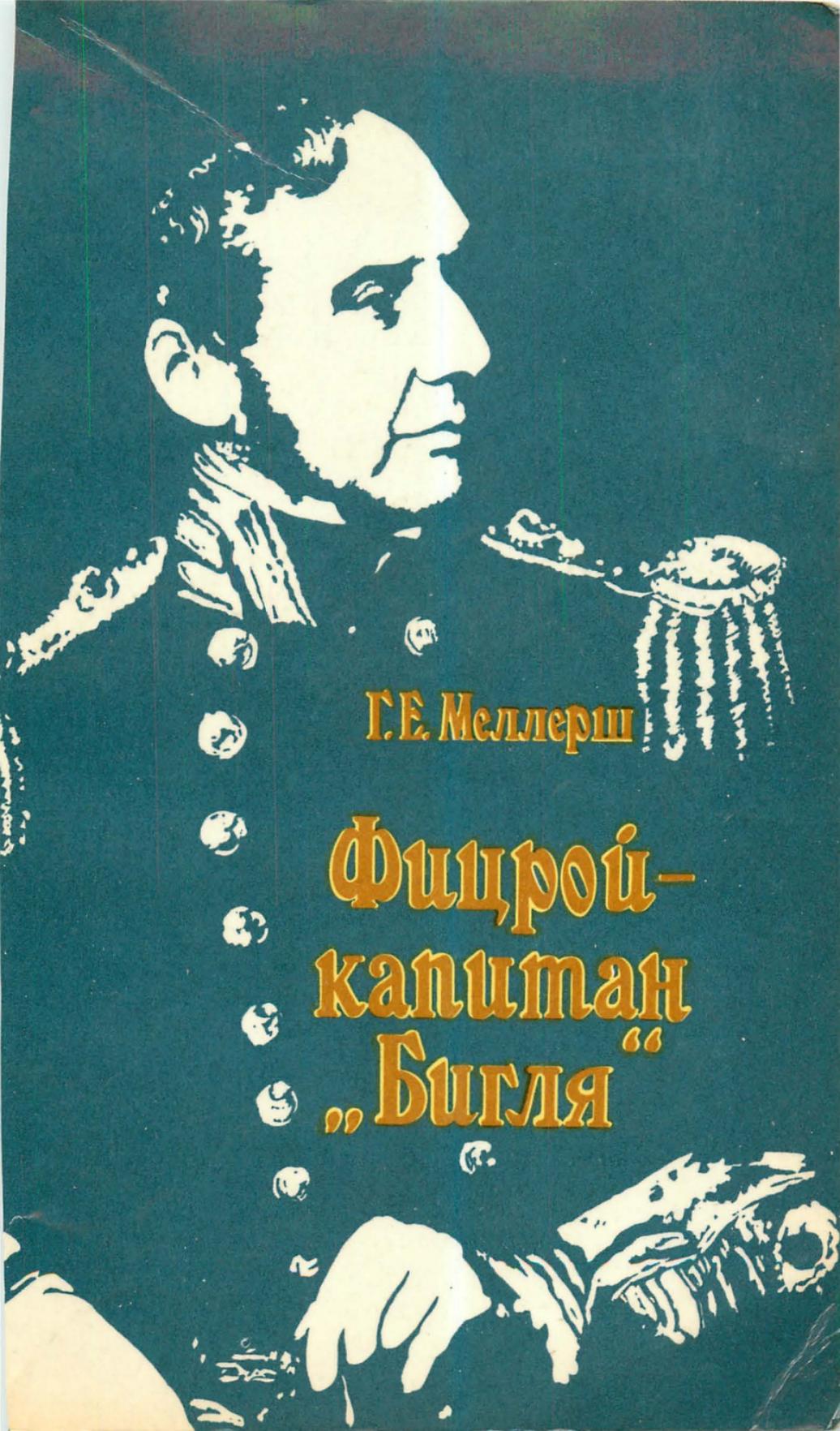
— Гавань в Веллингтоне (литография с акварели Чарльза Хифи, 1841 год).

Те-Рауперага (набросок, приписываемый Хифи).

Барометр Фицроя. 1860 год.

Г.Е. Меллерш

Фицрой-
капитан
„Бигля“

78 коп.

Гидрометеиздат 1975